

ISSN 2307-2539

№3 (15) • 2016

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
Иштван Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдиков, д-р ист. наук (Россия);
Такахама Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук (Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
С 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2016.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№3 (15) • 2016

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2016

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshepkin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D, Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
Ishtvan Fodor, Doctor of Archaeology,
Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
Takhama Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D, Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published for 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2016

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Накладки сложносоставных луков из могильника Сростки-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.)	7
<i>Дэвлет Е.Г., Леванова Е.С., Пахунов А.С., Грешиников Э.А., Гринько А.Е.</i> Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и судьба памятников наскального искусства России	20
<i>Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л.</i> Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI	25
<i>Марсадоллов Л.С.</i> Сакральная археология и классификация мегалитов	44
<i>Руденко К.А.</i> Редкие находки эпохи Хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве)	63
<i>Степанова Н.Ф., Мерц В.К.</i> Керамика поселения Шар-Говь-4 (Северо-Западная Монголия)	83

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л.</i> Результаты изучения металлических находок с поселения Колыванское-I (северо-западные предгорья Алтая)	90
<i>Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф.</i> Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3	102
<i>Руденко К.А., Нечвалода А.И.</i> Могильник на тетюшском II городище в Татарстане: портретная антропологическая реконструкция по черепу и краниология одного погребения	126

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Горбунов В.В.</i> Монгольские «копьевидные» наконечники стрел из собрания Алтайского государственного краеведческого музея	150
<i>Фролов Я.В.</i> История формирования коллекций скифского времени с территории лесостепного Алтая в археологическом собрании Алтайского государственного краеведческого музея	160

ХРОНИКА

<i>Томилов Н.А., Тишкин А.А., Корусенко М.А., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н.</i> XXI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» 6–8 октября 2015 г., Барнаул	171
<i>Список сокращений</i>	179
<i>Сведения об авторах</i>	180

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Gorbunov V.V., Tishkin A.A.</i> The Plates of the Composite Bows From the Srostki-I Burial Ground (materials of excavations of 2012–2014 and 2016)	7
<i>Devlet E.G., Levanova E.S., Pakhunov A.S., Greshnikov E.A., Grinko A.E.</i> The Unesco World Heritage and Tentative List: the Rock Art Site in Russia	20
<i>Kiryushin K.Y., Gaiduchenko L.L.</i> Articles of Bones in the Materials of the First Layer of the Eneolithic Settlement “Novoilinka-VI”	25
<i>Marsadolov L.S.</i> Sacral Archaeology and Classification of Megaliths	44
<i>Rudenko K.A.</i> Rare Artefakts of the Khazar Khaganate Epoch (notes about khazar-hungarian art)	63
<i>Stepanova N.F., Merts V.K.</i> Ceramics of the Shar-Gov-4 Settlement (North-West Mongolia)	83

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Grushin S.P., Tishkin A.A., Zhang L.</i> Results of the Study of Metal Finds from the Kolyvan-I Settlement (North-Western Foothills of Altai)	90
<i>Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F.</i> Ceramic Complex of the Late Bronze Age Settlement Zharkov-3	102
<i>Rudenko K.A., Nechvaloda A.I.</i> Burial Ground on the Tetushi II Settlement in Tatarstan: Portrait Anthropological Reconstruction on the Skull and Craniology of One Burial	126

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Gorbunov V.V.</i> Mongolian “Spear-shaped” Arrowheads from the Collection of the Altai State Museum of Local Lore	15
<i>Frolov Ya.V.</i> The History of the Scythian Time Collection from Forest-Steppe Altai in the Archaeological Collection of Altai State Museum of Local History	160

CHRONICLE

<i>Tomilov N.A., Tishkin A.A., Korusenko M.A., Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N.</i> XXI International Scientific Symposium “Integration of Archaeological and Ethnographical Research” 6–8 october, 2015, Barnaul	171
<i>Abbreviations</i>	179
<i>Authors</i>	180

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.22

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАКЛАДКИ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ЛУКОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА СРОСТКИ-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.)*

В научный оборот вводится серия роговых накладок на боевые луки, полученная в результате исследований экспедиции Алтайского государственного университета на курганном могильнике Сrostки-I в 2012, 2013, 2014 и 2016 гг. Демонстрируются мнения исследователей, занимавшихся изучением сrostкинских луков. Даются описания накладок по таким параметрам, как расположение на кибители лука, форма и размеры. Выделяются типы накладок, и делается вывод об их принадлежности к луку одного типа. Рассматриваются вопросы происхождения и датировки накладок и луков, а также влияние на их развитие различных этнокультурных традиций. Публикуемые наклейки из памятника Сrostки-I датируются 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. Они отражают самостоятельную линию развития сrostкинских сложносоставных луков, которая базировалась на тюркской традиции изготовления оружия дальнего боя и оказала определенное влияние на формирование монгольской традиции.

Ключевые слова: лесостепной Алтай, курганы, погребения, оружие дальнего боя, сложносоставные луки, наклейки, классификация, типология, рубеж развитого и позднего средневековья, сrostкинская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-01

Введение

Изучение сложносоставных луков сrostкинской культуры уже имеет свою историю. Впервые на их особенности обратила внимание А.А. Гаврилова [1965, с. 87–88], которая отнесла такие луки к третьей стадии развития данного вида оружия, отметив отличие от катандинских (тюркских) луков в накладках меньших размеров. Важную роль находкам луков из памятников сrostкинской культуры отводил Д.Г. Савинов. Он считал, что их конструктивные элементы (форма и сочетание срединных боковых и центральной накладок, прямоугольные «вкладыши») стали характерны для луков предмонгольского времени [Савинов, 1981, с. 161]. Неоднократно анализировал сrostкинские луки Ю.С. Худяков. Среди них ученый выделил сначала пять, а затем четыре типа, отметив особо луки со срединной «фронтальной» накладкой, которые отличались от последующих монгольских луков меньшими размерами и очертаниями накладок [Худяков, 1981, с. 121–123; 1986, с. 181–182; 1993, с. 128–129]. В целом, у исследователей сложились определенные представления о своеобразии накладок и месте сrostкинских луков в эволюции стрелкового оружия.

К настоящему времени источниковая база по лукам, найденным в археологических памятниках юга Западной Сибири, существенно выросла. Полнее опубликованы материалы раскопок 1970-х гг. [Могильников, 2002, с. 114–115; Савинов, Новиков,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Летовитым океаном» «Продолжение комплексных археологических исследований памятника Сrostки-I в предгорьях Алтая», №16-11-22606е(р).

Росляков, 2008, с. 23–25], систематизированы находки 1980–1990-х – начала 2000-х гг. [Горбунов, 2006, с. 9–13, табл. II].

Среди памятников сросткинский культуры самое большое число накладок (а соответственно, и сложносоставных луков) найдено на памятнике-эпониме Сростки-I (рис. 1). В частности, зафиксированы 13 накладок от четырех луков, полученных в результате раскопок М.Д. Копытова [Горбунов, 2006, с. 12–13, табл. II.-126]. Они хранятся в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (коллекция 849/67, 69–72). Шесть накладок от двух луков обнаружены при раскопках М.Н. Комаровой, и семь накладок от двух луков выявлены в ходе раскопок С.М. Сергеева [Савинов, 1998, с. 177–179, рис. 4.-10, 5.-4–5, 7.-2, 8.-13]. Новые раскопки, предпринятые экспедициями Алтайского государственного университета на курганном могильнике Сростки-I в 2012–2014 и 2016 гг., позволили получить еще 10 накладок от четырех луков.

Целями настоящей статьи являются введение в научный оборот новейших находок по сросткинским лукам, а также их всесторонний анализ и интерпретация.

Описание деталей луков

Вначале приведем обстоятельства обнаружения роговых накладок на луки в погребальных объектах курганного могильника Сростки-I за период 2012–2016 гг. и представим подробные морфологические характеристики самих накладок.

Курган №8 (раскопки 2013 г.) имел земляную насыпь почти округлой формы, размерами 9,7 x 9 м, высотой до 0,6 м. Под насыпью зафиксированы два могильных пятна и три ямы с остатками деревянных столбов. Накладки на лук найдены в обеих могилах.

Могила-1, центральная, была раскопана ранее. Ее глубина от уровня материка составила 0,65 м. Контур ямы сильно нарушен, ближе ко дну она приобрела размеры 1,42 x 1,06 м, с ориентацией длинной осью по линии З–В. В заполнении могилы, в основном по периметру нижнего контура ямы, встречена серия предметов: три роговых накладки на лук, обломки от четырех железных наконечников стрел, две бронзовые кольчатые серьги, фрагменты железного шила и напильника. Кости человека или животных не найдены. Две накладки на лук лежали у северо-восточной стенки могильной ямы, одна из них – ближе к западной стенке могилы [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60, рис. 6.-1; 7.-1–3].

Одна накладка лука массивная, имеет прямоугольный абрис. Ее длина – 10,7 см, ширина по краям – 1,5 см, ширина посередине – 1,3 см, толщина – до 0,9 см. Поперечное сечение накладки треугольное, продольное – трапециевидное, слегка изогнутое. Лицевая сторона изделия заполирована. Верхний и нижний края с этой стороны дополнительно срезаны. Тыльная сторона накладки заштрихована глубокими канавками (рис. 2.-1).

Другая накладка тонкая, она оказалась фрагментирована. Изначальная форма имела трапециевидный абрис. Сохранившаяся длина изделия составила 5,8 см, наибольшая ширина – 1,4 см, толщина – до 0,2 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, с одним скошенным боком и вогнутым основанием. Продольное сечение накладки представляет собой вид узкого, немного неровного прямоугольника с заостренным окончанием. Лицевая сторона изделия заполирована, его скошенный бок (на ширину до 0,4 см) и заостренный край заштрихованы мелкими насечками. Тыльная сторона накладки прорезана глубокими канавками (рис. 2.-2).

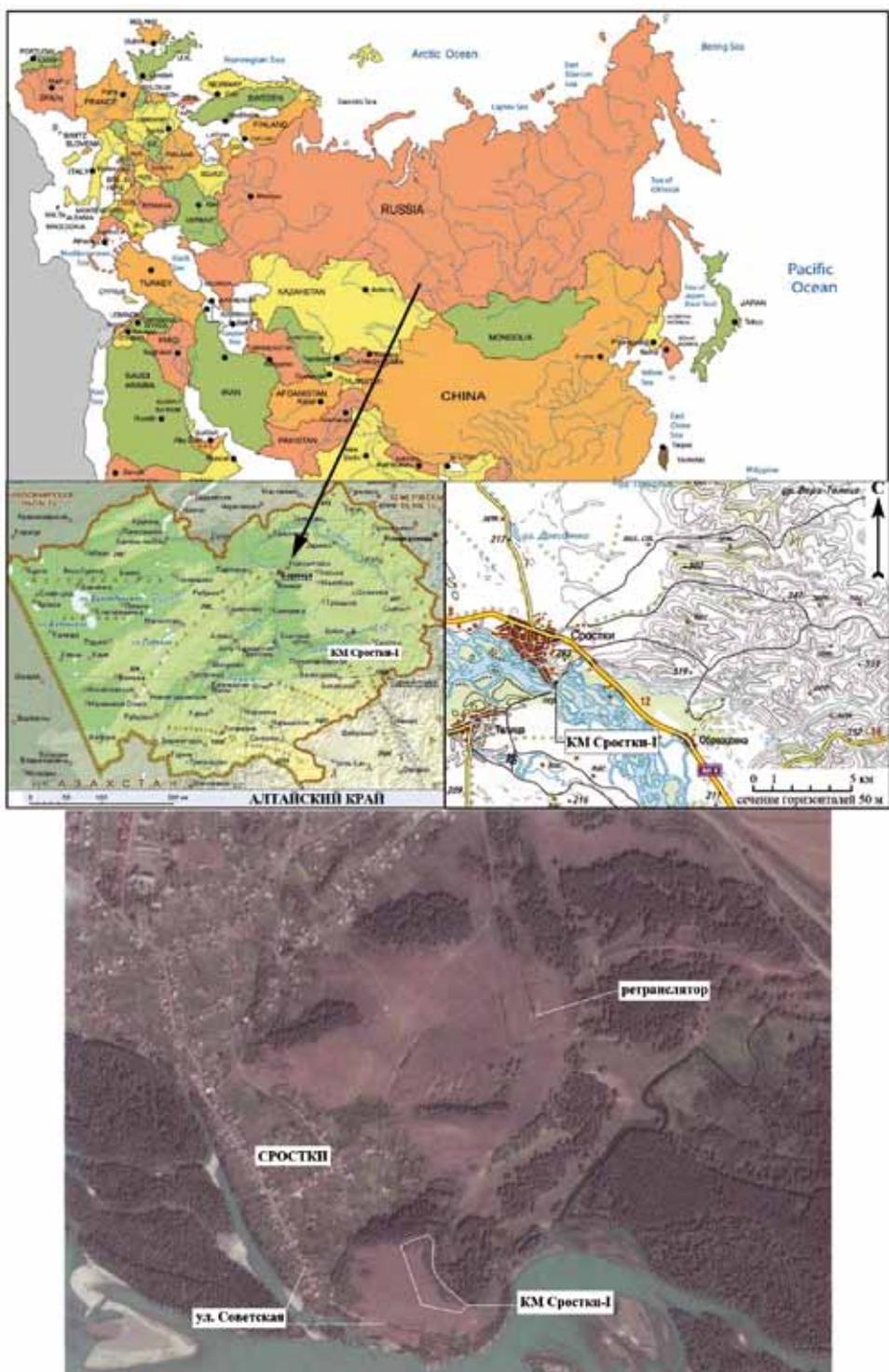

Рис. 1. Место расположения памятника Сrostки-I

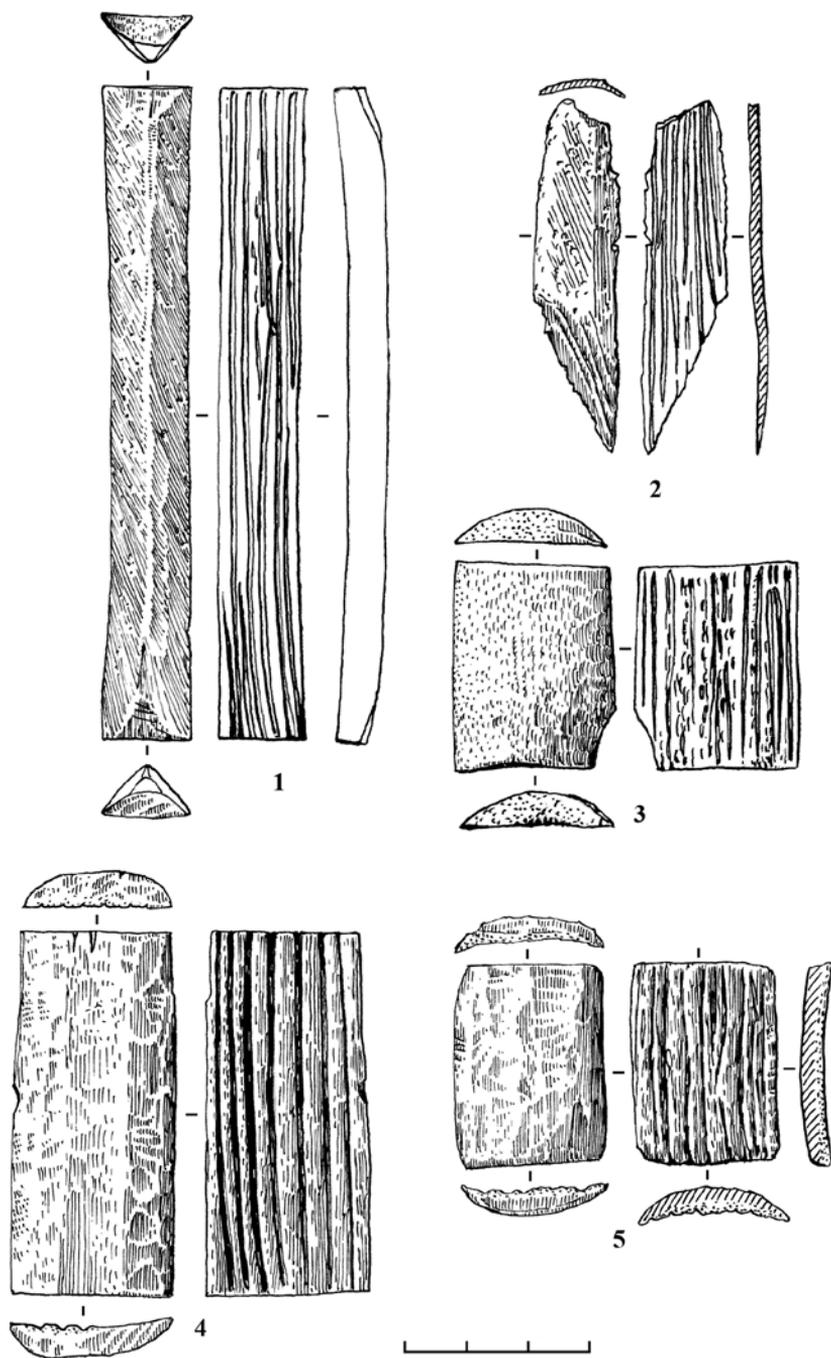

Рис. 2. Курганный могильник Сrostки-I. Роговые накладки на луки:
 1-3 – курган №8, могила-1; 4 – курган №12, могила-1; 5 – курган №15, могила-3.
 1 – срединная тыльная центральная накладка; 2 – срединная боковая накладка;
 3-5 – срединные тыльные крайние накладки (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Последняя накладка – массивная, имеет прямоугольный абрис с небольшим сужением боковых сторон. Один ее угол сколот. Наибольшая длина изделия – 3,5 см, ширина по одному краю – 2,7 см (по другому – 2,5 см), толщина – до 0,6 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, а продольное – прямоугольное. Лицевая сторона изделия хорошо заполирована, тыльная сторона заштрихована глубокими канавками (рис. 2.-3). Все три накладки составляют один неполный комплект на рукоять лука (рис. 3.-1).

Рис. 3. Курганный могильник Сростки-I: 1 – неполный комплект накладок на лук из могилы-1 кургана №8; 2 – накладка на лук из могилы-1 кургана №12; 3 – накладка на лук из могилы-3 кургана №15 (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Могила-2 располагалась севернее предыдущей. Она имела размеры 1,7 x 0,67 м и глубину 0,55 м. На ее дне расчищен скелет мужчины в возрасте 25–30 лет, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток. С внешней стороны левой бедренной кости на листе бересты размерами 0,28 x 0,06 м расчищены четыре роговые накладки на лук, сохранившие первоначальное положение. Еще одна роговая накладка лука лежала между тазовых костей и, видимо, была смещена туда грызунами (рис. 4). Помимо этого, в могиле найдены шесть железных наконечников стрел, роговая пряжка и железный нож [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60–64, рис. 6.-2, 8.-1–5].

Рис. 4. Курганный могильник Сростки-I. Расположение накладок на лук в могиле-2 кургана №8 (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Одна накладка лука тонкая, частично фрагментированная. Она изначально имела общий трапециевидный абрис, вероятно, с немного срезанными окончаниями. Сохранившаяся длина изделия составляет 13,4 см, наибольшая ширина – 1,9 см, толщина – до 0,2 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, с одним скошенным боком и вогнутым основанием. Продольное сечение накладки в виде узкого (слегка неровного) прямоугольника с заостренным окончанием. Лицевая сторона изделия заполирована, его скошенный бок (на ширину до 0,7 см) и сохранившееся окончание заштрихованы мелкими насечками. На тыльную сторону накладки равномерно нанесены мелкие насечки (рис. 5.-1).

Вторая тонкая накладка фрагментирована в большей степени. Она составляла пару с предыдущей и лежала параллельно ей. При этом накладки были обращены друг к другу тыльными сторонами. Форма накладки трапециевидная, со срезанным под острым углом окончанием. Сохранившаяся длина изделия составляет 10,1 см, наибольшая ширина – 1,9 см, толщина – до 0,25 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, с одним скошенным боком и вогнутым основанием. Продольное се-

чение наклейки представляет собой вид узкого и слегка неровного прямоугольника с заостренным окончанием. Лицевая сторона изделия заполирована, его скошенный бок (на ширину до 0,6 см) и сохранившееся окончание заштрихованы мелкими насечками. Тыльная сторона наклейки прорезана глубокими канавками (рис. 5.-2).

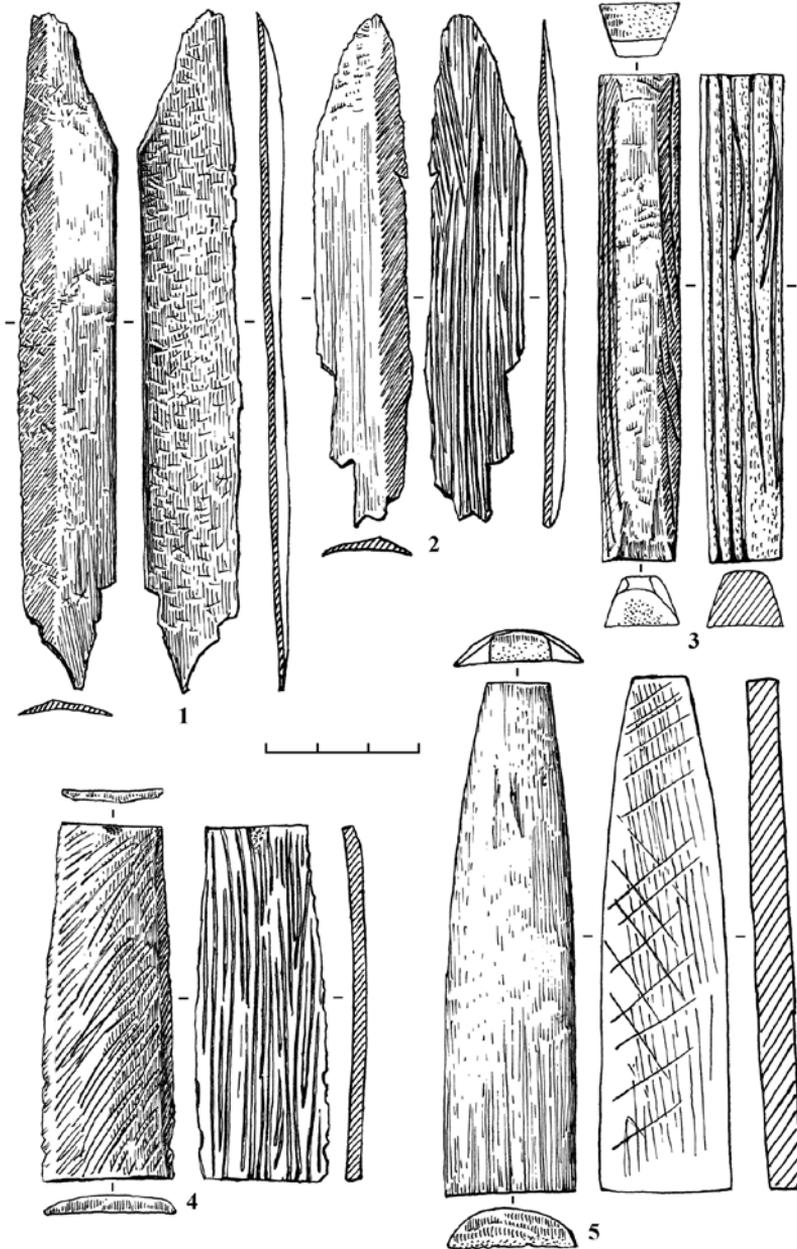

Рис. 5. Курганный могильник Сростки-1. Роговые наклейки на лук из могилы-2 кургана №8: 1-2 – срединные боковые наклейки; 3 – срединная тыльная центральная наклейка; 4-5 – срединные тыльные крайние наклейки (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Третья накладка (массивная) располагалась между тонкими накладками, вдоль их более коротких боковых сторон и перпендикулярно их плоскости. Форма изделия прямоугольная, длина – 9,6 см, ширина по краям – 1,4–1,6 см, ширина посередине – 1,6 см, толщина – до 1,1 см. Поперечное сечение накладки трапециевидное, продольное – трапециевидное, слегка изогнутое. Лицевая сторона изделия заполирована. Верхний и нижний края с этой стороны дополнительно срезаны, по бокам есть штриховка из насечек. Тыльная сторона накладки заштрихована глубокими канавками (рис. 5.-3).

Другая массивная накладка примыкала к верхнему (обращенному к голове человека) торцу предыдущей накладки и располагалась с ней в одной плоскости. Она имеет трапециевидный абрис. Наибольшая длина изделия составляет 10,1 см, ширина по одному краю – 2,6 см, по другому – 1,2 см, толщина – до 0,8 см. Поперечное сечение накладки – от сегментовидного у одного края до почти прямоугольного у другого края. Продольное сечение прямоугольное, немного изогнутое. Лицевая сторона изделия хорошо заполирована, тыльная сторона заштрихована пересекающимися насечками (рис. 5.-5).

Еще одна накладка, менее массивная, лежала отдельно, но, наверняка, она изначально примыкала к нижнему (обращенному к ногам человека) торцу третьей накладки. Изделие имеет трапециевидную форму. Наибольшая его длина составляет 7,1 см, ширина по одному краю – 2,6 см, по другому – 2 см, толщина – до 0,35 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, продольное сечение – прямоугольное, слегка изогнутое. Лицевая сторона изделия заполирована и покрыта насечками, тыльная сторона заштрихована глубокими канавками (рис. 5.-4).

Все пять накладок относятся к одному полному комплекту, крепившемуся посередине лука в районе рукояти (рис. 6).

Рис. 6. Курганный могильник Сростки-I. Полный комплект накладок на лук из могилы-2 кургана №8 (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Курган №12 (раскопки 2012 г.) имел земляную насыпь овальной формы, размерами 9 x 8 м, высотой 0,65 м. Под насыпью зафиксированы три могильных пятна и яма с остатками деревянного столба. Одна накладка на лук найдена в центральной могиле-1.

Мои́ла-1 была раскопана ранее. Ее глубина от уровня материка составила 1,18 м. Контур ямы сильно нарушен, ближе ко дну она приобрела размеры 1,98 x 0,95 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ. В заполнении могилы встречены отдельные разбросанные кости человека (мужчина в возрасте более 40 лет) и лошади, а также следующие вещи: роговая накладка на лук, роговая заготовка свистунки стрелы и железная рамчатая пряжка. Все предметы находились в восточной половине могилы, а накладка на лук – ближе к ее южной стенке [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55–60, рис. 3.-1, 4.-2].

Общая форма накладки прямоугольная, с небольшим сужением боковых сторон. Наибольшая длина изделия составляет 6 см, ширина по одному краю – 2,7 см, ширина по другому краю – 2,5 см, толщина – до 0,6 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, продольное – прямоугольное. Лицевая сторона изделия хорошо заполирована, тыльная сторона заштрихована глубокими канавками (см. рис. 2.-4; 3.-2).

Курган №15 (раскопки 2016 г.) имел земляную насыпь овальной формы, размерами 9,8 x 7,2 м, высотой 0,85 м. Вокруг насыпи прослеживался ров шириной до 2,2 м, глубиной до 0,15 м, с перемышкой шириной 5 м в восточной части. Под насыпью зафиксированы три могильных пятна и яма с остатками деревянного столба. Одна накладка на лук найдена в боковой могиле-3.

Мои́ла-3 располагалась южнее центрального погребения. Она имела размеры 2 x 0,7 м и глубину до 0,89 м. На ее дне расчищен скелет человека, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток – восток. У северной стенки ямы напротив локтевой и лучевой костей правой руки обнаружена роговая накладка на лук. Помимо этого, в могиле найдены семь железных наконечников стрел, тесло, нож, кресало с кусочком халцедона, роговая и железная пряжки, костяное изделие из лопатки лошади и фрагмент неопознанного рогового изделия. Несмотря на то, что могила была неграбленая, скелет человека сильно потревожили грызуны. Возможно, этим объясняется наличие лишь одной накладки лука, хотя более вероятно ее символическое назначение (замена целого лука) в погребении.

Общая форма накладки прямоугольная, наибольшая длина – 3,3 см, ширина – до 2,4 см, толщина – до 0,45 см. Поперечное сечение накладки сегментовидное, с вогнутым основанием, продольное – прямоугольное изогнутое. Лицевая сторона изделия хорошо заполирована, тыльная сторона заштрихована глубокими канавками (см. рис. 2.-5; 3.-3).

Классификация и типология находок

Публикуемые изделия относятся к комплексу вооружения, категории – наступательное вооружение (оружие), надвиду – оружие дальнего боя, виду – луки [Горбунов, 2006, с. 8]. Они представлены усиливающими деталями кибити – накладками. Все накладки нашей серии по материалу изготовления относятся к группе роговых. Данное определение построено на визуальном осмотре изделий. По общему расположению на кибити лука сросткинские накладки относятся к разряду срединных, так как размещались в средней части лука, называемой рукоятью. По конкретному месту крепления срединные накладки делятся на три раздела:

I. Боковые, придающие жесткость рукояти с широких сторон (см. рис. 2.-2; 5.-1-2).

II. Тыльные центральные, усиливающие рукоять с внутренней узкой стороны (см. рис. 2.-1; 5.-3).

III. Тыльные крайние, усиливающие с внутренней стороны переход рукояти в плечи лука (см. рис. 2.-3-5; 5.-4-5).

По толщине накладки разделяются на два отдела:

I. Тонкие, изготовленные из пластины толщиной менее 3 мм (см. рис. 2.-2; 5.-1-2).

II. Массивные, изготовленные из пластины толщиной более 3 мм (см. рис. 2.-1, 3-5; 5.-3-5).

По форме срединные боковые накладки рассматриваемой серии принадлежат одному типу. Он представлен экземплярами из пластин трапециевидного абриса с заостренными (см. рис. 2.-2) или срезанными (под острым или прямым углом) окончаниями (см. рис. 5.-1-2), за счет чего вся накладка приобретает вид шестиугольной фигуры. Аналогичные накладки встречены во многих памятниках сросткинской культуры 2-й половины VIII – XII в. [Горбунов, 2014, с. 506, рис. 1.-1-2, 5-7, 9-10, 12-13, 15, 17, 19, 22, 24; 2.-17, 18]. Своим происхождением они связаны с изделиями, характерными для тюркских луков 2-й половины V – 1-й половины VIII в. [Горбунов, 2006, с. 18, рис. 6.-10-11, 7.-19-20] и являются их своеобразной модификацией в местной среде.

Срединные тыльные центральные накладки также образуют один тип. Это изделия прямоугольной формы (см. рис. 2.-1; 5.-3). Экземпляры данного типа достаточно массово встречаются в сросткинских памятниках 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2014, с. 506, рис. 1.-8, 11, 14, 18, 23; 2.-6-9]. Они сформировались на основе похожих накладок тюркских луков, бытовавших в Центральной и Средней Азии во 2-й половине V – 1-й половине IX в., за счет увеличения в два раза толщины накладки и большего спрямления ее окончаний [Горбунов, 2006, с. 18-19, рис. 5.-14, 17, 20, 22; 6.-4, 17, 25; 7.-4, 15].

Обнаруженные срединные тыльные крайние накладки по форме можно разделить на два типа:

1. Прямоугольные накладки (см. рис. 2.-3-5). Аналогичные изделия среди материалов сросткинской культуры найдены только в памятниках 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Горбунов, 2006, с. 12-13, табл. II.-82, 126, 130, 133; 2014, с. 506, рис. 1.-16, 20-21]. Более короткие экземпляры данного типа ближе к квадрату, а более длинные (за счет небольшого сужения боковых сторон) являются переходными к трапециевидным. Видимо, меньшие по длине накладки этого типа закрывали не весь скат рукояти к плечу, а лишь его самую широкую часть, находясь на небольшом расстоянии от центральной накладки. Происхождение типа до конца не ясно, так как, помимо лесостепного Алтая, его экземпляры встречаются в памятниках байырку Западного Забайкалья, где датируются также в рамках IX-X вв. [Худяков, 1991, рис. 10.-20]. В дальнейшем аналогичные изделия присутствуют в составе луков развитого и позднего средневековья [Горбунов, 2006, с. 19].

2. Трапециевидные накладки (см. рис. 5.-4-5). Изделия этого типа найдены впервые и пока только на могильнике Сростки-I, где датируются всем комплексом памятника 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. Скорее всего, появление таких накладок было вызвано стремлением укрепить большую площадь кибита лука в месте перехода рукояти в плечи, чему и способствовала их форма, вписывавшаяся в такой переход. Аналогии им также известны у байырку Западного Забайкалья в памятниках IX-X вв.

[Худяков, 1991, рис. 10.-9, 11, 18]. Более поздние экземпляры данного типа зафиксированы у луков XII–XIV вв. с территории Западной и Средней Сибири [Адамов, 2000, рис. 100.-8; Николаев, 2004, рис. 13.-2; 15.-7; 28.-4–5; 30.-1; 68.-4; 121.-8].

Заключение

По числу и составу накладок в полном наборе из могилы-2 кургана №8 памятника Сростки-1 можно выделить отдельный тип сросткинского лука, состоящий из пяти срединных накладок: двух боковых, одной тыльной центральной и двух тыльных крайних, примыкающих к центральной накладке сверху и снизу (см. рис. 6) [Горбунов, 2006, с. 22; 2014, с. 509, рис. 1.-16–25; 2.-1–5]. К этому же типу относятся неполный комплект из могилы-1 кургана №8 и отдельные накладки из курганов №12 и 15 (см. рис. 2), один полный комплект накладок из раскопок М.Д. Копытова и по одному неполному комплекту из раскопок М.Н. Комаровой (курган №5) и С.М. Сергеева (курган №1) [Савинов, 1998, рис. 5.-4–5; 7.-2]. Из других могильников к данному типу относятся отдельные накладки из Гилево-V (курган №6) и Чинеты-II (курган №8) [Могильников, 2002, рис. 25.-12; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, рис. 1.-18]. Все они встречены в памятниках грязновского этапа сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.). Эти луки следует считать модификацией сросткинских сложносоставных луков с комплектом из трех боковых накладок (двух боковых и одной тыльной центральной [Горбунов, 2014, с. 509, рис. 1.-7–15]) за счет добавления двух тыльных крайних накладок. Такие накладки закрывали стыки рукояти с плечами, их появление могло быть вызвано необходимостью усиления кибита на наиболее ломких участках, где происходила перемена плоскостей лука. Несмотря на то, что тыльные крайние накладки сросткинских луков аналогичны таковым у байырку, забайкальские луки по числу и составу накладок относятся к совершенно другим типам, что можно сказать и о луках более позднего времени [Худяков, 1993, с. 130–131, 138–140; Николаев, 2004, с. 80–83].

В целом развитие сложносоставных луков сросткинской культуры базировалось на тюркской традиции, но достаточно рано оформилось в самостоятельную линию. Ее своеобразие прежде всего проявилось в конструкции лука с пятью срединными накладками, а также в оформлении самих накладок. Например, боковые накладки делаются короче и дополнительно приобретают шестиугольный абрис, тыльные центральные накладки становятся массивнее и приобретают более четкий прямоугольный абрис, тыльные крайние накладки являются новым изобретением, их отличают массивность, прямоугольный и трапециевидный абрис.

Таким образом, охарактеризованные детали сложносоставных луков из новейших раскопок курганного могильника Сростки-1 увеличивают источниковую базу по оружию дальнего боя у кочевников юга Западной Сибири конца раннего и начала развитого средневековья, а также расширяют возможности сравнительного анализа наступательного вооружения.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Сложносоставные луки сrostкинской культуры (VIII–XII вв. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань : Отечество, 2014. С. 505–510.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сrostки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. Серия : История, политология. 2014. №4/2 (84). С. 54–67.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 146–162.

Савинов Д.Г. Сrostкинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии №3. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. С. 175–190.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 410–415.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 115–132.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1993. С. 107–148.

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

THE PLATES OF THE COMPOSITE BOWS FROM THE SROSTKI-I BURIAL GROUND (materials of excavations of 2012–2014 and 2016)

The article considers the introduction into the scientific revolution of a series of Horny plates on bows, obtained as the result of the research expedition of Altai State University on the Srostki-I burial mound in 2012, 2013, 2014 and 2016. Opinions are demonstrated of researchers who studied the Srostki bows. The description is given to the plates by such parameters as the location on the bow arch, shape and size. The types of the plates are distinguished and the conclusion is made about their belonging to the bow of the same type. The consideration is given to the origin and dating of the plates and bows, as well as the impact on their development of various ethnic and cultural traditions. The plates from the Srostki-I monument date back to the 2nd half of the 9th – 1st half of the 10th A.D. They demonstrate an independent line of development of the Srostki composite bows which was based on the Turkish tradition of making ranged weapons and had a certain influence on the formation of the Mongolian tradition.

Key words: forest-steppe Altai, the burial mounds (barrows), burial (tombs), ranged weapons, composite bows, bow plates, classification, typology, the boundary of the developed and late Middle Ages, Srostki culture.

References

Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'ye v X–XIV vv. [The Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries]. Tobol'sk ; Omsk : OmGPU, 2000. 256 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge Burial as a Source on the History of Altai tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II : Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military Arts of the Altai Population in the 13th–14th Centuries. Part II: Arms (Weapons)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.

Gorbunov V.V. Slozhnosostavnye luki srostkinskoy kul'tury (VIII–XII vv. n.e.) [Compound bows of Srostki Culture (8th–12th Centuries AD)]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the 4 (20) All-Russia Archaeological Congress in Kazan. Vol. III]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 505–510.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Kurgannyi mogil'nik Srostki-I: istoriya izucheniya i sovremennye issledovaniya [The Srostki-I Burial Mound: History of Study and Advanced Research]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya, politologiya [The News of Altai State University. Series: History, Political Science]. 2014. №4/2 (84). Pp. 54–67.

Mogil'nikov V.A. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 p.

Nikolaev V.S. Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh: ust'tal'kinskaya kul'tura [Funerary Complexes of the Nomads of the South of Central Siberia in the 12th – 14th Centuries: Ust-Talkinskaya Culture. Vladivostok ; Irkutsk : Izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2004. 306 p.

Savinov D.G. Novye materialy po istorii slozhnogo luka i nekotorye voprosy ego evolyutsii v Yuzhnoy Sibiri [New Materials for Composite Bow History and Some Issues of its Evolution in Southern Siberia]. Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Science of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 146–162.

Savinov D.G. Srostkinskiy mogil'nik (raskopki N.M. Komarovoy v 1925 g. i S.M. Sergeeva v 1930 g.) [The Srostki Burial Ground (excavations of N.M. Komarova in 1925 and S.M. Sergeyev in 1930)]. Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkhologii №3 [Antiquities of Altai: News of Archaeology Laboratory №3]. Gorno-Altaysk : GAGU, 1998. Pp. 175–190.

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura) [The Upper Ob Region at the Turn of the Epochs (Basandayskaya Culture)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2008. 424 p.

Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K., Gorbunov V.V. Kurgany epokhi srednevekov'ya na territorii predgorno-ravninnoy chasti Altayskogo kraya [The Mounds of the Middle Ages on the Territory of the Foothill Plains of the Altai Territory]. Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. X, Part 1]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2004. Pp. 410–415.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Prialtayskikh stepey v IX–X vv. [The Armament of the Nomads of the Altai Steppes in the 9th–10th Centuries]. Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Arts of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 115–132.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [The Armament of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvityego srednevekov'ya [The Armament of Central Nomads in the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Khudyakov Yu.S. Evolyutsiya slozhnosostavnogo luka u kochevnikov Tsentral'noy Azii [The Evolution of a Composite Bow from the Nomads of Central Asia]. Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [Military Population of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1993. Pp. 107–148.

Е.Г. Дэвлет¹, Е.С. Леванова¹, А.С. Пахунов¹, Э.А. Грешников², А.Е. Гринько¹

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия;
²НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия

СПИСОК ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО И СУДЬБА ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ*

Обобщение информации по петроглифам и росписям в пещерах и под открытым небом, входящим в список ЮНЕСКО, а также по объектам из Предварительного списка ЮНЕСКО дает возможность оценить культурное многообразие изобразительных традиций наскального искусства в мире на различных этапах истории человечества и их современную востребованность. В список ЮНЕСКО включены 42 района наскального искусства, которые характеризуются исключительной иконографией изображений. На территории России в Предварительный список ЮНЕСКО включены лишь два памятника федерального значения: «Петроглифы Сикачи-Аляна», расположенные в Хабаровском районе Хабаровского края, а также Шульган-Таш (Капова пещера) в Бурзянском районе Республики Башкортостан. В настоящее время существенно активизировались усилия, направленные на продвижение в список ЮНЕСКО пещеры Шульган-Таш, и формируются предложения по номинации в Предварительный список ЮНЕСКО петроглифов Хакасии, а также номинации с рабочим названием «Петроглифы России» и др.

Ключевые слова: наскальное искусство, ЮНЕСКО, Сикачи-Алян, Шульган-Таш.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-02

В России в Предварительный список ЮНЕСКО включены два российских объекта (Шульган-Таш (Капова пещера) в Башкортостане и Сикачи-Алян в Хабаровском крае), в то время как памятники наскального искусства из Основного списка отсутствуют [Devlet, Pakhunov, 2016, p. 97–114]. Процесс включения памятника в список ЮНЕСКО трудоемкий и длительный, требующий проведения значительных охранных и консервационных работ. Для многих коллективов и отдельных исследователей, работающих на памятниках наскального искусства, некой сверхзадачей, своего рода идеалом, к которому следует стремиться, является включение памятника в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (рис. 1). Однако пропасть, разделяющая номинантов Предварительного и Основного списков, громадна. Сложность практической реализации данной задачи связана с тем, что зачастую вопрос о продвижении памятника в список ЮНЕСКО во многом определяется волей руководителей региона. В последние годы в Республике Башкортостан много делается для того, чтобы уникальный верхнепалеолитический комплекс с пещерным искусством Шульган-Таш (Капова пещера) получил надлежащую охрану и статус. Постоянное внимание к объекту наследия со стороны Правительства Республики, консультации с зарубежными и российскими специалистами, партнерство с музеем Альтамира-2 и целевая финансовая поддержка позволили сконцентрировать усилия на актуальных вопросах сохранения, консервации пещерного искусства и разработать проект музейного комплекса. Музей рассматривается не только как инструмент популяризации древнейшего искусства, но и как проводник мифологической, эпической традиции башкир. Готовящуюся номинацию предполагалось назвать «Земля Урал-Батыра» [Проблемы сохранения..., 2016].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №15-01-00240а.

Сикачи-Алян – важный объект культурного наследия, единственный российский памятник наскального искусства под открытым небом, который включен в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Памятник испытывает постоянное природное и антропогенное воздействие, угрожающее его физической сохранности и целостности. Это связано с повседневной хозяйственной деятельностью, нерегулируемым туристическим посещением и, главное, с интенсивным ежегодным природным воздействием р. Амура. Проблема сохранения валунов с петроглифами Сикачи-Алян как никогда остро встала после катастрофического паводка 2013 г., когда памятник был полностью затоплен [Devlet, 2015, p. 128–141; Devlet, Laskin, 2015, p. 94–105].

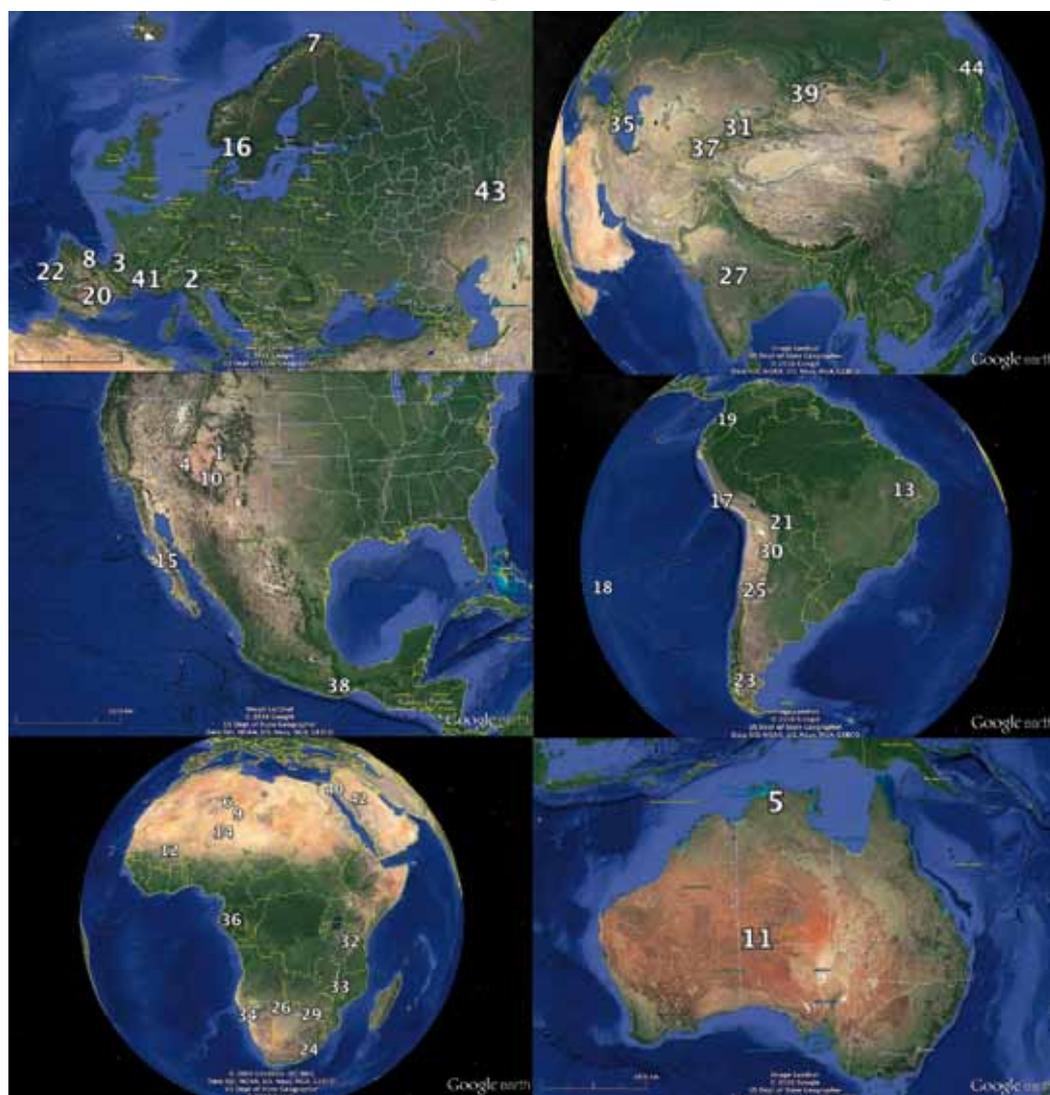

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО (№1–42) и российских из Предварительного списка ЮНЕСКО (43 – Шульган-Таш; 44 – Сикачи-Алян)

В 2016 г. Министерством культуры РФ в научные организации и органы охраны памятников были направлены запросы о представлении предложений к номинации с рабочим названием «Петроглифы России», которая должна охватить местонахождения различных регионов страны. В июне 2016 г. по инициативе Правительства Монголии в Улан-Баторе прошла международная встреча экспертов, высказывалось намерение властей Монголии выступить с инициативой разработки трансграничной номинации по петроглифам Монголии, России, Китая и Казахстана [Nash, 2016, p. 238–239].

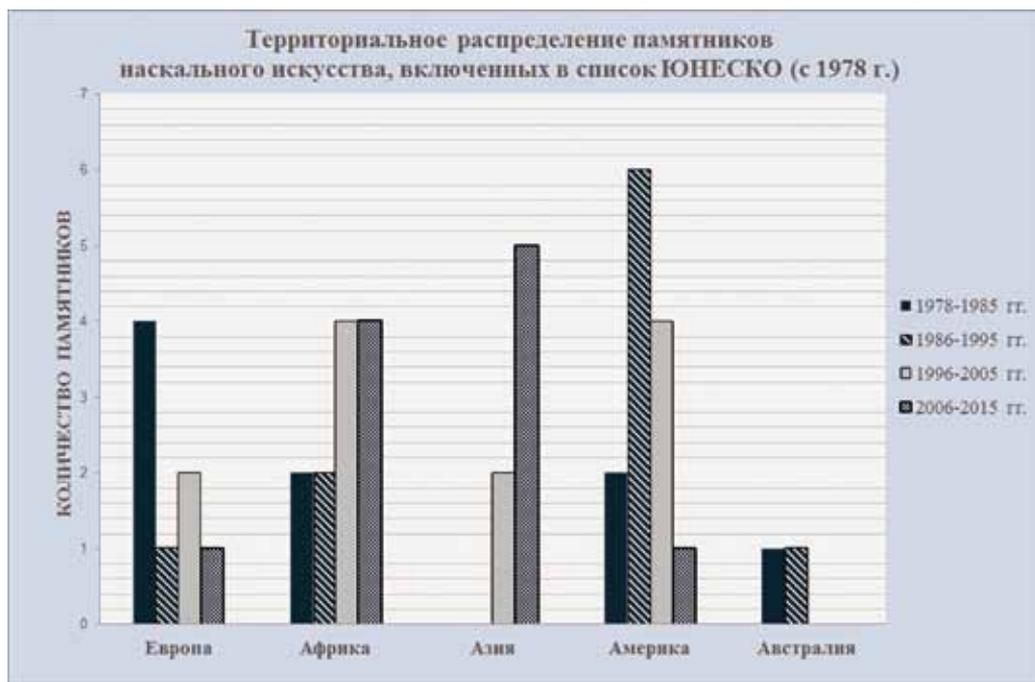

Рис. 2. Диаграмма территориального распределения памятников наскального искусства, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО

Активизация работы по продвижению археологических памятников и достопримечательных мест в список ЮНЕСКО ставит перед исследователями и органами охраны памятников непростые задачи, а знакомство с зарубежным опытом в текущей ситуации является полезным. Очевидно, что для включения в список ЮНЕСКО необходимо провести значительные охранные и консервационные мероприятия, поднять престиж памятников изобразительной деятельности в глазах общественности. В настоящее время в список ЮНЕСКО включены 42 района наскального искусства, которые характеризуются исключительной иконографией изображений (см. рис. 1) [Дэвлет и др., 2015, с. 233–237]. С точки зрения опыта управления существенный интерес представляют история признания эстетической и культурно-исторической ценности, особенности стратегий и наработанный опыт системы сохранения, музеефикации и показа. Анализируя распределение памятников по номинациям (см. рис. 2), следует отметить, что в половине случаев наскальные изображения составляют ее основу (Альтамира, Шове, французские пещеры в долине р. Везер и другие хрестоматийные па-

мятники). Вторая значительная группа включает 14 номинаций, в которые памятники наскального искусства входят как значимый, специально обозначенный компонент более сложной структуры. Наконец, наименее заметной составляющей являются памятники наскального искусства в третьей группе: 7 объектов выступают лишь сопутствующими, формирующими общий историко-культурный контекст (рис. 3). В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО наименование номинации может не совпадать с названием известного памятника, быть более образным. Символы и образы древних культур, интегрированные в систему современных ценностей, структуру культурного туризма, во многих странах мира являются мощным ресурсом исторической памяти, наиболее привлекательным с эстетической точки зрения и удобным для современного восприятия окном в мир древних культур.

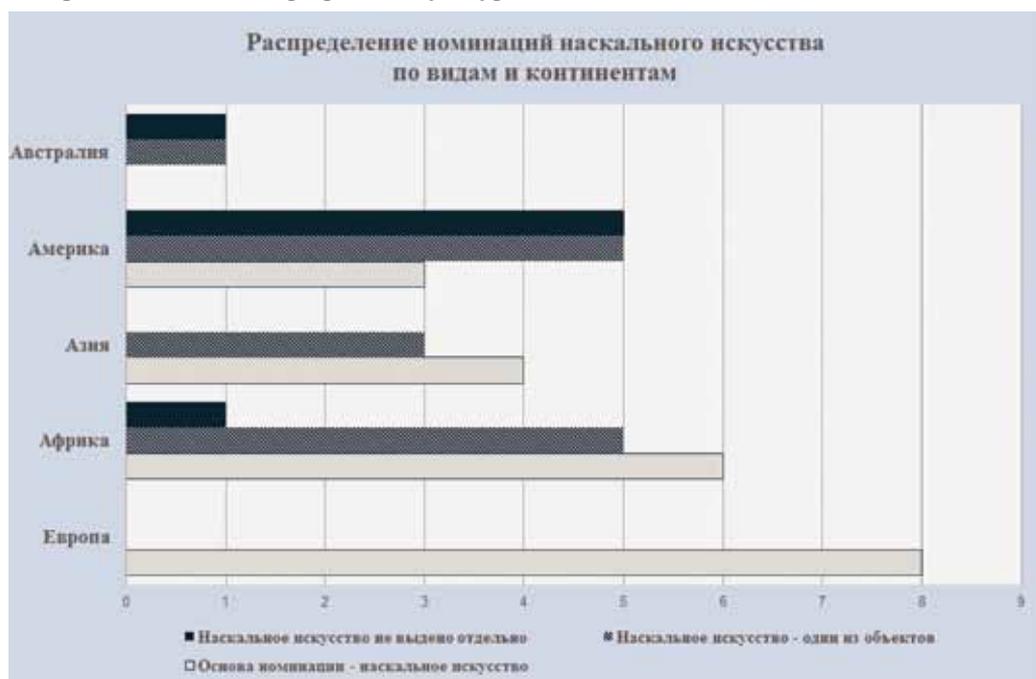

Рис. 3. Диаграмма распределения номинаций наскального искусства (по видам и континентам)

Библиографический список

Дэвлет Е.Г., Фахри А.И., Острирова Е.С., Грешников Э.А., Пахунوف А.С., Ульянов А.А. Памятники наскального искусства в списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО // IV Северный археологический конгресс : материалы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 233–237.

Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра» : материалы Международного научного симпозиума. Уфа : НПЦ МК РБ, 2016. 160 с.

Devlet E., Pakhunov A. Rock art studies in Northern Russia, the Urals and the Far East 2010–2014 // Rock Art Studies. News of the World V / P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker, E. Devlet (eds). Oxford : Archaeopress, 2016. P. 97–114.

Devlet E. Rock art from the Russian Far East: The Sikachi-Alyan Tentative World Heritage Site // Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia. World heritage series. Papers 41. Heads 4. Volume I / eds. Nuria Sanz. Paris : France, 2015. P. 128–141.

Devlet E.G., Laskin A.R. Petroglyphs of Khabarovsk territory: the impact of the 2013 Amur and Ussuri flooding // Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia. 2015. Vol. 43 (4). P. 94–105.

Nash G. Report on the UNESCO conference on rock art, Ulaanbaatar, Mongolia, 30th and 31st May 2016 // Rock Art Research. Melbourne, Australia. Volume 33, Number 2. November 2016. P. 238–239.

E.G. Devlet, E.S. Levanova, A.S. Pakhunov, E.A. Greshnikov, A.E. Grinko
THE UNESCO WORLD HERITAGE AND TENTATIVE LIST:
THE ROCK ART SITE IN RUSSIA

The compilation of the information on petroglyphs as well as on the open-air and cave sites with paintings included in the UNESCO World Heritage List and UNESCO Tentative List gives an opportunity to understand the cultural and iconographic diversity of the rock art sites of the various chronology. In the UNESCO Heritage List there are 42 rock art regions of the outstanding attractive artistic traditions. There are only two rock art sites in Russia which are in the UNESCO Tentative List, i.e. rock art site of Sikachi-Alyan in the Khabarovsk region and Shulgan-Tash (Kapova cave) in Bashkortostan. Recently there has been a lot of work related to rock art care at Shulgan-Tash. A number of rock art sites in Khakassia have been suggested for the nomination into Tentative list as well as for the transregional nomination of Russian petroglyphs.

Key words: rock art, UNESCO, Sikachi-Alyan, Shulgan-Tash.

References

Devlet E.G., Fakhri A.I., Ostrirova E.S., Greshnikov E.A., Pakhunov A.S., Ul'yanov A.A. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva v spiske mirovogo kul'turnogo naslediya YuNESKO [Monuments of Rock Art in the List of the World Cultural Heritage of the UNESCO]. IV Severnyy arkhеologicheskiy kongress : materialy. 19–23 oktyabrya 2015 g. [IV Northern Archaeological Congress: Proceedings. 19–23 October, 2015 in Khanty-Mansiysk]. Khanty-Mansiysk ; Ekaterinburg, 2015. Pp. 233–237.

Problemy sokhraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi Shul'gan-Tash i razvitie turistichekoy infrastruktury dostoprimechatel'nogo mesta "Zemlya Ural-Batyr" : materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma [Problems of Preservation, Conservation of the Palaeolithic Paintings Shulgan-Tash and Development of Tourism Infrastructure Attractions "Land of Ural-Batyr": Materials of the International Scientific Symposium]. Ufa : NPTs MK RB, 2016. 160 p.

Devlet E., Pakhunov A. Rock Art studies in Northern Russia, the Urals and the Far East 2010–2014. Rock Art Studies. News of the World V / P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker, E. Devlet (eds). Oxford : Archaeopress, 2016. Pp. 97–114.

Devlet E. Rock art from the Russian Far East: The Sikachi-Alyan Tentative World Heritage Site // Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia. World Heritage Series. Papers 41. Heads 4. Volume I / eds. Nuria Sanz. Paris : France, 2015. Pp. 128–141.

Devlet E.G., Laskin A.R. Petroglyphs of Khabarovsk territory: the impact of the 2013 Amur and Ussuri flooding // Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia. 2015. Vol. 43 (4). P. 94–105.

Nash G. Report on the UNESCO conference on rock art, Ulaanbaatar, Mongolia, 30th and 31st May 2016 // Rock Art Research. Melbourne, Australia. Volume 33, Number 2. November 2016. P. 238–239.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРВОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-VI*

В 2013 г. в Хабаровском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI. Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника. В процессе исследования первого горизонта поселения Новоильинка-VI собрана очень выразительная серия изделий из кости и костей со следами обработки. Большинство изделий выполнены из костей лошади.

Трепала из нижних челюстей и лопаток лошади имеют широкое распространение на широких просторах степей Евразии от Молдавии до Верхнего Приобья, от эпохи энеолита до раннего железного века. Пешневидные орудия находят аналогии в материалах культур с производящей экономикой эпохи энеолита и ранней бронзы на территориях Северного Казахстана, Степного Алтая и Барабинской лесостепи. Изделия из первых фаланг лошадей с желобком и царапинами имеют аналогии в материалах культур эпохи энеолита Северного Казахстана. Аналогии «игловидным» наконечникам стрел известны в погребениях кротовской и одиновской культур эпохи ранней бронзы Барабинской лесостепи. Подшипники из первых фаланг крупного рогатого скота являются специфическими изделиями. Они представляют собой подшипники скольжения, являющиеся самой верхней частью лучкового станка. Вероятно, эти изделия могут стать одним из этнокультурных признаков энеолитических памятников Кулундинской степи.

Ключевые слова: археология, энеолит, производящая экономика, изделия из нижних челюстей и лопаток лошадей, метаподиальные кости лошадей.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-03

Введение

В 2013 г. в Хабаровском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, 2015а, с. 149–150]. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 в восточной части раскопа и №3 в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к финальному энеолиту, а №3 – к более позднему времени (финальный энеолит – ранняя бронза). В северо-восточной части раскопа обнаружено пятно, которое может оказаться частью четвертого жилища. Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы легких наземных конструкций, которые датируются более ранним временем (неолит – ранний энеолит). Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом, который пока не имеет аналогов на территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 253–255].

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Материалы и их обсуждение

Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014, с. 421–427]. Его фаунистический комплекс отображает ранний этап становления «стада» домашних копытных (разведение лошади и крупного рогатого скота при отсутствии овцы и козы), отмечаемый для неолита и энеолита северной половины Казахстана [Гайдученко, 2014, с. 211–214]. В материалах первого горизонта обнаружены 19181 экз. каменных артефактов. Основную массу артефактов составляют отходы каменной индустрии – 17443 экз. Орудийный набор представлен 1690 экз. Продукты первичного расщепления – 48 экз.

Керамические коллекции первого горизонта очень разнообразны. Наиболее распространенный орнаментальный прием – «отступающая» палочка с элементами накальвания [Кирюшин, 2015а, рис. 1]. Этот орнаментальный прием чаще всего сочетается с рядами ямок [Кирюшин, 2015а, рис. 1, 2], которые в отдельных случаях могут выступать в качестве самостоятельного элемента декора [Кирюшин, 2015а, рис. 4.-4]. Встречено много керамики, декорированной отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок [Кирюшин, 2015а, рис. 3; 4.-1, 2, 4].

Для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043). Вопрос об абсолютном возрасте комплексов второго и третьего горизонтов пока остается открытым. Скорее всего, хронологический разрыв между временем функционирования жилищ и их использованием в качестве мест, куда выбрасывали отходы, будет относительно небольшим.

В процессе исследования первого горизонта поселения Новоильинка-VI собрана очень выразительная серия изделий из кости и костей со следами обработки.

Часть артефактов не являются орудиями – это метаподиальные кости лошадей со следами подпиливания (рис. 1.-1, 2). У обеих метаподий с плантарной стороны в нижней четверти (примерно) на поверхностях диафизов имеются достаточно глубокие поперечные пропилены. Они выполнены каменными орудиями и примыкают к поверхностям отломов (рис. 1.-1, 2). Это следы разделявания метаподий с целью получения костяной заготовки (трубчатого диафиза) для дальнейшей обработки. После надпила сильным ударом по нижнему концу кости с противоположной надпилу стороны он отламывался. Это хорошо видно на приводимых рисунках.

Очень интересны костяные острия, или «копьевидные орудия» (рис. 1.-3, 4). Подобные изделия из кости достаточно часто встречаются в материалах неолита, энеолита и ранней бронзы Северной Евразии. В археологической литературе не сложилось устойчивой типологии этих артефактов.

Оба орудия выполнены из обломков верхних частей стенок диафизов плюсневых костей лошади.

Для обозначения двух подобных изделий, найденных на поселении ранней бронзы в Алейской степи Березовая Лука, исследователи используют термин «копьевидное орудие» [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 147.-3; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57, фото 7, рис. 37.-6]. Авторы отмечают, что они могли применяться в качестве земляных орудий или в качестве пещни [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57].

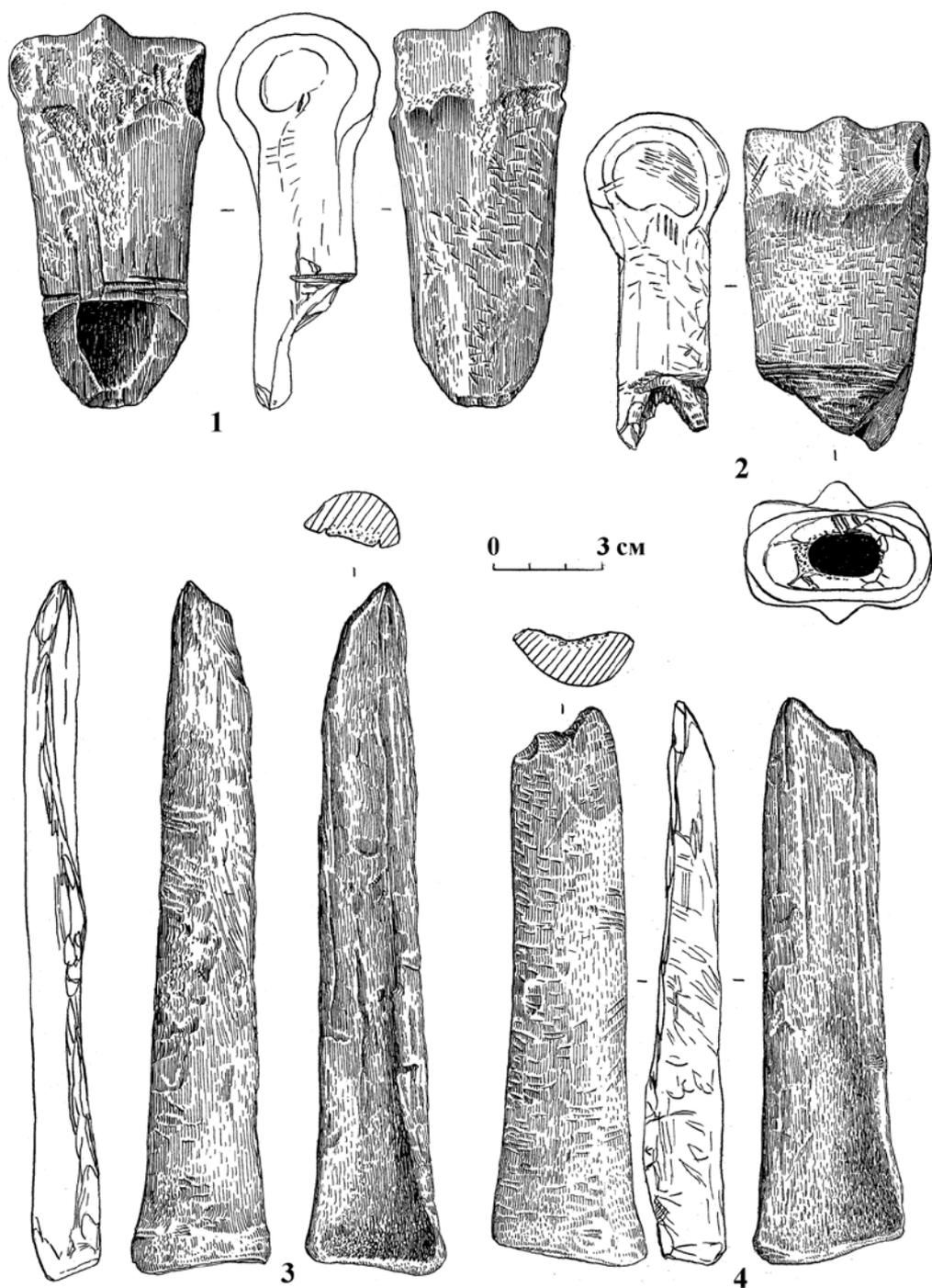

Рис. 1. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
1-2 – метаподиальные кости лошадей со следами подпиливания; 3-4 – костяные
острия, или «копьевидные орудия» (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Представительная серия похожих артефактов (7 экз.) встречена в погребениях кротовской культуры могильника ранней бронзы Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-1-7]. В.И. Молодин [1985, с. 51] называет их кинжалами. Стоит отметить, что одно изделие сильно отличается от обнаруженных на поселениях Новоильинка-III [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-5]. У него на месте рукояти просверлено отверстие для подвешивания [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-5]. Зато три орудия [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-2, 3, 7] практически идентичны новоильинским. Вячеслав Иванович считает, что это орудия универсального назначения [Молодин, 1985, с. 51].

Аналогии подобным изделиям имеются в материалах поселений эпохи энеолита Красный Яр [Зайберт, 1993, с. 133, рис. 47.-8] и Кожай-1 [Калиева, Логвин, 1997, с. 67, рис. 15.-17] в Северном Казахстане. В принципе, они известны на широкой территории Украины, Молдавии и Русской равнины [Черныш, Мерперт, 1982, табл. LXXXV.-15, 18; Гурина, Крайнов, 1996, рис. 56.-44, 53] от неолита до раннего бронзового века. Стоит отметить, что в эпоху энеолита и бронзы количество таких изделий по сравнению с предшествующим периодом резко увеличивается.

В 2014 г. в раскоп попала небольшая часть жилища №2 (около 12 кв. м). Эта часть была исследована полностью до материка. В процессе полевых работ выявлены элементы конструкции жилищ – столбовые ямки. Выбрано заполнение жилища №2 – второй горизонт, связанный с периодом его функционирования.

Несмотря на небольшую вскрытую площадь жилища №2, можно уверенно говорить о научном потенциале этого объекта. Если первый горизонт поселения Новоильинка-VI действительно представляет собой бытовой мусор, то второй горизонт жилища №2 демонстрирует несколько иную картину. В хозяйственных ямах обнаружены «приклады» – наборы каменных, костяных орудий и керамические сосуды, скорее всего, преднамеренно оставленные древним населением. Наиболее показателен набор артефактов, обнаруженный в одной из хозяйственных ям жилища №2 (объект №5) [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 253–255, рис. 1].

В заполнении объекта №5 обнаружено орудие, выполненное из фрагмента верхней части стенки диафиза плюсневой кости лошади (рис. 2.-1). Боковые грани и рабочая кромка изделия оформлены серией поперечных сколов. Рабочую кромку орудия можно сравнить с латинской буквой «V» (рис. 2.-1). Еще одно аналогичное орудие найдено в хозяйственной яме №3 жилища №2, оно тоже изготовлено из фрагмента верхней части стенки диафиза плюсневой кости лошади, и боковые грани также оформлены серией поперечных сколов (рис. 2.-2). Рабочая кромка у этого изделия асимметричная округлая, условно ее можно сравнить с латинской буквой «U» (рис. 2.-2).

Сохранность этих двух изделий кардинально отличается от аналогичных орудий, обнаруженных в материалах первого культурного горизонта. В результате исследований на поселении Новоильинка-VI выдвинуто предположение о том, что часть предметов, обнаруженных в заполнении жилища №2, были преднамеренно оставлены древним населением до возвращения, так как они уходили в район, где было в избытке сырья для изготовления каменных орудий [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 255–256], а также о том, что в эпоху энеолита скотоводческое население Кулундинской степи с наступлением тепла передвигалось от Иртыша к Оби, а осенью – в обратном направлении [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 256–257]. Скорее всего, хорошая сохранность изделий из кости, обнаруженных во втором горизонте поселения

Новоильинка-VI, объясняется тем, что эти орудия были преднамеренно оставлены древним населением. Плохая сохранность аналогичных орудий из первого горизонта (см. рис. 1.-3, 4), скорее всего, связана с тем, что они были до предела сработаны и попали в культурный слой как мусор, не пригодный для дальнейшего использования.

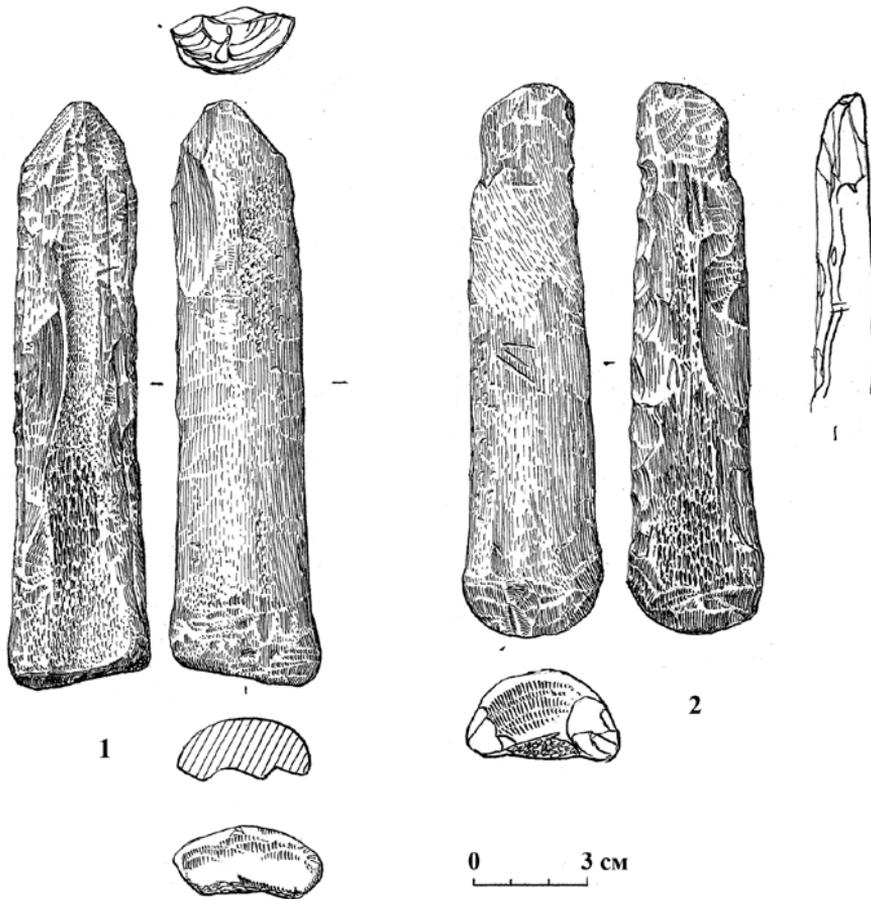

Рис. 2. Поселение Новоильинка-VI. Второй горизонт, изделия из кости: 1-2 – костяные остря, или «копьевидные орудия» (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Серия изделий из плюсневых костей лошади обнаружена на поселении эпохи энеолита Новоильинка-III, находящемся в 350 м к западу от Новоильинки-VI. Памятник Новоильинка-III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым. По костям животных, найденным на поселении, получена серия радиоуглеродных дат: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, 2015б, с. 26–27].

На поселении Новоильинка-III обнаружены изделия, аналогичные найденным на поселении Новоильинка-VI (рис. 3.-1-2). Рабочая кромка у одного асимметричная округлая, условно ее можно сравнить с латинской буквой «U», а продольные края параллельные (рис. 3.-1). У второго края – конвергентные, рабочую кромку можно сравнить с буквой «V» (рис. 3.-2). Однако эти различия могут быть связаны с тем, что у первого орудия более за-

метны следы утилизации. На рабочей кромке имеются заглаженные выбоины, следы заломов (см. рис. 1.-1), на внутренней поверхности продольного края с одной стороны заметны следы погрызов мелких грызунов, а с другой – выбоины и заломы, подправленные подшлифовкой. Создается впечатление, что одно из изделий – это новое орудие (см. рис. 1.-2), а второе – сильно сработанное и неоднократно подправленное (см. рис. 1.-1).

На поселении Новоильинка-III обнаружены две пястные кости с обломанными нижними концами и глухими отверстиями в суставных поверхностях (рис. 3.-3, 4), которые, скорее всего, являются заготовками для подобных изделий. Эти два артефакта, имеющихся в нашем распоряжении, по-видимому, отражают начальный этап в процессе изготовления орудий, подобных описанным выше. По нашему мнению, отверстие в суставной части (на сочленовой поверхности) выполнено для последующего раскалывания кости, но плоскость расщепления пошла не так, как планировал древний мастер, и эти заготовки были забракованы.

Находки на поселениях Новоильинка-III и Новоильинка-VI иллюстрируют последовательную цепочку от начального этапа изготовления орудий типа «пешней» до их полной утилизации. Кости с обломанными нижними концами, с глухими отверстиями в суставных поверхностях с поселения Новоильинка-III (рис. 3.-3, 4) отражают первоначальные этапы этого процесса. Изделие из хозяйственной ямы жилища №2 (объект №5) поселения Новоильинка-VI – готовое орудие (см. рис. 2.-1). Два предмета с поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI демонстрируют этап использования орудий, которые в процессе утилизации подправлялись (см. рис. 2.-2; 3.-2), три изделия – орудий, не пригодных для дальнейшей эксплуатации (см. рис. 1.-3, 4; 3.-1).

Как уже отмечалось выше, на поселении Новоильинка-VI хорошо фиксируются следы, как минимум, трех жилищ. Конструктивной особенностью жилищ является большое количество столбовых ямок по внешнему и внутреннему периметрам углубленного в материк котлована. Велика вероятность, что описанные выше орудия использовались при земляных работах в процессе строительства жилищ. Дальнейшие трасологические и экспериментальные исследования позволят подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения. Нельзя исключать, что по мере накопления археологического материала в коллекциях поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI будут выделены две группы или подгруппы орудий, различающихся не только по форме рабочего края, но и по функциональному назначению. На данном этапе исследования контекст находок приводит к выводу, что эти орудия использовались при рытье котлованов, столбовых и хозяйственных ям жилищ.

В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI найден выразительный обломок орудия, в котором без труда опознается лоцило (рис. 4.-1). Оно выполнено из фрагмента стенки диафиза крупной трубчатой кости лошади или крупного рогатого скота. Изделие имеет характерные следы заглаживания по краям (рис. 4.-1). Неплохо сохранилось изделие, которое является шпателем или орнаментиром (рис. 4.-2), выполненное из ребра лошади. Фиксируются заглаженность и легкий лоск на рабочей кромке орудия. Потребуется дополнительные исследования, чтобы уверенно атрибутировать данное изделие, но, вероятнее всего, мы не совершим ошибки, определив его как орудие, связанное с керамическим производством. Аналогии этим изделиям имеются в материалах поселений ботайской культуры эпохи энеолита Ботай и Красный Яр в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, с. 80–84, 133, рис. 19.-7–10, 13–18; 46.-2].

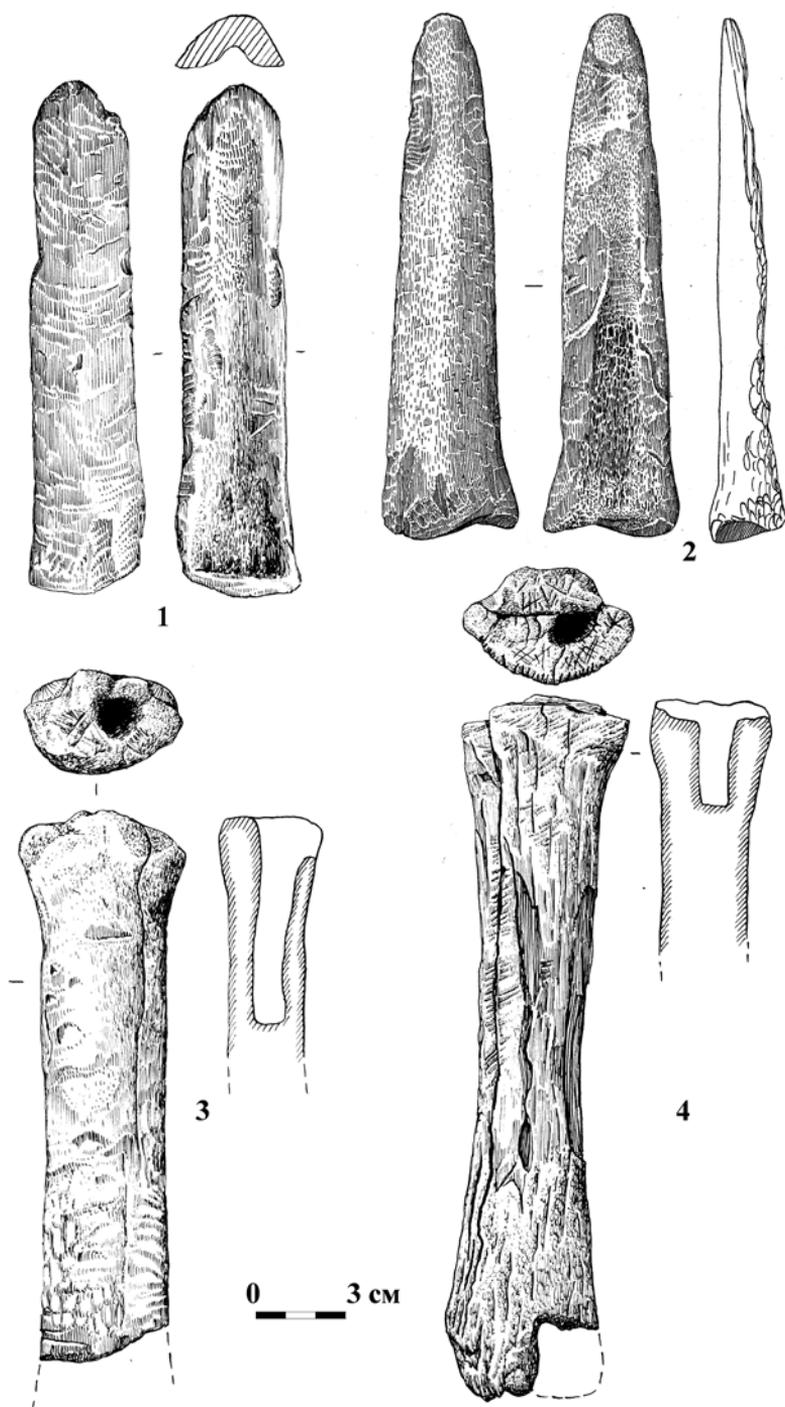

Рис. 3. Поселение Новоилынка-III: 1–2 – костяные острия, или «копьевидные орудия»; 3–4 – заготовки орудий из костей коней (3 – пястная без нижнего конца; 4 – неполная пястная кость) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

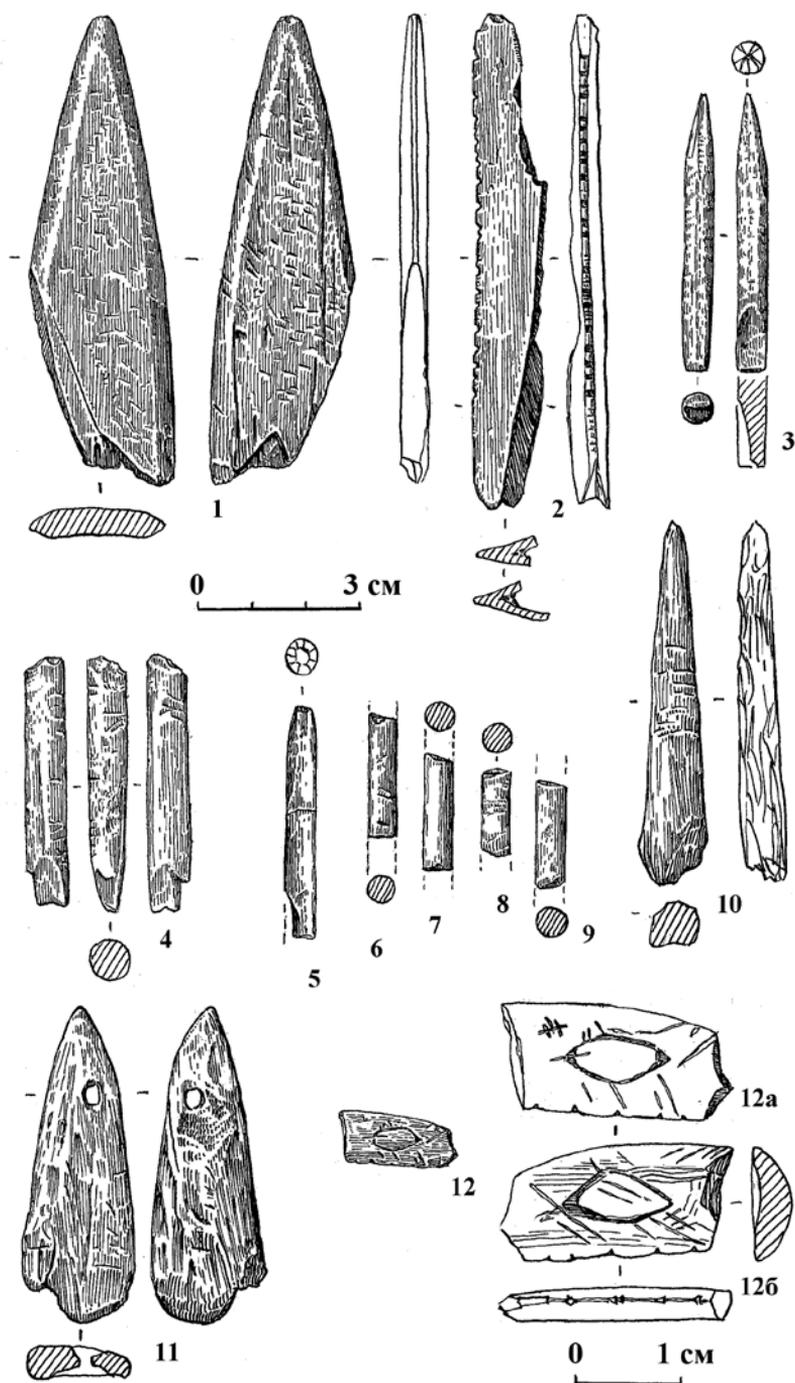

Рис. 4. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
 1 – лопило; 2 – шпатель; 3 – наконечник стрелы; 4–5 – фрагменты наконечников стрел;
 6–9 – изделия цилиндрических форм (фрагменты наконечников стрел?); 10 – острие;
 11 – обломок орудия; 12 – кость с орнаментом (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Интересны изделия с преобладанием цилиндрических форм (см. рис. 4.-3–9). К сожалению, целое изделие только одно (см. рис. 4.-3), остальные представлены обломками (см. рис. 4.-4–9). Скорее всего, это одна из разновидностей наконечников стрел, так называемые «игловидные наконечники стрел», которые известны в погребениях кротовской и одиновской культур Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, с. 51, рис. 22.-25–30; 2012, с. 152, рис. 219.-1, 2]. По крайней мере, у одного предмета выражены все необходимые элементы – острое и насад (см. рис. 4.-3), еще у одного – только насад (см. рис. 4.-4), и у одного – острое (см. рис. 4.-5).

Часть изделий очень плохой сохранности (см. рис. 4.-10, 11), типологически не выраженные. Одно из изделий можно атрибутировать как острое (см. рис. 4.-10). Другое изделие является обломком орудия (рис. 4.-11), и атрибутировать его не представляется возможным. Можно только отметить некоторые весьма отдаленные аналогии с костяными «спицами» из погребений одиновской культуры Барабы [Молодин, 2012, с. 137, рис. 206.-2–4]. Хотя стоит еще раз уточнить, что аналогии весьма условные. Для изготовления использована стенка диафиза трубчатой кости лошади или крупного рогатого скота с сосудистым отверстием. При обработке естественное сосудистое отверстие было расширено каменной разверткой.

Особый интерес вызывает небольшой фрагмент трубчатой кости животного размером с козулю. На стенке диафиза этой кости с двух сторон вырезаны «ромбы» неправильной формы (см. рис. 4.-12). Изображения плохо читаются, и пока сложно атрибутировать данный предмет. Скорее всего, мы имеем дело с предметом неутилитарного назначения.

Очень важной представляется серия изделий из первых фаланг лошадей.

«Изделие с желобком» (рис. 5.-1) обнаружено на поселении эпохи энеолита терсекской культуры Казахстана Кожай-1 [Калиева, 1998, рис. 148.-5]. С.С. Калиева [1998, с. 206] называет его «путовая кость лошади с нарезками». У изделия, найденного на поселении Новоильинка-VI, прорезанные линии образуют четко выраженный желобок, который явно применялся для фиксирования нити. Подобный предмет мог использоваться как грузик, отвес или утяжелитель в самых разнообразных операциях.

Кость с царапинами, расположенными практически со всех сторон диафиза (рис. 5.-2), также имеет многочисленные аналогии в материалах поселения терсекской культуры Кожай-1 [Калиева, 1998]. На памятниках ботайской культуры в Северном Казахстане встречено большое количество фаланг копытных с орнаментом [Зайберт, 1993]. На поселении Новоильинка-VI царапины не образуют явно выраженного орнамента, и, с нашей точки зрения, они гораздо ближе находкам с Кожая-1, где прорезанные линии составляют параллельные или неупорядоченные группы. Вполне допустимо, что это могут быть следы от каменных заготовок орудий, упирившихся в кость в процессе работы над ними.

Нам пока неизвестны аналоги изделию, являющемуся, по нашему мнению, наковальней (рис. 5.-3), на которой происходило расщепление камня. На плантарной поверхности имеются многочисленные следы забитости, характерные для данного типа изделий. Совокупность этих забитостей образует хорошо выраженную площадку овальной формы. Поверхность площадки слегка вогнута, и ее центральная часть относительно естественной поверхности кости вследствие выработки заглублена на 3–4 мм. Видимо, использование костей в качестве наковален для доводки каменных орудий было вполне логичным решением.

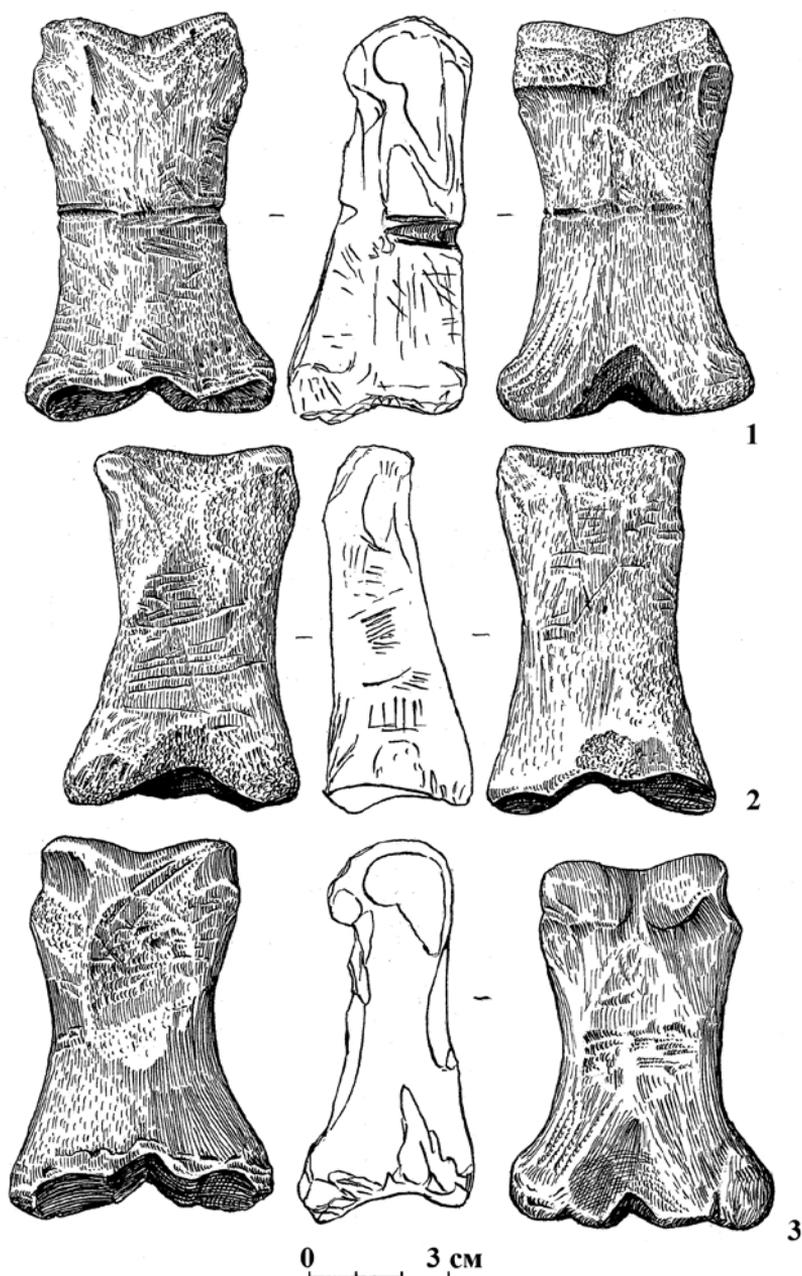

Рис. 5. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
1-3 – изделия из первых фаланг лошадей (1 – «изделие с желобком»;
2 – кость с царапинами; 3 – наковальня) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Двенадцать изделий являются подшипниками скольжения (БСЭ, 1975, том 20, с. 140). Мы считаем, что это верхняя неподвижная часть лучкового станка, которая удерживалась в руке. Для изготовления использованы первые фаланги крупного рога-

того скота и изредка – лошадей. Примерно посередине их диафиза с плантарной стороны пробивалось отверстие. Его форма значения не имела, но была преимущественно округлой. Вращающаяся часть приспособления вставлялась в получившееся отверстие и верхним концом упиралась изнутри в стенку диафиза кости. В результате вращения образовались характерные следы сработанности на внутренней поверхности диафиза фаланги, куда упиралась вращающаяся палочка. Коллекция найденных артефактов демонстрирует различные стадии изготовления: от начальной (рис. 6.-1, 2), когда только проломлена кость, до конечной, когда образованное отверстие имеет ярко выраженные следы сработанности на внутренней части и иногда по краям проломов. Стоит отметить, что на керамике поселения Новоильинка-VI имеются многочисленные просверленные отверстия, которые часто располагаются попарно или группами из трех отверстий.

В 2014 г. подобные изделия из первых фаланг лошадей были обнаружены на поселении Новоильинка-III. Аналогий таким орудиям в опубликованной литературе пока неизвестно.

Из плоских костей лошади (челюсти и лопатки) в материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI выполнено три орудия (рис. 7, 8).

Изделия, сделанные из нижних челюстей лошадей, – трепала (рис. 7). Одно из них со сквозным отверстием в рукояти, в которое, вероятно, продевалась ременная петля для подвешивания (рис. 7.-1). Отверстие просверлено в сочленовном отростке. Рабочее лезвие дугообразной формы. Отдельные выступающие части заглажены и даже имеют легкий блеск.

В научной литературе не сложилось единого термина для обозначения подобных изделий, и исследователи используют различные названия: «серповидные» орудия [Молодин и др., 2009, с. 184–185, рис. 14], «трепала» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42] или «тупики» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42; Зайберт, 1993, с. 128, рис. 46.-1, 4].

Изделия их нижних челюстей лошади представлены в материалах поселения бо-тайской культуры эпохи энеолита Красный Яр в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, с. 128, рис. 46.-1, 4]. Орудие их нижней челюсти крупного копытного обнаружено на поселении ранней бронзы Березовая Лука в Алейской степи [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 128.-1].

Изделия из нижних челюстей крупных копытных встречены на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барабинской лесостепи Чича [Молодин и др., 2009, с. 184–185, рис. 14]. Как отмечают исследователи, подобные орудия «довольно широко представлены в материалах памятников эпохи поздней бронзы, переходного времени к раннему железному веку и скифского времени» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42]. Два изделия из челюстей крупного рогатого скота, которые исследователи называют трепалами или тупиками и считают универсальными орудиями для различных хозяйственных операций, найдены на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барнаульского Приобья Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 42, рис. 4.-2; 18.-1, 4]. Два целых трепала и обломки обнаружены в землянках №1, 2 и 3 на поселении большереченской культуры Барнаульского Приобья БЕ-I [Грязнов, 1956, с. 76]. Семь изделий, называемых «костяными скребками для выделки шкур», были найдены на поселении саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы степного Алтая Советский Путь-1 [Ситников, 2015, с. 106, рис. 62.-1–4; 63.-1, 2; 64].

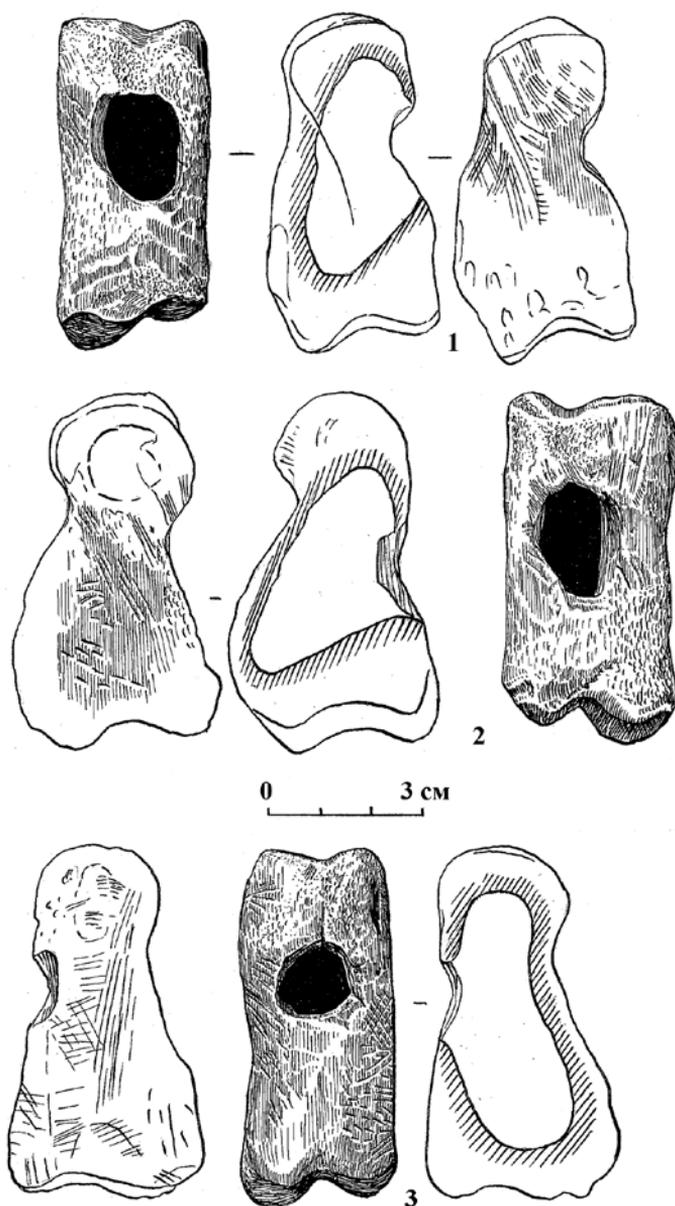

Рис. 6. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт: изделия из первых фаланг лошадей (верхняя, неподвижная часть лучкового станка) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

По мнению М.П. Грязнова [1956, с. 76], костяные трепала повторяют форму бронзовых серпов. Как считал исследователь, в условиях дефицита металла на Верхней Оби металлические серпы «пришлось заменить специально сделанными костяными трепалами» [Грязнов, 1956, с. 77]. В материалах первого горизонта поселения Новоилынка-VI встречены трепала, абсолютно идентичные изделиям поздней бронзы и раннего железного века, вплоть до сквозного отверстия в рукояти (см. рис. 5.-1).

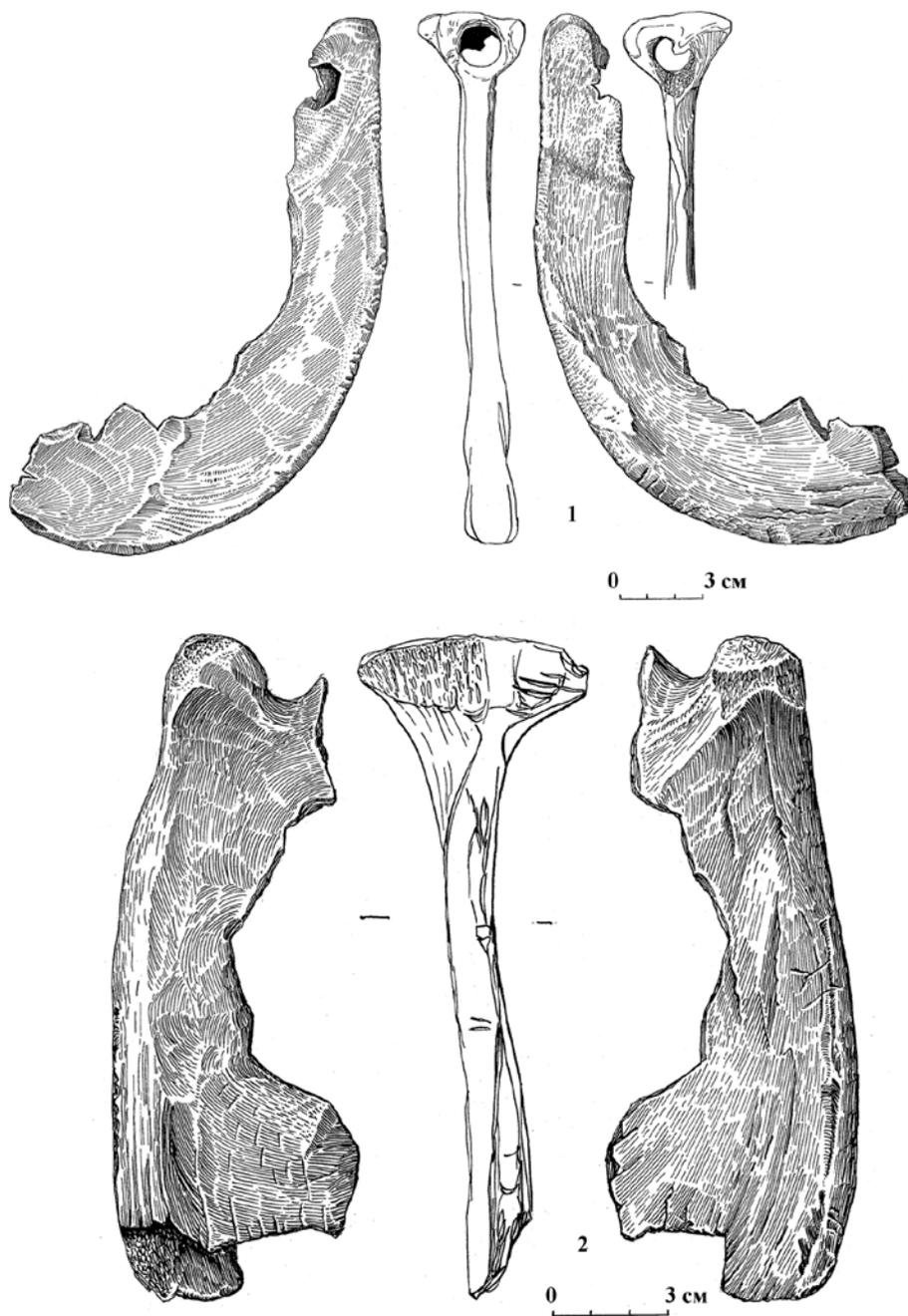

Рис. 7. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт, изделия из кости: трепала (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Трепала, обнаруженные на поселении Новоильинка-VI, как минимум, на тысячу лет старше, чем первые металлические серпы, обнаруженные на территории юга Западной Сибири. Есть все основания утверждать, что в эпоху энеолита появляется само-

стоятельный тип костяных изделий (трепала из нижних челюстей лошадей), которые в силу простоты изготовления и эффективности использования получают широкое распространение в течение длительного времени вплоть до раннего железного века, а, возможно, и значительно дольше. По мнению исследователей, «...конские челюсти были наиболее ценным сырьем», так как скуловая часть костей этих животных более массивна по сравнению с коровьими, и «...кроме того, зубы на нижней части лошади располагались более компактно относительно цельной костной ткани, чем у парнокопытных» [Молодин и др., 2009, с. 184]. Но в некоторых случаях в археологических культурах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку вместо челюстей лошади использовались кости крупного рогатого скота [Папин, Шамшин, 2005, с. 42].

Изделие из лопатки лошади небольшого размера – 14 см в длину и от 3 до 3,5 см в ширину (рис. 8). По мнению исследователей, «использование этого косторезного сырья на юге Западной Сибири прослеживается с финального палеолита до эпохи бронзы и раннего железа», при этом технология разделки сырья менялась, неизменным оставалось только предварительное удаление бугра ости лопатки для получения ровной и широкой костяной заготовки [Молодин и др., 2009, с. 185]. Рабочие кромки изделия, обнаруженного в материалах первого горизонта, почти прямые (лишь немного изогнуты), хорошо заглажены и имеют легкий блеск.

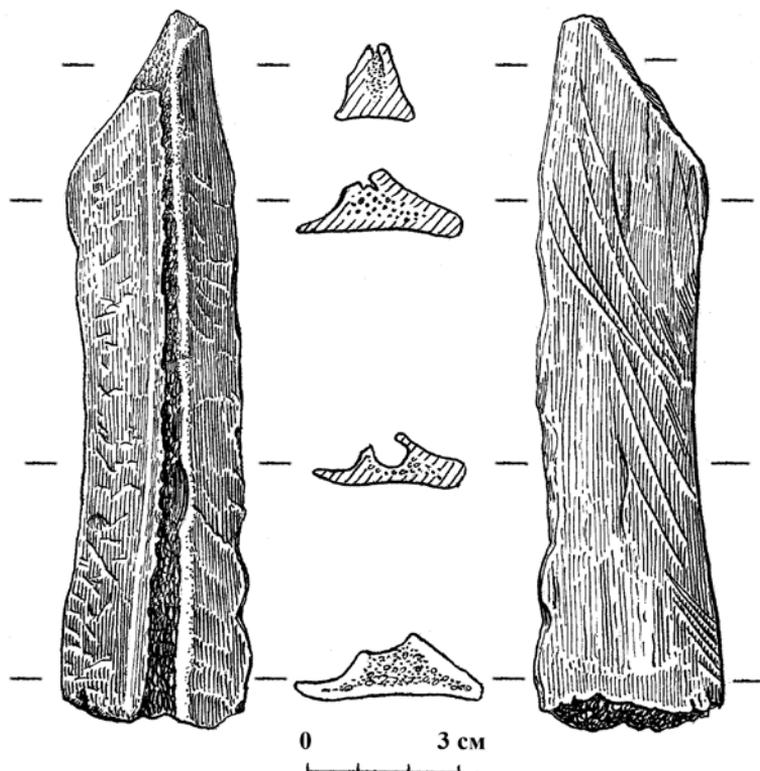

Рис. 8. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт.
Изделие из лопатки лошади (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Коллекция из 38 предметов, выполненных из лопаток мелкого и крупного рогатого скота, найдена на поселении ранней бронзы Березовая Лука в Алейской степи [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135, рис. 134–140; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 56, рис. 33.-1]. Для обозначения подобных изделий исследователи используют термины «орудие скорняжного производства» [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135, рис. 134–140] или «скребок» [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 56, рис. 33.-1]. Серия предметов из лопаток крупных копытных обнаружена на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барабинской лесостепи Чича [Молодин и др., 2009, с. 185, рис. 15]. Для обозначения орудий из лопаток крупных копытных исследователи используют термин «серповидные изделия» [Молодин и др., 2009, с. 185]. Как отмечают ученые, система раскроя лопатки и форма орудий, изготавливаемых на Чиче-1, существенно отличаются от таковых для изделий из такого же сырья на поселении Березовая Лука [Молодин и др., 2009, с. 185].

В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI найдено одно такое изделие. Osteологические коллекции второго горизонта поселения Новоильинка-VI так же, как и коллекции поселения Новоильинка-III, полученные в ходе раскопок 2014 г., пока находятся в процессе обработки. Нет сомнений, что коллекция изделий из лопаток крупных копытных пополнится новыми артефактами, что позволит более подробно рассмотреть систему раскроя кости и типологию этих орудий.

По мнению исследователей, изделия из челюстей и лопаток крупных копытных достаточно универсальны [Молодин и др., 2009, с. 184], и они чаще всего трактуются как орудия скорняжного производства [Молодин и др., 2009, с. 185; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135] или трепала для обработки диких или домашних растений [Молодин и др., 2009, с. 185; Папин, Шамшин, 2005, с. 42; Грязнов, 1956, с. 76–77]. В античных комплексах Северного Причерноморья орудия из нижних челюстей животных использовались для ошкуривания стволов деревьев [Каспаров, Шаровская, 2002, с. 126, рис. 177.-1]. В некоторых случаях удается установить, что эти орудия применялись для разминания узких кожаных полос и ремней [Панковский, 2000, с. 95].

Заключение

Как уже отмечалось выше, на поселении Новоильинка-VI обнаружены следы долговременных жилищ, при сооружении которых использовалось большое количество столбов и жердей [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, рис. 1, с. 253–255]. Контекст находок позволяет допустить, что орудия, изготовленные из нижних челюстей животных, могли применяться для ошкуривания стволов деревьев. В 2014 г. на поселении Новоильинка-III были обнаружены зубы лошадей со следами сработанности. Предположение, что орудия из плоских костей лошадей использовались для разминания узких кожаных полос и ремней, которые применялись для изготовления конской сбруи, требует дополнительной аргументации, но является вполне допустимым и может использоваться на уровне рабочей гипотезы.

Трепала из нижних челюстей и лопаток лошади появляются в эпоху энеолита и в силу простоты изготовления и своей эффективности получают широкое распространение и используются в течение длительного времени вплоть до раннего железного века, а возможно, и значительно дольше, на широких просторах степей Евразии от Молдавии до Верхнего Приобья.

Пешневидные орудия находят аналоги в материалах культур с производящей экономикой эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Северного Казахстана, Степного Алтая и Барабинской лесостепи.

Изделия из первых фаланг лошадей с желобком и царапинами имеют аналоги в материалах культур эпохи энеолита Северного Казахстана.

Аналоги «игловидным» наконечникам стрел известны в погребениях кротовской и одиновской культур Барабинской лесостепи.

Наблюдается определенная тенденция, близкие аналогии прослеживаются в материалах раннебронзовых культур Степного Алтая и Барабинской лесостепи – в кротовской и елунинской, а также среди энеолитических культур Казахстана – ботайской и терсекской.

Участие местного энеолитического населения в процессе формирования елуинской культуры уже отражалось в научной литературе [Кирюшин, 2002, с. 84]. Также выдвигалось предположение о том, что энеолитическое население Северной Кулунды внесло свой вклад в формирование раннебронзовых культур Алтая и сопредельных территорий [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. Особенно хорошо это просматривается на материалах уткульской группы памятников на правом берегу Барнаульско-Бийского Приобья [Грушин, 2014; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. Изделия из костей животных, обнаруженные на поселении Новоильинка-VI, подтверждают выдвинутые ранее гипотезы.

Подшипники скольжения из первых фаланг крупного рогатого скота и реже – лошадей являются очень специфичными изделиями, и аналоги им пока неизвестны. Вероятно, эти изделия могут стать одним из этнокультурных признаков энеолитических памятников Кулундинской степи.

Керамические коллекции поселения Новоильинка-VI очень оригинальны, имея черты несомненного сходства, они выделяются из массива имеющихся данных по неолиту и энеолиту степного, лесостепного Алтая и Верхнего Приобья [Кирюшин, 2015]. Главное отличие керамики поселения Новоильинка-VI от синхронных памятников Алтая заключается в ярко выраженном «геометризме». Скорее всего, это связано с расположением поселения в своеобразной буферной зоне между «гребенчатоямочными культурами» западносибирского или урало-сибирского типа (байрыкского, екатерининского, кипринского и др.) и «геометрическими» казахского типа (ботайской и терсекской). Как отмечают исследователи, «на определенном отрезке времени такой культурный район сам мог превращаться в очаг культуругенеза, так как формирование новых археологических культур во многом являлось результатом взаимодействия нескольких культурных традиций» [Шорин, 1999, с. 7]. Разнообразие орудий из кости в материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI может служить свидетельством нахождения памятника в подобном «очаге культуругенеза».

Материалы памятника, без сомнения, являются уникальными для региона. Продолжение исследования поселения Новоильинка-VI позволит получить новые объективные данные для решения проблем формирования и динамики развития культур энеолита и бронзы Алтая и сопредельных территорий.

Библиографический список

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана : Сары-Арка, 2014. С. 211–214.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 421–427.

Грушин С.П. «Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С. 416–420.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 160 с. (МИА, №48).

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. С. 173–180.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск : Наука, 1993. 246 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы : Изд-во МН-АК РК : Ин-т археологии им. А. Маргулана, 1998. 225 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай : Б.и., 1997. 180 с.

Каспаров А.К., Шаровская Т.А. Об орудиях для обработки дерева из городища Нимфей // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб. : Наука, 2002. С. 126–129.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. №1 (61). С. 25–36.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу об участии энеолитического населения Северной Кулунды в формировании раннебронзовых культур Барнаульско-Бийского Приобья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62), Т. 6. С. 44–50.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 228 с.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Шабанова О.Н. Материалы второго горизонта жилища №2 поселения Новоильинка-VI (предварительные итоги исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 253–257.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.

Панковский В.Б. Подходы к изучению специализации и организации форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 95–96.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

Подшипник скольжения // БСЭ. Т. 20. М. : Советская Энциклопедия, 1975. С. 140.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.

Черныш Е.К., Мерперт Н.Я. Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени // Энеолит СССР. М. : Наука, 1982. С. 213–219.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. 182 с.

K.Y. Kiryushin, L.L. Gaiduchenko

ARTICLES OF BONES IN THE MATERIALS OF THE FIRST LAYER ENEOLITHIC SETTLEMENT “NOVOILINKA-VI”

In 2013, in the Altai Territory was revealed a new monument of the Chalcolithic era – the Novoilinka-VI settlement. The discovered finds of animal bones (more than 30000) allow speaking confidently about the nature of the economy of the monuments' population. During the study of the first layer of the Novoilinka-VI settlement collection was made of very expressive series of bones with traces of processing. Most products are made of the bones of a horse.

Products from the lower jaw and blades of the horse are widespread in the steppes of Eurasia from Moldova to the Upper Ob from the Eneolithic to the early Iron Age. The chisel type products have analogues in the material cultures of the Eneolithic and Early Bronze Age in Northern Kazakhstan, Steppe Altai and the Baraba forest-steppe. Products from the first phalanx of horses with a groove and scratches have analogues in the material cultures of the Eneolithic in Northern Kazakhstan.

Analogues of “needle-” arrowheads are known in the burials of the Krotovskaya and Odinovskaya culture of the Early Bronze Age of the Baraba forest-steppe.

“Clutches” of the first phalanges of horses are very specific products. These clutches are the most upper part of the arched mechanism. Perhaps these items may be one of the ethnocultural features of Eneolithic monuments of the Kulunda steppe.

Key words: archaeology, the Eneolithic, producing economy, products from the lower jaw and blades horse, metapodial bones of horses.

References

Gayduchenko L.L. Vremya poyavleniya i osobennosti drevneyshego stepnogo zhivotnovodstva v Kazakhstane [Time of Occurrence and Features of the Ancient Steppe Livestock in Kazakhstan]. Dialog kul'tur Evrazii v arkhologii Kazakhstana [Cultural Dialogue of Eurasia in Kazakhstan Archaeology]. Astana : Sary-Arka, 2014. Pp. 211–214.

Gayduchenko L.L., Kiryushin K. Yu. Novye osteozoologicheskie materialy iz raskopok eneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka-VI v Kulunde [New Osteozoological Materials from Excavations from the Chalcolithic Settlement Novoilinka-VI in Kulunda]. Margulanovskie chteniya – 2014 [The Margulan Readings – 2014]. Almaty ; Pavlodar : In-t arkhologii im. A.Kh. Margulana, 2014. Pp. 421–427.

Grushin S.P. “Utkul'skaya” gruppa pamyatnikov bronzovogo veka v Verkhnem Priob'e [The “Utkulsk” Group of the Bronze Age Monuments in the Upper Ob Region]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda v Kazani. T. I [Proceedings of the IV (XX) All-Russia Archaeological Congress in Kazan. Vol. I]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 416–420.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob from the Excavations near the Big River Village]. M. ; L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 160 s. (MIA №48).

Gurina N.N., Kraynov D.A. L'yalovskaya kul'tura [The Lyalovo Culture]. Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]. M. : Nauka, 1996. Pp. 173–180.

Zaybert V.F. Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Eneolithic of the Ural-Irtysh Interfluve]. Petropavlovsk : Nauka, 1993. 246 p.

Kalieva S.S. Poselenie Kozhay I [The Kozhay I Settlement] . Almaty : Izd-vo MN-AK RK : In-t arkhologii im. A. Margulana, 1998. 225 p.

Kalieva S.S., Logvin V.N. Skotovody Turgaya v tret'em tysyacheletii do nashey ery [Pastoralists of Turgai in the Third Millennium BC]. Kustanay : B.i., 1997. 180 p.

Kasparov A.K., Sharovskaya T.A. Ob orudiyakh dlya obrabotki dereva iz gorodishcha Nimfey [About the Tools for Wood Processing from the Nymphaeum settlement]. Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Ch. 1 [Bospor Phenomenon: Funerary Monuments and Shrines. Part 1]. SPb. : Nauka, 2002. Pp. 126–129.

Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka-VI (po rezul'tatam issledovaniy 2013–2014 gg.) [Pottery of the Novoilinka-VI Settlement (According to the Results of Research 2013–2014)]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2015a. №4/1 (88). Pp. 149–156.

Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamental'nye gruppy keramiki s poseleniya epokhi eneolita Novoilinka-III v Severnoy Kulunde [Morphological and Ornamental Pottery Group from the Eneolithic Settlement "Novoilinka-III" in North Kulunda]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2015b. №1 (61). Pp. 25–36.

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [Chalcolithic and Early Bronze of the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 293 p.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi [Berezovaya Luka – the Bronze Age Settlement in the Alei Steppe]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Vol. II. 171 p.

Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu. K voprosu ob uchastii eneoliticheskogo naseleniya Severnoy Kulundy v formirovaniy rannebronzovykh kul'tur Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya [About the Participation of the Chalcolithic Population of Northern Kulunda in the Formation of the Early Bronze Cultures of the Barnaul-Biysk Ob]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University]. 2015. №2 (62), Vol. 6. Pp. 44–50.

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi [Berezovaya Luka – the Bronze Age Settlement in the Alei Steppe]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Vol. I. 228 p.

Kiryushin K.Yu., Sitnikov S.M., Shabanova O.N. Materialy vtorogo gorizonta zhilishcha №2 poseleniya Novoilinka-VI (predvaritel'nye itogi issledovaniya) [Materials of the Second Layer of the Dwelling №2 of the Novoilinka-VI Settlement (the Preliminary Results of the Study)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. T. XXI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2015. Pp. 253–257.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury. [Monument Sopka-2 on the River Ob: Cultural and Chronological Analysis of the Funerary Complexes of Odinovskaya Culture]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2012. Vol. 3. 220 p.

Molodin V.I., Partsinger G., Krivonogov S.K. i dr. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Chicha – Settlement of the Transition from the Bronze to Iron Age in Baraba Forest-Steppe]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2009. Vol. 3. 248 p.

Pankovskiy V.B. Podkhody k izucheniyu spetsializatsii i organizatsii form kostoreznogo i kozhevennogo proizvodstv v epokhu pozdney bronzy [Approaches to the Study of Specialization and Organization of the Forms of Carving and Leather Industries in the Late Bronze Age]. *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy* [Archaeology and Ancient Architecture of the Left-Bank Ukraine and Adjacent Territories]. Donetsk : Skhidnyy vidavnichiy dim, 2000. S. 95–96.

Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku [The Barnaul Ob Region in the Time of Transition from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 p.

Podshipnik skol'zheniya [Plain Bearing]. BSE. Vol. 20. M., 1975. 140 p.

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Culture of Sargarinsko-Alekseevsk Population of Forest – Steppe Altai]. Barnaul : AltGPU, 2015. 254 p.

Chernysh E.K., Merpert N.Ya. Pamyatniki pozdnego perioda kul'tury Tripol'e-Kukuteni [Monuments of Culture of the Late Period of Tripolye – Cucuten Culture]. Eneolit in the USSR [Eneolithic of the USSR]. M. : Nauka, 1982. Pp. 213–219.

Shorin A.F. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [Neolithic of the Urals and Adjacent Territories: Problems of Cultural Genesis]. Ekaterinburg : UrO RAN, 1999. 182 p.

САКРАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕГАЛИТОВ

Территории Сибири, Северо-Запада России и Урала археологи до недавних пор обычно не включали в зону распространения мегалитических культур, хотя в этих регионах ныне известны мегалитические памятники разных археологических эпох. Мегалитические памятники являются одними из самых сакральных объектов в археологии.

Изготовленные из «вечного» материала, мегалиты имели различные функции: культовую, астрономическую, погребальную, жилую, оборонительную, производственную и др.

По своим размерам и объему мегалиты могут быть подразделены на пять типов: 1) исполины – самые уникальные, самые крупные, обработанные человеком отдельные плиты, стелы, валуны, камни объемом более 30 м³ и весом более 100 т; 2) гиганты – камни объемом от 15 до 28 м³; 3) большие – с объемами от 10 до 14 м³; 4) средние – от 6 до 9 м³; 5) малые – от 1 до 5 м³. Гигантские камни уникальны, они занимают особое положение в каждом памятнике и в окружающем сакральном ландшафте.

Мегалиты нуждаются не только в охране, но и в изучении специалистами разных отраслей науки. Детальное изучение объектов мегалитического наследия будет способствовать дальнейшему более глубокому пониманию единства евразийского геокультурного пространства с древнейших времен и до современности.

Ключевые слова: мегалиты, классификация, сакральность, каменные изваяния, Сибирь, Северо-Запад России, Селеутас, Салбык.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-04

Введение

Многие регионы мира обладают уникальными памятниками прошедших эпох. В разные исторические периоды мегалитические объекты сооружались во многих странах. На Всемирной конференции ЮНЕСКО по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) с 27 сентября по 10 октября 1980 г., в декларации «С» было отмечено, что *«... каждый регион мира является колыбелью какой-либо одной или нескольких цивилизаций, являющихся частью всеобщего мирового наследия, и что, следовательно, каждый регион должен быть сохранен, защищен и доступен каждому посетителю, паломнику или туристу, считая, что религиозные места заслуживают особого внимания как места цивилизации, осуждает любые настоящие или будущие попытки изменить физическую, духовную, культурную или этническую природу любого из этих мест...»**

**Сакральность и сакральная археология
(термины и подходы к изучению)**

В XXI в. все более отчетливо осознаются взаимообогащение, взаимозависимость и взаимоподдержка культуры, науки, образования, религии и туризма. Разработка методологии и методики комплексного исследования объектов наследия позволит углубить представления о первичном назначении и семантике древних и средневековых памятников, более рационально и без ущерба сохранности использовать их как туристские ресурсы в регионах России и мира.

В письменных памятниках почти не сохранились сведения о древних сакральных центрах, поселениях, заказчиках и мастерах многих регионов Евразии, но нам в наследство остались объекты на местности в виде сложных культовых сооруже-

* Все выделения в статье обозначены автором. – Прим. ред.

ний, мегалитов, изваяний и наскальных изображений, часто сохранившихся в почти первозданном ландшафте, не затронутом современным антропогенным воздействием, и служащих основой для детальных реконструкций прошлого.

Представления о сакральных (почитаемых как священные) объектах прошедших эпох в основном формируются в рамках геологии, археологии, географии, этнографии и культурологии [Марсадолов, 2005; 2007; 2013б и др.]. Древние объекты отражают целостное и многогранное знание о видимой и невидимой сферах окружающего мира, которое не может быть оценено только средствами гуманитарных наук. Самые интересные научные идеи, как известно, рождаются на стыке областей знаний, при содружестве специалистов разных наук. Представляется важным не только сопоставление данных о сакральных объектах с письменными источниками, археологическими и этнографическими данными, но и глубокий анализ естественно-научных аспектов: географических, астрономо-математических и др.

Многое из того, что для нас сейчас самоочевидно и обыденно, долгое время было сакрально: *гора* (божественная, мировая, родовая, индикатор погоды), *дерево* (райское, мировое, жизни, познания, родовое), *вода* (живая и мертвая), *огонь* (священный и адский), *небо* (сакральное, твердое), *камень* (вечность, твердость, краеугольный камень) и т.д.

Сакральное – приобщение к Божеству, прикосновение к тайне Бога, высокий уровень обобщения наблюдаемого жизненно важного явления, связанный с тайной божественного вдохновения, озарения, откровения, созерцания и обожествления.

Сакральность – один из важнейших компонентов общей мировоззренческой картины человека и модели мира.

Сакральная археология, география и культурология – новые междисциплинарные научные направления, пограничье науки, культуры и религии, занимающиеся изучением отражения древних сакральных знаний об окружающем мире. Эти направления изучают историю сакральных объектов, их географическое положение в окружающем ландшафте, обобщают их влияние на жизнь и культуру человечества.

Наука – *едина* и должна менять лишь методы при изучении конкретных объектов и отраслей знания.

Предмет сакральной археологии – древние и современные культовые, исторические, культурологические и мировоззренческие знания, заложенные в *сакральные объекты религиозного, культурного и природного наследия*.

Объекты сакральной археологии, географии и культурологии – археологические, исторические, географические, религиозные и природно-культурные места и памятники наследия, в которых можно найти и реконструировать древние знания по сакральной истории, географии, религии, математике, астрономии, метрологии и другим древним отраслям жреческой «науки».

Основы древних сакральных и научных знаний лучше всего отразились в храмах, культовых местах, на древних святилищах, в планиграфии элитных объектов, в погребениях правителей и знати, на сакрально значимых образах и предметах. На сакральных объектах человек взаимодействует с Богом, сакральным ландшафтом, космосом, природой и другими людьми, поэтому эти места приобретают сакрально-природно-культурные функции.

Переход обыденного в сакральное происходит при посредстве специально посвященных людей (жрецов, шаманов, священников) через ритуал в строго определенной точке пространства и времени или в любой точке при соблюдении правил ритуала и жертвоприношения.

Термин «*сакральный ландшафт*» применяется во многих научных дисциплинах – географии, культурологии, этнологии, археологии, геологии, политике, но очень часто при использовании этого понятия не учитывается *один из самых важных компонентов «сакральности» – одухотворенность*, конкретное место в окружающем природном ландшафте для связи-контакта с различными божествами.

Ландшафтное окружение культовых памятников Евразии и причины сакрализации природных объектов в древности пока еще слабо изучены в научной среде [Марсадилов, 2013б].

Ландшафт – часть природного или природно-антропогенного окружения объекта культурного наследия.

Сакральный ландшафт – одухотворенная Богом (божествами) часть природной среды, вовлеченная в сакрально-мировоззренческую и культовую деятельность человека.

Следует особо отметить, что *сакральный ландшафт* является важным источником при реконструкции общей «модели мира», культурной, политической и этнической истории древних народов, а сакральные места и объекты часто являются центрами взаимодействия божества, человека и природы. Несомненно, что своеобразие каждого из природных уголков учитывалось и неоднократно «обыгрывалось» при сооружении сакральных объектов и во время ритуальных действий. Надо только не останавливаться на первых ступенях изучения памятников, а, привлекая сумму современных методов исследований, попытаться реконструировать мировоззренческие и духовные основы, а также сакральные знания, заложенные в древние объекты [Марсадилов, 2012].

Современные научные реконструкции знаний по сакральной археологии должны основываться:

- на достоверности и проверяемости детально зафиксированных фактов и объектов;
- точности инструментальных измерений;
- глубине научного анализа и синтеза;
- комплексном подходе к изучаемым источникам;
- оценке значения объекта с сакральной точки зрения.

Одним из основных критериев в научных исследованиях всегда останется соответствие исторической и географической реальности теоретическому моделированию и реконструкциям.

Мегалиты и их общая классификация

Широкое применение необработанного «природного» и искусственно обработанного камня в разных по времени и территории культурах мира было обусловлено как доступностью этого материала во многих районах, так и его долговечностью при создании объектов на последующие тысячелетия, для «вечности». Изготовленные из «вечного» материала, различные по культовым функциям мегалитические памятники являются одними из самых сакральных объектов в археологии.

Мегалитические объекты на территории России на начальном этапе их исследования приходится сопоставлять с хорошо изученными, близкими по форме памятниками в других регионах мира (табл.).

Общая классификация мегалитов России и мира

	Функция	Конструкция, планировка	Объекты	Камни и изображения на них								
				«Природные»				Обработанные				
				без изображений	зооантропоморфные	«геометризованные»	+ петроглифы	геометризованные	антропоморфные	зооморфные	другие формы	+ петроглифы
Древние мегалиты	Святынища, храмы (культурная и астрономическая)	Одиночные камни и «таула»	Менгир (стела, изваяние) Т-образный	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Валун	Камень «Следовик»		+	+	+	+	+	+	+	+
		Ряды мегалитов	«Аллеи»	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		«Врата»	2 камня Трилиты	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		«Сейд»	Разные	+	+	+	+	+			+	
		Круглая, полукруглая	Кромлех, ограда, лабиринт	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Квадратная, прямоугольная	Ограда, «ящик», лабиринт	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Спиральная	Лабиринт	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Комплексная	Разные объекты	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	Погребальная + поминальная	Одиночные объекты	Менгир (стела)	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Квадратная	Гробница, ограда, дольмен	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Круглая	Гробница, ограда	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		Комплексы сооружений	Могильник + поминальник	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Жилая и оборонительная	Квадратная, прямоугольная, круглая и др.	Сооружение, фундамент	+	+	+	+	+		?	+	+
Производственная	Каменоломни	Заготовки Плиты	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	Мастерские	«Станки» для обработки плит	+		+						+	
Переиспользованные мегалитические объекты	Поздние святынища	Квадратная, прямоугольная	Фундаменты и части древних храмов	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Частичное или полное использование более древнего сооружения		+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	Погребальные + поминальные сооружения	круглая	Фундаменты и части сооруже.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
			Заготовки Плиты	+		+		+	+	+	+	
	Оборонительные, жилые комплексы	и др.	«Станки» для обработки плит	+				+				+
			Мастерские	«Станки» для обработки плит	+				+			

С точки зрения автора, *мегалитами* (от греч. *megas* – огромный и *lithos* – камень) должны считаться не все каменные блоки, плиты и стелы, а только использованные человеком камни размером *более 1 кубометра или стелы высотой более 2–3 м, весом более 500 кг*. По своим размерам и объему все камни, изученные эрмитажной экспедицией на мегалитических комплексах Евразии, могут быть подразделены на пять типов: 1) *исполины (колоссы)* – самые уникальные, самые крупные, обработанные человеком *отдельные* плиты, стелы, валуны, камни объемом более 30 м³ и весом более 100 т (рис. 1; 2.-2 и 5.-1-2); 2) *гиганты* – к этому типу отнесены камни объемом от 15 до 28 м³ (рис. 2.-1); 3) *большие* – с объемами от 10 до 14 м³ (рис. 3.-5–6); 4) *средние* – от 6 до 9 м³ (рис. 2.-3–4); 5) *малые* – от 1 до 5 м³ (рис. 5.-3–4) [Марсаолов, 2007; 2008а; 2010].

В различных памятниках и комплексах соотношение разных типов мегалитов значительно отличается. На большинстве сакральных комплексов преобладают *малые и средние мегалиты*, а *большие мегалиты* известны в основном на элитных памятниках.

Гигантские и самые крупные *исполинские* камни уникальны и занимают особое положение в каждом памятнике и в окружающем сакральном ландшафте. Такие камни часто имеют собственное сакральное имя: «Конь-камень» на острове Коневец (700 т), «Гром-камень» был использован для постамента памятника Петру I в Санкт-Петербурге (1600 т), «Александровская колонна» (600 т) на главной Дворцовой площади в Санкт-Петербурге и др. На Западном Алтае в Селеутасе пока известна только одна каменная плита весом около 500 т, а в Хакасии юго-западная угловая плита в Большом Салбыкском кургане весит около 100 т (рис. 1 и 2.-2).

Присоединяясь к словам М. Алуфа, хранителя Баальбека: «*Никакое описание не может дать сколько-нибудь точное представление о том потрясающем впечатлении, которое производит на наблюдателя вид этих гигантских блоков*», мы лишь можем отметить, что мегалитические объекты сразу же легко опознаваемы, и первое впечатление от них – это восхищение от их крупных размеров, затраченного гигантского труда и часто – от необычности форм.

Назначение мегалитических объектов в зависимости от их функций было разнообразным: культовым, погребальным, астрономическим, геодезическим, оборонительным, жилым, производственным и др. (см. табл.). Мегалитические объекты и их комплексы могли быть сформированы как из «природных», так и из обработанных человеком валунов, стел, изваяний (рис. 1–5). По своей планировке мегалиты образовывали ряды/аллеи, ограды, лабиринты и прочее квадратной, прямоугольной, круглой, овальной, спиральной и иных форм (см. табл.). Разные по форме мегалитические камни могли быть взяты без обработки («природные»), а также подвергнуться различной степени обработке – минимальной или максимальной, которая не оставляет их первоначальной формы. Иногда мегалитические объекты имеют зоо-, антропоморфную или геометризованную форму с минимальной подправкой, а на их внешней поверхности могли наносить различные знаки, отверстия и изображения (см. табл.).

Многие археологи отмечали неоднократность появления и переиспользования мегалитических объектов. Крупные стелы, плиты и каменные объекты периода бронзы иногда вновь использовали в эпоху железа, а затем в средневековье и позднее, вплоть до современного строительства. Сооружение почти каждого нового культового и жилого центра было длительным и многоэтапным. Одно дело – открытие нового, сакрально значимого для союза племен ритуального центра, а другое – небольшие племенные или родовые культовые места.

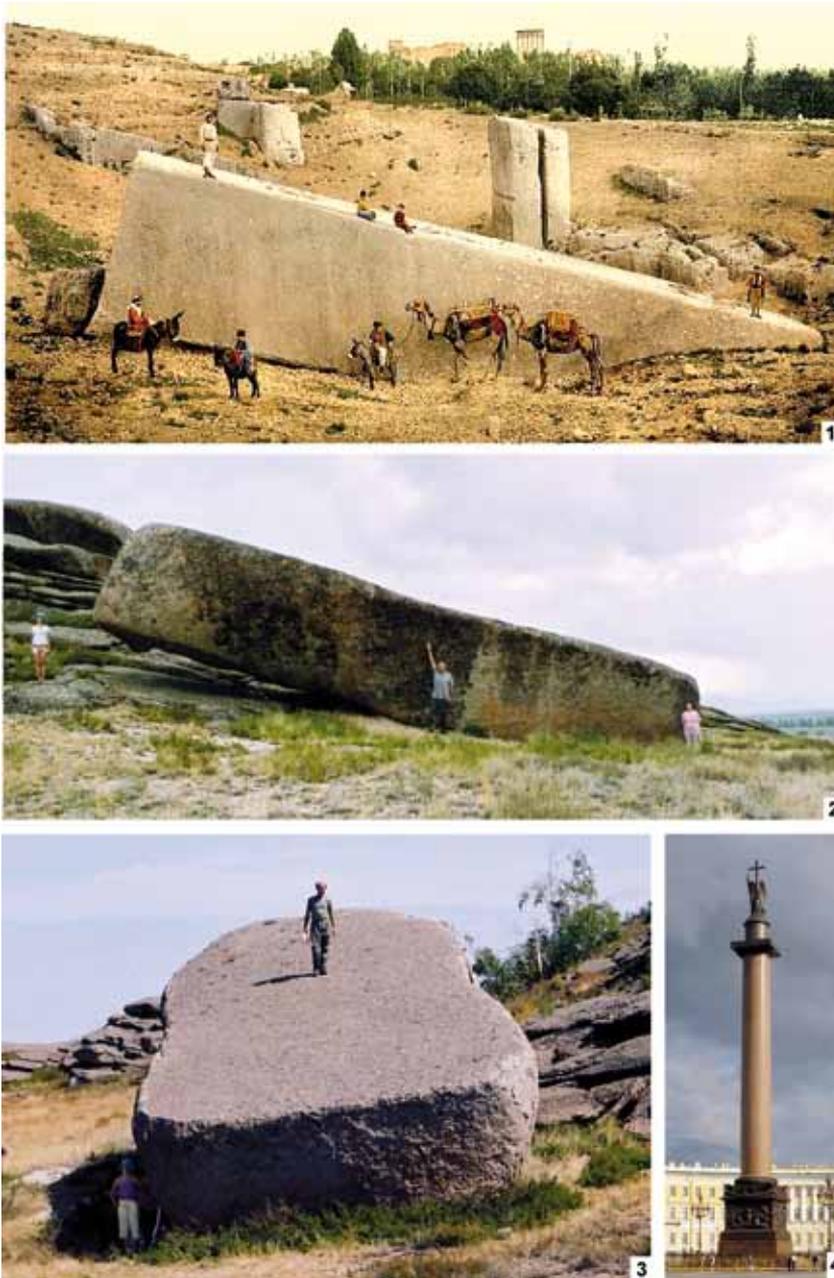

Рис. 1. Исполинские плиты-мегалиты: 1 – Баальбек, Ливан, каменоломня, открытка начала XX в., повернута по горизонтали (плита размерами 23 x 5,3 x 4,5 м, вес – около 1000 т); 2 – Западный Алтай, Селеутас, участники экспедиции у камня-мегалита (размеры плиты: длина – 14,4 м, ширина – 6,3 м, толщина – от 2,1 до 3,1 м; общий вес гранитного блока – около 500 т; вид с западной стороны); 3 – Селеутас, общий вид мегалитической плиты с южной стороны; 4 – «Александровская колонна» на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге (вес – 600 т)

Рис. 2. Каменные мегалитические плиты и стелы:
1 – Стоунхендж в Англии (плиты весом до 30 т); 2 – Большой Салбыкский курган в Хакасии, самая большая плита в юго-восточном углу ограды (вес – около 100 т); 3 – стела из «Кольца Бродгара» в Шотландии (высота – до 5 м); 4 – Сафроново в Хакасии, стела в юго-восточном углу ограды кургана (высота – около 6 м)

Главным отличием мегалитических комплексов от других беспорядочно разбросанных валунов служит упорядоченная система в их расположении. Результаты специальных научных исследований позволяют выявить, сохранили ли древние камни свое первоначальное местоположение, были ли сдвинуты или случайно здесь оказались. Именно таким образом автором выявлены значимые камни-реперы древней мегалитической астрономо-геодезической сети на памятниках Сибири, а затем и на Северо-Западе России.

Весьма актуальной представляется разработка методологических критериев и методических приемов комплексной оценки археологических, ландшафтно-географических, метрологических, астрономических, социальных и других факторов в организации сакральных мест и мегалитических объектов с целью комплексного анализа разных аспектов знания, отраженных в их пространственно-временной структуре, а также их роли в жизнеобеспечении древних обществ. Огромные разделы древних знаний – метрология, астрономия, математика, часто взаимосвязанные между собой, пока остаются слабоизученными в современных археологических исследованиях, и, следовательно, значительно обедняются наши представления о ранних этапах развития практических, сакральных и научных достижений прошедших эпох.

Процесс изучения и объяснения назначения мегалитических объектов автор подразделяет на пять взаимосвязанных этапов: 1) *подготовительный*, 2) *измерительно-ландшафтный (полевых исследований)*, 3) *метрологический*, 4) *планиграфическо-астрономический* и 5) *интерпретационный*. Новая комплексная методика изучения мегалитов и возможности ее использования показаны в специальных статьях на материалах мегалитических объектов из Селеутаса и Тархаты на Алтае, а также из Салбыкской долины в Хакасии [Марсадолов, 2007; 2015a].

В разных регионах мира археологами изучены сотни мегалитических объектов. Кратко рассмотрим лишь наиболее важные типы мегалитов, исследованных археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в период 1987–2015 гг.

Исполинские плиты-мегалиты. До 1980-х гг. на Алтае не изучались мегалитические памятники из цельных глыб камня с размером плит более 4–5 м. По своим размерам и объему камень «А» с личиной из Селеутаса на Западном Алтае (размеры плиты: длина – 14,4 м, ширина – 6,3 м, толщина – от 2,1 до 3,1 м; общий вес гранитного блока – около 500 т) пока является самым крупным в Центральной Азии (рис. 1.-2–3) [Марсадолов, 2008a]. Плита «А» по длине более чем в 2 раза превосходит вертикальные плиты из Большого Салбыкского кургана в Хакасии (рис. 3 и 2.-2) и комплекса в Тархате [Марсадолов, 2007; 2010], а по весу она тяжелее их в десятки раз. Даже самая большая каменная плита Франции «Grand Menhir» длиной 20,3 м и весом 350 т, относящаяся к эпохе бронзы, превосходит селеутасский камень «А» лишь по длине, значительно уступая ему по ширине, толщине и весу [Марсадолов, 2008б]. Селеутасскую плиту превосходят по весу только ряд камней основания юго-восточной стены храма Юпитера в Баальбеке (Ливан), именуемые Трилитон, размером 21 x 5 x 4 м, весом по 800 т и самая большая каменная плита размерами 23 x 5,3 x 4,5 м, весом около 1000 т, находящаяся в баальбекской каменоломне (рис. 1.-1). Большинство исследователей считают, что эти плиты относятся к более раннему периоду, чем храм Юпитера римского времени.

Каменные изваяния и стелы-мегалиты. Изваяния и стелы из различных пород камня – замечательные памятники древнего монументального и сакрального искусства, пережившие тысячелетия и сохранившиеся до наших дней в первозданном ландшафте степных просторов и горных долин Евразии. В древней истории Сибири можно выделить три основные «волны» появления во времени различных по своему облику каменных изваяний, разделенные цивилизационными периодами по 1200 лет: в эпоху бронзы, в предскифский период («оленные» камни) и в тюркское время [Марсадалов, 2014].

Следует отметить близость по форме ряда высоких мегалитических стел эпохи бронзы из Англии и Сибири. На острове Мейнленд в Шотландии, в «Кольце Бродгара», имеющем форму круга диаметром около 104 м, высота отдельных стел достигала до 5 м (рис. 2.-3). Крупные стелы с разновременными рисунками в юго-восточном углу ограды имеют ряд курганов у поселка Сафроново в Хакасии, которые достигают в высоту около 6 м (рис. 2.-4).

Начиная с эпохи бронзы большинство каменных изваяний и ряд вертикально установленных плит имеют скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную грани; это связано с тем, что солнце восходит на востоке, а садится на западе (рис. 3.-4). Довольно часто каменные изваяния являются важной составной частью сложных ритуальных центров или комплексов, включающих различные выкладки из камня, петроглифы и большие сооружения с лучами – херексуры и др. [Кубарев, 1979; Марсадалов, 2007; 2010; Тишкин и др., 2015].

Традиция сооружения каменных изваяний не исчезла бесследно, а нашла продолжение и в более поздние времена – в монументальных и скульптурных памятниках героям, правителям и другим выдающимся деятелям разных исторических периодов.

Мегалитические курганы-храмы. В 1954–1956 гг. экспедиция С.В. Киселева раскопала Большой Салбыкский курган в центре Хакасии, являющийся самым крупным мегалитическим комплексом в Сибири. Для его сооружения частично использованы и огромные плиты из более древних святилищ. Астроархеологические исследования в Салбыке были проведены Саяно-Алтайской экспедицией с перерывами в 1992–2015 гг. [Марсадалов, 2010; 2015б].

Основная могила в Большом Салбыкском кургане смещена в западную половину объекта. Центр кургана, вероятно, продолжительное время оставался свободным, что позволяло проводить длительные астрономические наблюдения, а затем установить высокие вертикальные каменные стелы ограды в значимых точках, соответствующих астрономически важным дням (рис. 3.-2–3). Каменная ограда Большого Салбыкского кургана сооружена из 90 крупных, вертикально и горизонтально поставленных плит, вес которых достигал до 100 т (рис. 3 и 2.-2).

По монументальности каменной конструкции Большой Салбыкский курган в Хакасии может быть поставлен в один ряд со знаменитым Стоунхенджем в Англии, но по объему затраченного труда, вероятно, значительно его превосходит. А ведь в Салбыке находится еще 14 больших по размерам курганов с монументальными каменными оградями, а также десятки немного меньших курганов в окрестных долинах.

Салбык и Стоунхендж расположены на небольших возвышенностях посреди обширных равнин. На этих памятниках проводились длительные астрономические наблюдения и измерения, а огромные каменные плиты для их конструкций доставлялись издалека, из специальных каменоломен [Хокинс, Уайт, 1984; Марсадалов, 2010].

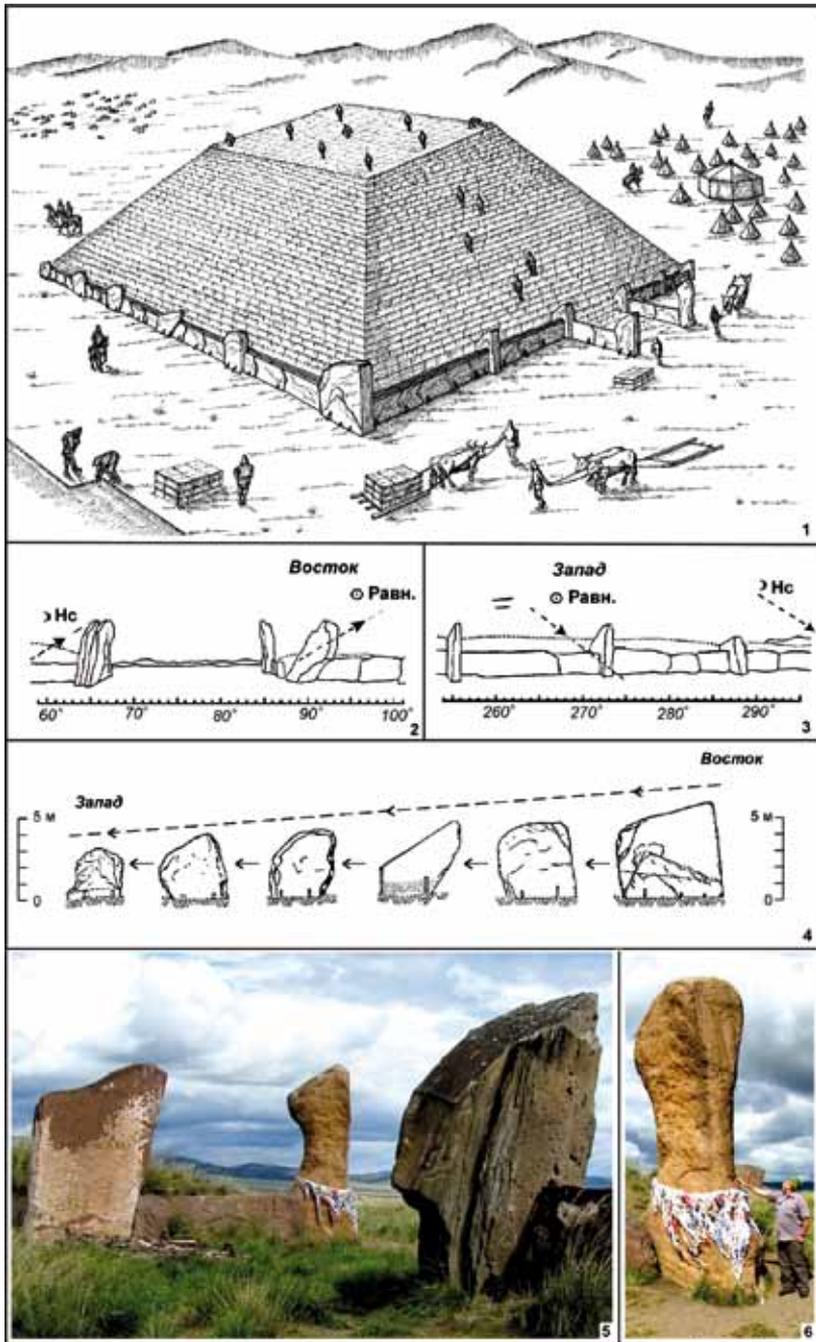

Рис. 3. Большой Салбыкский мегалитический курган-храм в Хакасии: 1 – реконструкция сооружения кургана в древности; 2–3 – восход и заход солнца в дни равноденствия и низкой северной луны (Нс); 4 – стелы-мегалиты южной стены кургана (высота плит уменьшается с востока на запад); 5–6 – стелы восточных «Врат» кургана; 6 – самая почитаемая стела, северо-восточный камень «Врат» (фотографии 2008 г.)

Зоо- и антропоморфные мегалиты. Сфинкс и пирамиды обычно ассоциируются с египетской цивилизацией (рис. 4.-1). До недавних пор никто и не предполагал, что похожие памятники могут находиться на Алтае. Селеутасский комплекс мегалитических объектов был открыт автором на Западном Алтае на рубеже нового тысячелетия, в 2000 г. [Марсадолов, 2007]. Памятники Алтая и Египта расположены в контактных регионах, на границе ряда природных зон и континентов. Гиза – на стыке Африки и Евразии, в пограничье Средиземного и Красного морей, плодородных почв Нила на севере и пустынь на юге. *Селеутас расположен в географическом центре Евразийского континента*, в пограничье лесов на севере; степей, гор и полупустынь на юге; в бассейне крупной и быстрой реки Иртыша [Марсадолов, 2008a]. Гранитный «сфинкс» из Селеутаса имеет высоту около 50 м, а длину – не менее 100 м. По размерам он почти в 2 раза больше египетского сфинкса, высота которого – 20 м, а длина – около 60 м.

Можно выявить своеобразный изобразительный «канон» при передаче образа сфинкса (рис. 4.-1–2). У обоих гигантских сфинксов головы высоко подняты и расположены почти под прямым углом по отношению к передней части туловища, с небольшим отклонением назад. Спина у них длинная, прямая, а лапы вытянуты вперед. Но есть и существенные семантические отличия. В Египте у сфинкса только одно лицо – «лицо человека-фараона», хотя пока не совсем ясен вопрос о том, когда у этого сфинкса появилось такое «лицо» с массивной, ныне отбитой «бородой», хранящейся в Британском музее. Селеутасский сфинкс имеет две головы – животного и человека (рис. 4.-2). Голова человека отделена узкой вертикальной плитой-перегородкой от головы и передней части животного. Полная фигура животного передана объемно (так называемая «круглая скульптура»), а человек показан в профиль («барельефно»), и дана только его верхняя часть. Возможно, это свидетельствует о большей древности сфинкса из Селеутаса по сравнению с египетским, так как животное и человек здесь еще строго разграничены, а не слиты воедино, как в Египте. Египетскому сфинксу дополнительно приданы доминирующие иерархические черты: образ господствующего над людьми фараона и образ «царя зверей» – льва.

Вероятно, к «зооморфным» типам древних мегалитических объектов относятся каменный «Заяц» из Селеутаса (рис. 4.-5) и «Рыба» на горе Очаровательной (рис. 4.-4) [Марсадолов, 1998; 2007]. На вершине горы Очаровательной на Западном Алтае в 1993 г. автором обнаружено древнее скальное святилище в виде «гигантской рыбы (или зверя)», выползающей из воды, с раскрытым «ртом-пастью» и даже выделенным «глазом»-выступом (рис. 4.-4). «Пасть зверя» высотой более 3 м широко раскрыта, с гладкими внутренними стенками. Внутри нее находится огромный камень размерами более 1 м. Возможно, он был специально поднят древними людьми на верхнюю площадку и служил своеобразным «алтарем – языком зверя». В передней части нижней плоскости «пасти» находится округлая неглубокая ямка-лунка искусственного происхождения. Вероятно, эта скала в виде головы зверя, птицы или рыбы являлась культовым центром древнего святилища. В день весеннего и осеннего равноденствия (22 марта и 22 сентября) солнце проходило через «пасть зверя», и после этого постепенно наступала темнота (рис. 4.-4). В устной, письменной и изобразительной традициях многих народов Евразии начиная с эпохи бронзы и до этнографической современности был широко распространен образ глотающего солнце зверя, рыбы или мифологического животного [Марсадолов, 1998].

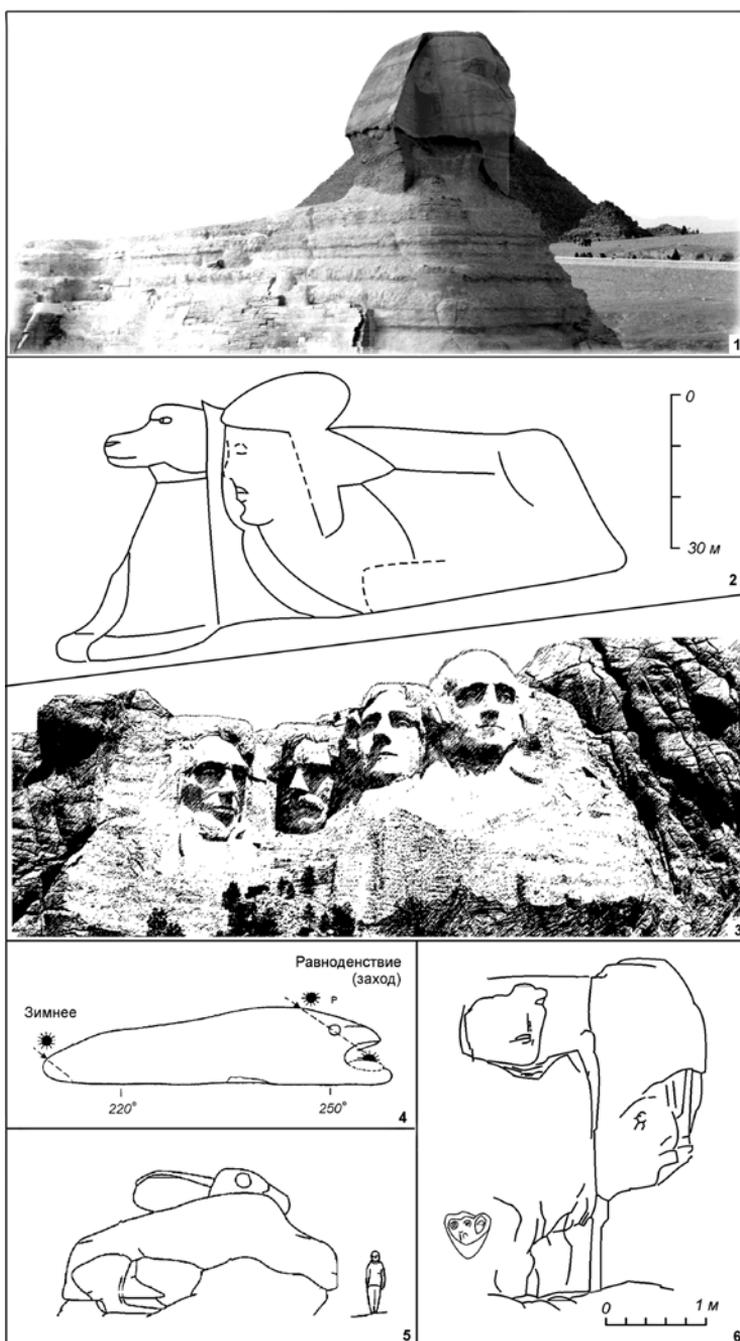

Рис. 4. Исполинские мегалиты антропо- и зооморфных форм: 1 – сфинкс из Египта; 2 – «сфинкс» из Селеутаса на Западном Алтае; 3 – скульптуры президентов на горе Рашмор в США; 4 – рыба-зверь на горе Очаровательной на Западном Алтае; 5 – каменный «Заяц» в Селеутасе; 6 – антропоморфные личины на скальном выходе в урочище Семисарт на Центральном Алтае

На горе Рашмор (США, Южная Дакота), в ее верхней гранитной части, 400 рабочих под руководством скульптора Гутзона Борглума всего за 14 лет (с 1927 по 1941 г.) высекли гигантский мегалитический горельеф высотой 18,6 м со скульптурными портретами четырех президентов США (см. рис. 4.-3). Не исключено, что на этой горе находились какие-то более древние антропоморфные изображения (их можно рассмотреть на некоторых фотографиях), так как ранее местные племена индейцев эту гору называли «Шесть праотцов».

Особого внимания заслуживают скальные выходы, имеющие антропоморфный облик. На Алтае в Семисарте с начала 1990-х гг., на Северо-Западе России (на островах Валаам, Немецкий Кузов и др.) известны скальные выходы и личины антропоморфных форм. Интересно отметить, что в Семисарте у одной из «личин в шлеме» в VIII–VII вв. до н.э. на месте «глаза» было выбито изображение горного козла (см. рис. 4.-6). Это место уникально еще и тем, что рядом находился пункт для астрономических наблюдений и оттуда спокойным голосом можно было подавать команды наблюдателям, находящимся на окружающих горах на расстоянии нескольких сот метров [Марсадалов, 2001; 2007].

Валуны-мегалиты. «Конь-камень» – одна из главных достопримечательностей на острове Коневец. Гранитный гигантский валун-мегалит имеет вес более 750 т, его размеры – 9 х 6 м, а высота – 5 м. Камень действительно похож на голову коня (рис. 5.-1). Некоторые паломники видят в камне разные образы. Писатель Н.С. Лесков в очерке «Монашеские острова на Ладожском озере» отметил, что камень напоминает «слона с балдахином» – с часовой наверху.

Следует подчеркнуть, что на острове Коневец в древности было спокойное место для выпаса коней и скота, которое постепенно переросло в поклонение гигантскому камню-валуну в форме коня. В конце XIV в. инок Арсений (Коневский) после прибытия на остров узнал об этом, помолился ночью, на следующее утро совершил у камня молебен Пресвятой Богородице, окрестил и очистил камень. Позднее он соорудил на камне христианскую часовню (рис. 5.-1), на горе построил храм и организовал монастырь, а также изгнал многих змей и ворон из острова [Берташ, 1993]. Христианский подвиг Пр. Арсения заключается в том, что он воплотил в жизнь на небольшом острове Коневец слова Иисуса Христа, сказанные Петру: «...и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (Мф., 16: 18).

«Конь-камень» по своей форме был похож на другой сакральный мегалит – «Гром-камень», использованный для постамента памятника основателю г. Санкт-Петербурга Петру I, медному всаднику на коне, давящем змея на камне. Близка по весу Конь-камню и воздвигнутая в центре Дворцовой площади «Александровская колонна», на вершине которой находится ангел с крестом, также попирающий змея.

Следует обратить внимание на семантическую связь коня и змеи, которую можно проиллюстрировать на вышеуказанных памятниках Коневца и Санкт-Петербурга, а также на других примерах, вплоть до «Песни о Вещем Олеге» А.С. Пушкина. Во время экспедиции на Алтай в 1970-е гг. местные кочевники рассказывали автору, что сплетенные из конских волос аркан или веревка, уложенные по кругу, охраняют человека в ночное время от змей, которые не могут ее переползти. Кони также часто давят змей во время движения. На памятнике Петру I всадник на коне, попирающий большого змея, символизирует победу над внешними и внутренними врагами.

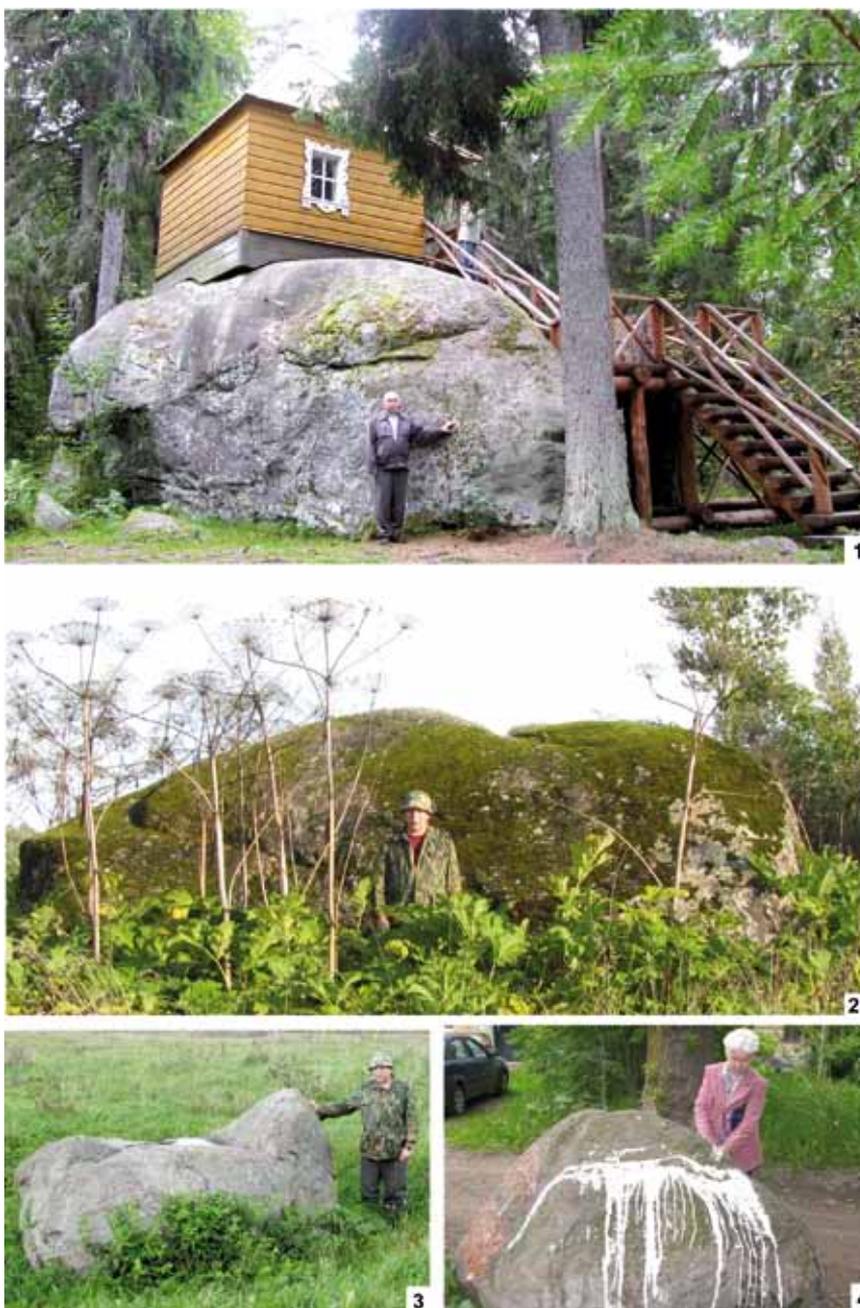

Рис. 5. Мегалитические объекты на Северо-Западе России: 1 – исполинский мегалит «Конь-камень» на острове Коневец (вес – 700 т) с православной часовней в верхней части; 2 – камень «Исполин» в дер. Конезерье, на берегу озера Верхнее Врево (вес – более 250 т); 3 – средняя по размерам мегалит, называемый камнем Параскевы Пятницы, Лужский район Ленинградской области; 4 – валун-мегалит, облитый белой краской, из пос. Сертолово в Ленинградской области

Древние «сады камней». Всем хорошо известны «сады камней» в Японии, гораздо меньше – в Китае, Корее, на Алтае в Семисарте [Марсаолов, 2001; 2004], а о том, что такие же, но, вероятно, значительно более ранние по времени объекты есть в Ленинградской области и в других районах, почти никто и не предполагает [Марсаолов, 2011].

«Сад камней» – это условное обозначение для разных по функции и времени объектов из камня. Священные в древности камни со временем стали предметом для философских и эстетических размышлений, а в современности часто являются обычным украшением для садов и дачных участков. «Сад камней» – это не только место для уединения и созерцания, но часто и сложный комплекс сакральных объектов, в которые заложена сумма мировоззренческих, философских, эстетических, метрологических, геометрических и астрономических знаний. В «садовый комплекс», как правило, входят не только камни, но и священные рощи, водоемы (ручьи, озера, реки) и другие объекты.

Скопления валунов на ряде памятников иногда представляются хаотичными и случайными, а основное внимание часто привлекают лишь наиболее крупные или особо почитаемые объекты. Например, у пос. Володарское в Лужском районе находится почитаемый подработанный валун-мegalит, называемый камнем Святой Параскевы Пятницы (см. рис. 5.-3). После утверждения христианской веры на нем была построена небольшая деревянная часовня, разрушенная в 1930-е гг. Вода из углубления в верхней части камня считается целебной и священной. Новейшие астроархеологические и метрологические исследования на этом памятнике указывают на факты связи крупных мегалитов с более мелкими камнями, ориентированными по отношению друг к другу и к сторонам света, отмечая линии значимых астрономических событий [Марсаолов, Горшков, Паранина, 2011].

Датировка мегалитических объектов

Датировать древние каменные объекты можно по наскальным рисункам, знакам, личинам, надписям, по технике обработки поверхности камня, следам орудий, а также по аналогиям с другими близкими по форме и назначению памятниками. Возраст ряда мегалитов может быть определен методами как гуманитарных (археологии, этнографии, истории, культурологии, семиотики и т.д.), так и естественных наук (по радиоуглероду, дендрохронологии, палеоастрономии, исторической географии, палеомагнетизму, геологии, спорово-пыльцевому анализу, изучению процесса нарастания лишайников, мхов и т.п.). По толщине дерна, плотности растительных лишайников можно датировать археологические и культовые объекты, являющиеся основой для исторических выводов и обобщений. Особое внимание следует уделить критическому анализу разных источников, отбору наиболее достоверных научных сведений.

Большой Салбыкский курган в Хакасии – один из самых надежно датированных мегалитических объектов в России. По данным дендрохронологии, ряду радиоуглеродных определений, по археологическим аналогиям этот мегалитический объект датирован с точностью до 50 лет и менее – 1-й половиной VII в. до н.э. [Марсаолов, 2015б], хотя некоторые каменные плиты для ограды этого кургана могли быть взяты из рядом расположенных сакральных комплексов эпохи бронзы [Марсаолов, 2010].

Мегалитические объекты Сибири и Северо-Запада России близки по многим критериям: археологическим, стилистическим, морфологическим, метрологическим, астрономическим, геодезическим и др. Основные региональные отличия заключаются в ландшафтных условиях их местонахождений, в том, что на Северо-Западе России преобладают крупные окатанные валуны из гранита, а в Сибири – большие подпрямоугольные плиты из песчаника; на Северо-Западе России преобладают размеры в длину, а в Сибири – в высоту (см. рис. 1–5).

Охрана мегалитических объектов

Перед нашим поколением стоит задача долговременного сохранения и изучения сакральных памятников культуры и религии, чтобы обеспечить возможность их дальнейшего комплексного исследования с привлечением специалистов разного профиля: археологов, географов, культурологов, священников, астрономов, медиков, геологов, геофизиков и других ученых.

В ряде городов Северо-Западной России на улицах и в парках имеются мегалитические объекты – в Санкт-Петербурге, Выборге, Манрепо, Сертолово, Мурманске, Старой Руссе и др. [Марсадолов, 2013а]. Но в Санкт-Петербурге и Старой Руссе при планировке и развитии города в большинстве случаев не смогли уберечь мегалиты от воздействия современной цивилизации – камни использовали для построек фундаментов, фортификации, закапывали в ямы, перемещали на новые места и т.п.

Ряд крупных мегалитов охраняется государством и церковью (см. рис. 5.-1), но, к сожалению, некоторые мегалиты пока находятся без должной охраны. В последнее время большие камни часто увозят для хозяйственных нужд, перемещают с разными целями, некоторые важные мегалиты испачканы краской, надписями и т.д. (см. рис. 5.-4), что связано с отсутствием широкой научной информации об этих малоизученных объектах.

На археологических и культовых памятниках необходимо следовать правилам уважительного отношения к почитаемым камням и объектам, не нарушать их положения на местности; надо стараться не расчищать их полностью от дерна, земли, лишайников и мха; не изменять состояние окружающего ландшафта, что поможет датировать древние объекты.

Следует помнить, что к древним памятникам будут постоянно обращаться все новые и новые исследователи разных поколений.

Заключение

Масштабные работы во многих регионах России постепенно позволяют заполнить «белые пятна» на картах древнего наследия народов Евразии. Со временем мегалитические комплексы, несомненно, будут интересны не только ученым и местным жителям, но и туристам из разных регионов, любителям древней истории. Комплексные экскурсии будут способствовать расширению познавательного и научного кругозора, формированию нового отношения к окружающей среде, памятникам нашего наследия.

Многие российские регионы являются перспективными для выявления культурных, астрономических и географических древних знаний, заключенных в мегалитических объектах, особенно в Сибири.

Объекты древнего мегалитического культурного наследия – гордость любого народа, страны, города и поселка. Эти памятники древних эпох должны изучаться и сохраняться как для ныне живущих, так и для последующих поколений.

Библиографический список

- Берташ А.В., Арсений, иеромонах. Шесть столетий Рождество-Богородичного Коневского монастыря. СПб. : Изд-во Подворья Коневского монастыря, 1993. 46 с.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
- Марсадолов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Кольвань) // *Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа*. СПб. : Эльбрус, 1998. Вып. 2. 18 с. + 29 рис.
- Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. *Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа*. СПб. : Копи Р, 2001. Вып. 2. 65 с. + 118 рис.
- Марсадолов Л.С. «Сад камней» и святилище в Семисарте // *Наследие. «Алтай сокровище культуры»*. СПб. : Типография «Иван Федоров», 2004. Вып. 4. С. 71–73.
- Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // *Теория и практика археологических исследований*. Вып. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 34–42.
- Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. *Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа*. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Вып. 5. 278 с.
- Марсадолов Л.С. Мегалиты Алтая: «сфинкс», «пирамиды» и плиты у горы Селеутас // *Общество – Среда – Развитие. Научно-теоретический журнал*. 2008а. №2 (7). С. 103–114.
- Марсадолов Л.С. Селеутасская мегалитическая цивилизация в центре Евразии // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии : сборник научных трудов*. Барнаул : Азбука, 2008б. С. 69–74.
- Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакасское изд-во, 2010. 128 с.
- Марсадолов Л.С. Древние «сады камней» в Лужском районе. 13.10.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://eco-sovet.lenobl.ru/?id=359>.
- Марсадолов Л.С. Сакральные и начальные научные знания древних кочевников Сибири в I тысячелетии до н.э. // *Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа*. СПб. : АО «Славия», 2012. С. 144–149.
- Марсадолов Л.С. Древние мегалиты на улицах современных городов // *X Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов*. Москва, 2–5 июля 2013 г. М. : Ин-т этнологии и антропологии, 2013а. С. 223.
- Марсадолов Л.С. Сакральный ландшафт в культуре древних кочевников Сибири (II–I тыс. до н.э.) // *Современная культурология: научная школа профессора Л.М. Мосоловой : учебное пособие для магистратов и аспирантов*. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013б. С. 481–493.
- Марсадолов Л.С. 1200-летняя периодичность появления «волн» каменных изваяний в Южной Сибири и современные проблемы их изучения // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии : сборник статей*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 68–75.
- Марсадолов Л.С. Методика комплексного изучения мегалитических объектов // *Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа*. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015а. Вып. 6. С. 146–149.
- Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // *Теория и практика археологических исследований*. 2015б. №1. С. 9–33.
- Марсадолов Л.С., Горшков В.Л., Паранина Г.Н. Палеоастрономическое ориентирование мегалитических объектов в Сибири и на Северо-Западе России // *Избранные проблемы астрономии : материалы III Всероссийской астрономической конференции «Небо и Земля»*, Иркутск, 22–24 ноября 2011 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 34–41.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.О., Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г. // *Теория и практика археологических исследований*. 2015. №2 (12). С. 69–92.
- Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М. : Мир, 1984. 256 с.

L.S. Marsadolov

SACRAL ARCHAEOLOGY AND CLASSIFICATION OF MEGALITHS

The regions of Siberia, Urals and the North-West of Russia, archaeologists until recently were not usually included in the area of distribution of megalithic cultures, although these regions are known for their megalithic monuments of different archaeological periods. Megalithic monuments are among the most sacred objects in archaeology.

Made of “eternal” material, the megaliths had different functions – religious, astronomical, funerary, residential, defensive, production and others.

For its size and volume the megaliths can be divided into 5 types: 1) the Nephilim – the most unique, the largest processed individual plates, boulders, rocks with a volume of 30 m³ and weighing more than 100 tons); 2) giants – rocks with the volume from 15 to 28 m³; 3) large – with volumes from 10 to 14 m³; 4) medium – 6 to 9 m³; 5) small – volumes 1 to 5 m³. Giant stones are unique and occupy a special position in every monument and in the surrounding sacral landscape.

Megaliths need not only protection but also study of the experts of different branches of science. A detailed study of the objects of megalithic heritage would provide a deeper understanding of the unity of the Eurasian geo-cultural space from ancient times to the present.

Key words: megaliths, classification, sakral, stone sculptures, Siberia, Northwest of Russia, Seleutas, Salbyk.

References

Bertash A.V., Arsenij, ieromonah. *Shest’ stoletij Rozhdestvo-Bogorodichnogo Konevskogo monastyra* [Arseny, Monk. Six Centuries of the Nativity of the Mother of God Konevsky Monastery]. SPb. : Izd-vo Podvor’ja Konevskogo monastyra, 1993. 46 p.

Kubarev V.D. *Drevnie izvjanija Altaja (Olennye kamni)* [Ancient Sculptures (Deer Stones)]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 120 s.

Marsadolov L.S. *Issledovanija na Zapadnom Altae (okolo poselka Kolyvan’)*. *Materialy Sajano-Altajskoj arheologicheskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha* [Studies in West Altai (near the Kolyvan village). Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of the State Hermitage]. SPb. : Izd-vo Jel’brus, 1998. Issue 2. 18 p. + 29 ill.

Marsadolov L.S. *Issledovanija na Zapadnom Altae (okolo poselka Kolyvan’)* [Studies in West Altai (near the Kolyvan village). *Materialy Sajano-Altajskoj arheologicheskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha* [Proceedings of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of the State Hermitage]. SPb. : Izd-vo Jel’brus, 1998. Issue 2. 18 p. + 29 ill.

Marsadolov L.S. *Kompleks pamjatnikov v Semisarte na Altae*. *Materialy Sajano-Altajskoj arheologicheskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha* [The Complex of Monuments in Semisarte in Altai. Materials of Sayano-Altai Archaeological Expedition of the State Hermitage]. Issue 4. SPb. : Izd-vo Kopi R, 2001. 65 p. + 118 ill.

Marsadolov L.S. “Sad kamney” i svyatilishche v Semisarte [“Rock Garden” and the Sanctuary in Semisarte]. *Nasledie. “Altaj sokrovishche kul’tury”* [Heritage. “Altai Cultural Treasure”]. SPb. : Tipografiya “Ivan Fedorov”, 2004. Issue 4. Pp. 71–73.

Marsadolov L.S. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh svyatilishch Sayano-Altaya* [The Report on the Study of Ancient Temples in Altai in 2003–2005. Materials of Sayano-Altai Archaeological expedition of the State Hermitage]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [The Theory and Practice of Archaeological Research]. SPb. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. Issue 5. 278 p.

Marsadolov L.S. *Megality Altaya: “sfinks”, “piramidy” i plity u gory Seleutas* [Megaliths of Altai: “Sphinx”, “Pyramids” and the the Plates at the Mount Seleutas]. *Obshchestvo – Sreda – Razvitie. Nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Society – Environment – Development. Scientific Theoretic Journal]. 2008a. №2 (7). Pp. 103–114.

Marsadolov L.S. *Seleutasskaya megaliticheskaya tsivilizatsiya v tsentre Evrazii* [Seleutasskaya Megalithic Civilization in the Heart of Eurasia]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral’noy Azii* : sbornik nauchnykh trudov [Ancient and Medieval Nomads of Central Asia: a Collection of Scientific Papers]. Barnaul : Azbuka, 2008b. Pp. 69–74.

Marsadolov L.S. Bol'shoy Salbykский kurgan v Khakasii [Large Salbykский Mound in Khakassia]. Abakan : Khakasskoe izd-vo, 2010. 128 p.

Marsadolov L.S. Drevnie "sady kamney" v Luzhskom rayone [The Ancient "Rock Gardens" in the Luga Area]. 13.10.2011 [Electronic Resource]. URL: <http://eco-sovet.lenobl.ru/?id=359>.

Marsadolov L.S. Sakral'nye i nachal'nye nauchnye znaniya drevnikh kochevnikov Sibiri v I tysyacheletii do n.e. [The Sacred and the Initial Scientific Knowledge of Ancient Nomads of Siberia in the I Millennium BC]. Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Katalog vystavki iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Nomads of Eurasia on the Way to the Empire. Catalog of the Exhibition from the Collection of the State Hermitage]. SPb. : AO "Slaviya", 2012. Pp. 144–149.

Marsadolov L.S. Drevnie megality na ulitsakh sovremennykh gorodov [The Ancient Megaliths in the Streets of Modern Cities]. X Kongress etnografov i antropologov Rossii : tezisy dokladov. Moskva, 2–5 iyulya 2013 g. [X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Theses. Moscow, 2–5 July 2013]. M. : Izd-vo IEA RAN, 2013a. 223 p.

Marsadolov L.S. Sakral'nyy landschaft v kul'ture drevnikh kochevnikov Sibiri (II–I tys. do n.e.) [The Sacred Landscape in the Culture of Ancient Nomads of Siberia (2nd–1st millennium BC)]. Sovremennaya kul'turologiya: nauchnaya shkola professora L.M. Mosolovoy : uchebnoe posobie dlya magistratov i aspirantov [Contemporary Cultural Studies: Scientific School of Professor L.M. Mosolov: a Textbook for Graduate Students]. SPb. : Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013b. Pp. 481–493.

Marsadolov L.S. 1200-letnyaya periodichnost' poyavleniya "voln" kamennykh izvayaniy v Yuzhnoy Sibiri i sovremennyye problemy ikh izucheniya [1200–Year Periodicity of the Appearance of the "Waves" of Stone Statues in South Siberia and the Modern Problems of Their Studying]. Drevnie i srednevekovyye izvayaniya Tsentral'noy Azii : sbornik statey [Ancient and Medieval Sculptures in Central Asia: a Collection of Articles]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 68–75.

Marsadolov L.S. Metodika kompleksnogo izucheniya megaliticheskikh ob'ektov [Methods of Complex Study of Megalithic Objects]. Otchet ob issledovanii Bol'shogo Salbykского kurgana i ego okruzheniya. Materialy Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha [The Report on the Research of the Big Salbykский Mound and Its Surroundings. Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of the State Hermitage]. SPb. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2015a. Issue 6. Pp. 146–149.

Marsadolov L.S. Salbykский kul'turno-khronologicheskii etap v istorii drevney Khakasii [Salbykский Cultural and Chronological Stage in the History of Ancient Khakassia]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015b. №1. Pp. 9–33.

Marsadolov L.S., Gorshkov V.L., Paranina G.N. Paleoastronomicheskoe orientirovanie megaliticheskikh ob'ektov v Sibiri i na severo-zapade Rossii [Paleoastronomical Orientation of Megalithic Sites in Siberia and in the North-West of Russia]. Izbrannyye problemy astronomii : materialy III Vserossiyskoy astronomicheskoy konferentsii "Nebo i Zemlya", Irkutsk, 22–24 noyabrya 2011 g. [Selected Problems of Astronomy: Materials of the III All-Russian Astronomical Conference "Sky and Earth", Irkutsk, 22–24 November 2011. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2011. Pp. 34–41.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N., Mukhareva A.N., Iderkhangay T.O., Munkhbayar Ch. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Zapadnoy i Tsentral'noy Mongolii v 2014 g. [The Results of Archaeological Research in West and Central Mongolia in 2014]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]. 2015. №2 (12). Pp. 69–72.

Khokins Dzh., Uayt Dzh. Razgadka tayny Stounkhendzha [The Key to the Mystery of Stonehenge]. M. : Mir, 1984. 256 p.

РЕДКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (заметки о хазарско-венгерском искусстве)

Рассматриваются уникальные находки эпохи Хазарского каганата (IX – начало X в. н.э.). Это круглая накладка с изображением всадника (охотника), на левой руке которого показан ястреб. Сравнение с другими изображениями всадников на серебряных чашах и блюдах, датированных IX–X вв., показало, что данный рисунок выполнен венгерским художником в IX в. Можно предположить, что на накладке изображен реальный человек, а не условный персонаж. Детали одежды и снаряжения коня имеют абсолютные археологические соответствия. Всадники изображены еще на нескольких изделиях. Это наклейки на сумочку, изготовленные хазарским ремесленником. На одной из них имеется изображение фантастического всадника. Конные охотники показаны на уникальном серебряном сосуде X в. Сюжет очень близок рисунку на накладке с всадником, но изображения на сосуде очень реалистичны. При этом отличаются даже детали конского снаряжения. Этот сосуд из Хазарии, возможно, изготовлен ювелиром из Согда в конце IX – 1-й половине X в. Учитывая другие находки, которые можно связать с Хазарией, например костяные наклейки с изображением дракона из Шиловского кургана, можно предположить, что часть художественных изделий Хазарского каганата были изготовлены ювелирами Согда.

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, хазары, Хазария, Хазарский каганат, Урал, Волга, средневековое искусство.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-05

Тема угорских древностей, занимавшая научный мир в последней трети XX в. [Руденко, 2014, с. 514–518] и ставшая предметом достаточно острых дискуссий в археологии Урало-Поволжья [Пастушенко, 2011, с. 144–150], к концу первого десятилетия XXI в. постепенно перешла в фазу «позиционной войны», поскольку как сторонники, так и противники «глобального угорского мира» Сибири и Поволжья в древности и средневековье, по сути, исчерпали аргументы и непоколебимо остаются на своих позициях. Привлечение новых данных, способных вдохнуть новую жизнь в эту проблему, происходит очень медленно и касается некоторых отдельно взятых сторон [Руденко, 2013, с. 58–74]. Тем не менее тезис о продвижении угорских племен в VIII–IX вв. из Предуралья на запад не вызывает сомнений, поскольку является фактом историческим, имеющим веские документальные основания, в том числе и археологические. В отношении последних можно констатировать, что прослежены явные параллели в материальной культуре венгров в Паннонии эпохи «Обретения Родины» и археологических памятников Волго-Камья и Башкирского Предуралья VIII–IX вв., там, где некоторые исследователи локализовали так называемую «Великую Венгрию», упоминаемую в письменных источниках XIII в., хотя в X в. осведомленные авторы, писавшие об истории мадьяр [Багрянородный, 1989, с. 159], ее не отмечали.

Существенным вкладом в изучение древностей этого «переходного периода», когда мадьярские племена двигались на запад, стали исследования Н.В. Федоровой и публикация ею новых материалов, хранящихся в музеях Западной Сибири [Сокровища..., 2003]. В числе редких артефактов средневековой эпохи, известных в настоящее время, являются находки изделий «венгерского круга», датированных преимущественно IX в. и связываемых с территорией Предуралья и Южного Урала. Правда, ареал их распространения шире – их находят в Прикамье, на Урале и Западной Сибири (При-

объе). К такого рода изделиям стоит отнести несколько уникальных изделий. Первое из них – орнаментированная накладка диаметром 12 и высотой 0,8 см, выполненная из серебра с позолотой (рис. 1), из собрания Фонда Марджани (Москва) (ФМ, инв. №Им/м-397). Точное место находки ее, к сожалению, не известно. Накладка выполнена из тонкого листа металла, имеет полусферическую форму с небольшим бортиком по краю. На бортике и по краям выпуклой поверхности пробиты сквозные отверстия: три – в верхней части и одно – в нижней, самое крупное из которых – около 2 мм. Все орнаментальное поле накладки занимает изображение всадника на позолоченном фоне, обработанном канфарником. Судя по обратной стороне изделия (рис. 2), его заготовка при нанесении рисунка была помещена на какую-то мягкую основу – наковальню, приспособленную для чеканки.

Рис. 1. Полусферическая накладка с изображением всадника. Предуралье (?), IX в.
Серебро, выколотка, чеканка, позолота (по: [Путешествие..., 2016, №254])

Изображенный на накладке наездник сидит в седле (виден край задней луки), под который подложен потник с вышитым (?) краем (рис. 3). Его ноги упираются в стремя арочной формы (заметен ремень путилища), с прямой подножкой и с прорезью для ремня, скорее, в верхней части арки. Стремента такого типа достаточно широко распространены на памятниках IX–X вв., например в Бекешевских курганах на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31.-23].

Рис. 2. Полусферическая накладка с изображением всадника. Обратная сторона

Рис. 3. Полусферическая накладка с изображением всадника.
Деталь. Нижняя часть накладки

Лошадь (см. рис. 1) имеет маленькую голову, явно непропорциональную в соотношении с туловищем животного. Холка высокая, спина седлистая мягкая, живот поджарый. По внешнему виду лошадь может быть отнесена к степным породам, например к башкирской [Ливанова Т., Ливанова М., 2006, с. 39]. Глаза ее изображены в виде «капельки» без зрачка. В целом облик лошади несколько гиперболизирован, и отражает, вероятно, какие-то мистические особенности животного в представлении мастера и заказчика, что подтверждает и условная линия – «хорда» в нижней части рисунка лошади.

Лошадь как бы только начинает движение, переходя от шага к рыси и двигаясь в левую сторону от зрителя. Грива ее аккуратно расчесана; хвост также расчесан, вероятно, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом. По шее и брюху лошади художник изобразил узкую заштрихованную полоску – «хорду». Такой элемент встречен на изображениях фантастических львов на серебряной накладке на поясную сумочку из ритуального комплекса №19 древнемарийского Веселовского могильника. Погребение может быть датировано по инвентарю X в. [Никитина, 2012, с. 19, 63, 159, рис. 53.-1]. Узкая заштрихованная полоска имеется также на одном из изображений львов на блюде XI в. (?) из Салехардского музея, точнее, на большом льве. Это блюдо атрибутировано как болгарское [Сокровища, 2003, с. 60–61, кат. №24].

На шее животного имеются процарапанные геометрические фигуры: неправильной формы окружности, треугольники и прочее; какой-то системы в их расположении нет. Аналогичные рисунки имеются на колене, бедре и ягодице коня. Две более крупные окружности – на крупе, правую из которых пересекает прямая линия, завершающаяся треугольником острием вниз (стрела?). Нижняя часть линии упирается в ремень (см. рис. 1).

Ремни оголовья лошади не изображены, но показаны изогнутые S-видные псалии с окончаниями в виде «сапожков». Удилам с такими псалиями имеются археологические аналоги, например железные удила из катакомбных погребений-106 и 115 Дмитриевского могильника IX в. [Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38, №106, 115]. В катакомбе-106 были также обнаружены стремяна, а в тайнике – позолоченный сбруйный набор [Плетнева, 1989, с. 230]. Практически аналогичные псалии встречены в Хусаиновских и Каранаевских курганах IX–X вв. на Южном Урале, а также в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане (погребение-12) [Мажитов, 1981, с. 44, 106, рис. 22.-9; 57.-14; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 108, taf. X.-25].

Художником детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. На них показаны прикрепленные подвески сердцевидной формы: четыре – на одном ремне и три – на другом. Форма подвесок фигурная, что отличает их от подвесок, которые встречаются на других поделках этого времени с изображением всадника. Там они обычно круглой формы или листовидной, что имеет археологические аналогии [Плетнева, 1989, с. 86, 87, рис. 41, 42, катакомба-106 Дмитриевского могильника]. Датируются эти археологические аналогии 2-й половиной IX – первыми годами X в. [Плетнева, 1989, с. 172]. В целом данный элемент часто встречается как украшение конского снаряжения Западной Хазарии – в низовьях Дона и Северского Донца (Дмитриевский и Верхнесалтовский могильники) [Аксенов, 2005, с. 258, рис. 8.-3]. В большей степени эти материалы датируются IX в. Данный элемент очень примечателен, поскольку присутствует не на всех изображениях всадников, как, например, на центральном медальоне блюда из собрания Ямало-Ненецкого окружного музей-

но-выставочного комплекса им. И.С. Шишмановского (г. Салехард), датированного IX в. [Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22]. Однако отметим, что, как правило, в салтовских материалах присутствует еще и начельник, который ни разу не изображался на рассматриваемых изделиях.

На приводимом изображении портупейные ремни, пояс на всаднике и ремни конского снаряжения украшены накладками прямоугольной формы. Такие поясные накладки известны из раскопок погребения-3 кургана №2 Бекешевского I могильника [Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31.-26]. Они показаны в виде прямоугольных пластин с округлым краем с продольным штрихом посередине. Аналогичный мотив имеется на круглой позолоченной пластине из впускного детского захоронения (погребение-32) кургана №3 Каранаевских курганов, а также, как и в данном случае, на нагрудном и подхвостном ремнях на лошади на упоминавшемся выше блюде из Салехардского музея [Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25; Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22]. Впрочем, эти же декоративные элементы используются при передаче перьев на хвосте птицы.

Такой художественный прием сохранялся достаточно долго уже в качестве художественной традиции. Например, он использовался при изображении человека-птицы на серебряной чаше из Большого Аникова с арабской надписью (рис. 5), которая Б.И. Маршаком отнесена к торевтике Мавераннахра IX–X в. [Шедевры..., 1990, с. 12, кат. №11; Даркевич, 1976, с. 29, табл. 29, кат. №42]. Истоки этого мотива можно соотнести с лепестковым орнаментом на фергано-семиреченской группе серебряных сосудов (по В.П. Даркевичу), появившемся там во 2-й половине VIII в. вместе с орнаментальным мотивом – три кружка на коротком стебельке [Даркевич, 1976, с. 87, рис. 11.-1–5], изображенные на крыле птицы и на тушке зайца. Скорее всего, данный мотив содержит некое условное содержание, хотя наличие реальных накладок как его прототипа допустимо (например, прямоугольные накладки с ребром посередине, с окончанием «ласточкин хвост» и острием в виде широкого треугольника из погребения-9 Больше-Тиганского могильника [Chalikova, Chalikov, 1981, s. 106, taf. VIII.-10]).

Всадник на рассматриваемой накладке показан в фас – широкие плечи развернуты к зрителю, а голова чуть повернута влево, куда направлен взгляд: вперед – налево. На чуть согнутой левой руке на специальной перчатке сидит хищная птица. Правая рука согнута в локте, кисть сжата в кулак на уровне лица. В кулаке зажаты поводья (рис. 4). Этот жест (захват поводьев) встречен также и на ряде других изображений всадников на чашах и блюдах «венгерского круга».

Голова всадника (см. рис. 1 и 4) непропорционально большая – составляет 1 : 2,5 по отношению к туловищу. Лицо крупное широкое, с большими узкими изогнутыми дугой бровями, аккуратным острым носом, большими открытыми глазами с круглыми зрачками и небольшим приоткрытым ртом (видны зубы). Уши маленькие. Бородка всадника аккуратно подстрижена, усов нет, подбородок и щеки тщательно выбриты, оставлены только бакенбарды. Волосы зачесаны назад и большей частью скрыты под головным убором в виде низкой цилиндрической шапочки, сшитой из меховых (?) полосок (ткань и кожу художник изображал гладкой поверхностью; ткань с орнаментом отмечал гравированными линиями; перья – чешуйками, волосы – вертикальными прямыми линиями, а мех – скорее всего, вертикальными линиями и мелкими волнами-чешуйками между ними). По антропологическому типу данное изображение похоже на лицо всадника с блюда Салехардского музея [Сокровища..., 2003, с. 57, кат. №22] (рис. 6).

Рис. 4. Полусферическая накладка с изображением всадника.
Деталь. Верхняя часть накладки

На лице изображенного всадника заметны процарапанные острым предметом миниатюрные окружности, треугольники и трапеции (рис. 4). Линии неровные, угловатые, иногда прерывистые. Расположены они по кругу: треугольник и трапеция – снизу от глаз; окружности – вокруг рта (три на щеках и одна на подбородке, и еще одна на крыле носа). Такие рисунки, правда, в разных вариантах, чаще всего более сложных и разнообразных, характерны для древнего населения Зауралья [Федорова, 2014, с. 90–99].

Всадник одет в верхний распашной длиннополый кафтан, узкий, приталенный, с глубоким «левым» запахом (правая полá перекрывает левую) (см. рис. 1). Кафтан в верхней части плотно облегает тело всадника, воротника нет, при этом показаны два отворота: верхние углы бортов центрального разреза отогнуты наружу (см. рис.см. 4). Отвороты у кафтана разные: правый – треугольный остроугольный, левый – также треугольный, но с небольшим выступом, вероятно, для застегивания. Не очень ясно, как застегивался кафтан в верхней части: петель и пуговиц не видно, но, учитывая глубокий разрез, это могли быть воздушные петли по краю и небольшие кожаные пуговицы. Рукава кафтана узкие, плотно облегающие предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья перчатка. Нижняя половина кафтана не застегивалась, имела свободный запах и была, вероятно, немного расклешена. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнаментом.

Поверхность халата покрыта линиями, как будто складками. Можно предположить, что этот декор верхнего кафтана – его шелковая отделка. Чаще всего, как показывают материалы Мощевой балки, шелк нашивался на полотняную основу кафтана и обшивался кайма́ми, тоже из шелка [Иерусалимская, 2012, с. 215, ил. 132а], в данном случае по подолу. На значимость конструкции верхнего кафтана обратила внимание А.А. Иерусалимская. По ее мнению, «левый» запах и два отворота воротника тесно связаны с Ираном и Средней Азией, в том числе Согдом, и имеют эфталитскую традицию [Иерусалимская, 2012, с. 222, 240]. На подоле заметно несколько процарапанных ромбиков.

Рис. 5. Чаша. Серебро. Малое Аниково. Мавераннахр.
IX–X вв. (по: [Даркевич, 1976, табл. 29])

Нижняя одежда – скорее всего, рубаха с небольшим стоячим воротником, который мог быть сделан из кожи. Кафтан перехвачен поясом, к которому подвешена сабля в ножнах. На ногах – остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой, на голенище сбоку показана волнообразная линия. Остроносые сапожки, сшитые из одного куска кожи, встречены в могильнике Мощевая Балка VIII–IX вв. [Иерусалимская, 2012, с. 232–233].

Костюм всадника (за исключением головного убора) похож на изображение одежды наездника на Салехардском блюде (рис. 6). Но здесь кафтан двубортный, с «правым» запáхом, но в остальном крой аналогичный: узкие рукава, перчатка на правой руке (на рисунке на рассматриваемой накладке – на левой).

Рис. 6. Центральный медальон блюда с изображением всадника.
Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского
Ямало-Ненецкого автономного округа. Серебро, IX в. (по: [Сокровища ..., 2003, №22])

Из экипировки всадника изображена только сабля в ножнах (см. рис. 3). У рукояти сабли имеется грибовидный набалдашник, ладьевидная крестовина с шишковидными окончаниями. Клинок слабоизогнутый, что характерно для сабель «хазарского» или «венгерского» типов. Почти идентичный аналог имеется в погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника, а также в погребении-52 могильника Мыдлань Шайв

Удмуртии, которое по инвентарю может быть датировано IX в. [Генинг, 1962, с. 29, табл. XIII.-5; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 116, 121, taf. XVIII.-8; XXIII.-22]. Крестовина сабли с шаровидными окончаниями встречена на саблях из трупосожжений IX в. могильника Дюрсо, а также в Больше-Тиганском могильнике в погребениях-6, 8, 9, 12, 28, 33 [Дмитриев, 2003, с. 257, табл. 90.-29, 33, 47; Chalikova, Chalikov, 1981, s. 103, 105, 106, 108, 121, 124, taf. V.-21; VII.-20; VIII.-7; X.-28; XXIII.-22; XXVI.-11]. Грибовидные набалдашники встречаются у палашей в салтовских могильниках 2-й половины VIII – IX в. [Кочевники, 2012, с. 210, кат. №567]. Аналогичное оформление имеется у сабель «венгерского типа» в Паннонии и Балканах начала X в. [Iotov, 2008, с. 330, 331, fig. 2; 3–8]. Ножны с арочными скобами-петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, оформленной в виде «ласточкина хвоста». Практически такие ножны имеются в уже упоминаемых погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника.

На левой руке наездника сидит большая хищная птица (см. рис. 4). Скорее всего, это ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis L.*) – самый крупный представитель рода ястребов, вес которых достигает килограмма и более. Крылья изображенной птицы короткие, но хвост длинный. Использовались большие ястребы чаще всего в промысловой охоте. Образ птицы дополнен художественно-декоративными деталями: на крыле показан изящный завиток, завершающийся тремя кружочками, смыкающийся с узкой декоративной ленточкой, пересекающей крыло сверху вниз и заполненной мелкими кружочками. Однако в деталях изображение весьма реалистично. Аналогичное положение птицы на Салехардском блюде, причем по внешним признакам (кроме оформления оперенья) она также относится к ястребиным (см. рис. 6).

Под брюхом лошади, у передней правой ноги, изображен бегущий заяц, с коротким хвостом и длинными ушами. У груди коня и у спины птицы имеются рисунки пальметт.

Самые близкие аналогии в археологических материалах деталям данного изображения обнаруживаются в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане, основная масса захоронений в котором относятся ко 2-й половине IX – началу – 1-й трети X в. [Казанов, 1992, с. 76, 77]. Сюжет, элементы оформления и иконография обнаруживают связь с изделиями так называемого урало-венгерского круга, в частности с изображениями на двух блюдах с изображением всадника из находок на полуострове Ямал [Сокровища, 2003, с. 53, 56, кат. №19, 21] (рис. 7 и 8). Датированы они IX–X вв. Имеются близкие по деталям изображения серебряные сосуды IX–X вв. из собрания Эрмитажа, например, утемильское блюдо [Смирнов, 1909, табл., LXXXVII.-№157; Артамонов, 1962, с. 261].

Датировка рассматриваемой накладки вполне очевидна и устанавливается по аналогиям с археологическими материалами. Это прежде всего форма псалий, оформление сабли и ножен. Исходя из этого, время создания данной композиции можно определить 2-й половиной IX – 1-й третью X в. Не противоречит этому мотив из линии с тремя точками, как и пальметты, изображенные по краям бляхи. Они встречаются на согдийской серебряной посуде IX в. школы «В», по Б.И. Маршаку [1971, с. 42–44]. При этом стоит отметить, что общая композиция «всадник с птицей и бегущими рядом животными» имеет широчайшее распространение и не связана напрямую с какой-то этнической и даже культурной средой. Для IX–XI вв. можно выделить несколько ареалов бытования этого сюжета: юг Европы; Средняя Азия и Иран; Прикавказье, Венгрия и Предкавказье.

Рис. 7. Блюдо с изображением всадника. Серебро, IX–X вв. Фрагмент. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского Ямало-Ненецкого автономного округа (по: [Сокровища..., 2003, №19])

Рис. 8. Блюдо с изображением всадника в доспехах. Серебро, IX в. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского Ямало-Ненецкого автономного округа (по: [Сокровища..., 2003, №21])

Вместе с тем необходимо подчеркнуть и безусловную оригинальность рисунка на накладке. Это особенно хорошо видно в сравнении с изделиями хазарских мастеров с изображениями всадников (рис. 10 и 11). Они изготовлены в то же время, что и рассматриваемая накладка, и в пределах одного государства. Трактовка фигур всадников здесь совершенно иная: они более статичны, пропорции соблюдены, да и в целом изображения выглядят более реалистичными. Трудно судить, насколько соответствует антропологический тип всадника реальным хазарам, но точно можно сказать, что он не аналогичен изображениям на нашей накладке. Однако ряд мелких деталей совпадают достаточно точно – это стремяна и удила (рис. 10). Причем удила на одном из хазарских изображений имеют иную конструкцию, чем у нашего всадника: у них стержневидные псалии (рис. 11).

В целом эти рисунки по своим деталям близки изображениям на костяных декоративных пластинах VII в. н.э. из Шиловского кургана на Средней Волге [Путешествие, 2016, с. 242–245, №172]. Несмотря на разницу во времени изготовления и в периоде бытования, совпадения весьма интересны и значимы. Это касается, например, завязанных узлом хвостов коней, изображений зайцев, копий с флажками и т.п. Об этих пластинах написано достаточно много, и мнения о месте их производства весьма разнообразны. Учитывая географию таких находок VII в. н.э. – Поволжье и Предкавказье, вполне реально заметить в них творение согдийского мастера, выполненное для заказчика из хазарской элиты. Это в какой-то мере подсказывает и возможные истоки художественных сюжетов и образов, а также их трактовки на накладке со всадником, ставшей объектом нашего внимания.

Оригинальность хазарского искусства демонстрирует симбиоз разных художественных направлений внутри обширного государства, хотя собственно хазарские образы далеки от того, что демонстрируют элитные предметы, наподобие отмеченных нами выше. Однако и в более простых «демократичных» изделиях можно найти некоторые элементы сходства с накладкой со всадником. Речь идет о серебряных с позолотой накладках на поясную сумочку, небольшого размера (11,5–12,2 x 7–9,1 см), с железной подложкой (рис. 12–14). Сумочки с подобными накладками встречаются достаточно широко на памятниках IX – начала XI в. в Прикамье, в меньшем количестве и в ином конструктивном решении – на Средней Волге (у болгар), в оригинальных формах – в древнемарийских могильниках, в основном в Поволжье, и в массовом порядке – в Паннонии в мадьярских могильниках IX–X вв.

Одна из таких накладок (рис. 12) особенно интересна в контексте изучения нашего изделия. На ней на двух половинках изобразительного поля нанесены рисунки, покрытые позолотой: слева сверху – всадник с копьем на коне, под ним – крупное животное, похожее на большую дикую кошку (гепард или леопард), внизу под ним – еще какое-то существо. Справа сверху изображена фигура в виде трилистника, которую двумя руками поддерживает или подбрасывает антропоморфное существо, балансирующее на голове фантастического животного. Сцены демонстрации физической доблести и силы вообще характерны для хазарского искусства. Их, например, можно видеть в одном из медальонов на упомянутом выше серебряном сосуде (см. рис. 9). Очевидно, что рисунок на пластине отражает какой-то мифологический или космологический сюжет.

Рис. 9. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в. Хазария.
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №190])

Рис. 10. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в.
Хазария. Деталь. Изображение «сокольничего»

Рис. 11. Сосуд с изображениями. Серебро. IX–X в.
Хазария. Деталь. Стреляющий охотник

Рисунки на пластине, несмотря на узнаваемые образы, достаточно необычны. Так, если взять фигуру всадника, то обнаружим, что самой реалистичной частью этого изображения является лошадь, точнее, ее экипировка: можно различить поводья, подпругу, попону и т.д. В принципе и сама лошадь вполне соответствует виду этого животного, кроме огромных ушей, отсутствия гривы и неестественных конечностей. На спине лошади сидит без седла антропоморфное существо. На нем – плотно обтягивающая тело одежда и остроносые сапоги с коротким голенищем. У существа имеется большой колчан с выступающими из него наконечниками стрел, имеющий точные аналоги в археологических материалах [Плетнева, 1967, с. 159, рис. 43.-18]. Однако, как ни странно, колчан изображен как бы прозрачным: контур его пересекает фигуру наездника, не заслоняя ее. Тем не менее на колчане заметен орнамент в виде кружочков, идущих сверху вниз. При этом лука, как и другого вооружения, у всадника нет. Еще большей странностью отличается голова наездника – маленькая, похожая на птичью, с одним круглым глазом и небольшим хохолком сверху. Плечи «призрачного всадника» развернуты в фас (голова – в профиль).

Правая рука, судя по ее положению, должна была бы удерживать повод, однако последний свободно провисает и, более того, перекинут через шею всадника и свешивается вниз. Этой рукой он как бы ловит упущенный повод широко раскрытой ладонью,

при этом можно различить даже пальцы кисти. Левая рука поднята и согнута в локте. Она как бы придерживает (или отталкивает, или поднимает – трактовок этого положения руки может быть много) некий сигарообразный предмет с коническим окончанием, ограниченным узкой штрихованной полоской от основной части, украшенной мелкими кружочками. Вполне вероятно, что это копье гипертрофированных размеров с развевающимся флажком (бунчуком) у наконечника. На эту трактовку наводят изображения раннесредневековых воинов, например, на Сулекской писанице [Артамонов, 1962, с. 210]. Вместе с тем можно этот элемент трактовать и как змееподобное существо, которое атакует всадника. Длинное туловище и голова ромбической формы не противоречат этой версии. Атака эта могла быть внезапной, поскольку создается впечатление, что всадник пытается «пришпорить» коня (хотя при этом совершенно не помогает себе поводьями), чтобы уйти от агрессивного противника.

Рис. 12. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №253])

Интересно сравнить это изображение с другим антропоморфным персонажем на правой половине пластины. Человеческая сущность его более понятна: голова и туловище вполне соответствуют параметрам человека. Схематичное, но все же лицо с вы-

ступающим носом, без сомнения, принадлежит человеку. При этом можно различить на голове этого персонажа развевающиеся косички, а на макушке – шапочку. Более того, имеются точные аналогии такой трактовке человеческой головы – на сулекских рисунках и изображениях на меловых блоках с Маяцкого городища [Артамонов, 1962, с. 210; Плетнева, 2000, рис. 39]. Левая рука, воздетая вверх, показана с раскрытой ладонью, а правая вообще без кисти. Фигура антропоморфа одета в кафтан поверх нижней рубахи, заправленной в штаны. У кафтана короткие рукава, имеется воротник (?); подол длиной до середины бедер. В талии кафтан перехвачен широким поясом, судя по его ширине, из ткани. Ноги в штанах широко расставлены; нижняя часть штанов заправлена в сапоги с длинными узкими носами и голенищем до колен. При этом положение ног по отношению к туловищу выглядит неестественно: они развернуты в одну сторону, а корпус туловища – в другую.

Фигура леопарда (или гепарда) передана очень динамично и художественно. Туловище грациозно изогнуто: спина выгнута, хвост поднят вверх, голова повернута назад. Пропорционально и в анатомическом соответствии показаны круглые ушки зверя, усы, широкий нос. Декоративные кружочки создают впечатление естественной пятнистой шкуры. Диссонируют с этим «реализмом» узкие заштрихованные полоски на туловище, шее и ногах существа. Еще большей оригинальностью обладает и расположенное напротив рассмотренного леопарда странное существо, напоминающее большую собаку или карликовую лошадь (судя по гриве) с огромной лохматой головой. При этом голова и шея этого «конька-горбунка» покрыта густой шерстью с отросшей гривой, а вот туловище и ноги имеют гладкую кожу и такой же «голый» хвост, который поднят вверх и загнут крючком, как у собаки, при этом окончание хвоста напоминает голову хищной птицы с большим клювом. Не очень понятны элементы рисунка над головой антропоморфа, изображенного с правой стороны, как и запутанная композиция справа внизу накладки.

Отметим изображения пальметт на другой накладке на сумочку (рис. 13). Здесь на поверхность нанесен симметричный рисунок: на правой и левой сторонах имеются изображения льва (внизу) и стилизованного растительного побега, состоящего из двух симметричных отростков-лепестков. Последний орнаментальный мотив сильно стилизован и упрощен, но в нем уверенно угадывается исходный мотив пальметты, как, например, в рисунке на серебряной бляхе из Каранаевских курганов на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25]. В данном случае побег состоит из двух частей. Первая, постепенно расширяясь, расходится в два листа, развернутых по отношению друг к другу на 180°. Каждый листок заканчивается округлым завитком. Выпуклая сторона лепестка образована длинной плавной линией, внутренняя – короткой, резко изогнутой линией. Края листочков обведены еще одной линией, пространство между которыми заштриховано. Вторая часть – бутон цветка, напоминающего лотос, примыкающий ко второму лепестку. В целом такие растительные мотивы, имеющие китайские истоки (период Тан), были широко распространены в тюркитике Южной Сибири, Средней Азии и Восточного Ирана во 2-й половине VIII – IX в. [Маршак, 1971, с. 52, рис. 25; Даркевич, 1976, с. 72, рис. 5].

В этом изображении тоже заметен «согдийский след». Речь идет о стилизованных фигурах львов, выполненных по одной композиционной схеме: плоская фигура животного в профиль с поворотом головы назад. Фигура бегущего льва показана доста-

точно динамично: лапы напряжены, хвост, заканчивающийся массивной кисточкой, поднят вверх, голова повернута назад. Туловище животного покрыто густой шерстью, переданной мелкими горизонтальными насечками, расположенными вертикальными полосами. Грива короткая. На морде различимы миндалевидные глаза; остальные детали не проработаны. Пасть льва раскрыта. Лапы большие, массивные. Фигуры львов и растительных побегов позолочены.

Рис. 13. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №251])

Отметим, что рисунки животных на этой пластине различаются в деталях: форма ушей, пропорции морды, грива. Можно предположить, что художник таким образом изобразил льва (слева) и львицу (справа). Точных аналогий таким рисункам найти не удалось. Скорее всего, здесь прототипами являлись восточноиранские изделия с сюжетами сцен «терзания» с изображениями львов, или же, что более вероятно, это были согдийские изделия (школа «А», по Б.А. Маршаку), также в ряде случаев украшавшиеся такими рисунками [Маршак, 1971, рис. 8, т. 29]. В этой связи упомянем недавно опубликованную находку серебряной пластины с согдийским сюжетом [Бауло, 2013, с. 123–128], близкой рассматриваемой накладке со всадником.

Рис. 14. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?).
Собрание Фонда Марджани (Москва) (по: [Путешествие..., 2016, №252])

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что данное изделие изготовлено в Южном Предуралье и датируется по аналогиям 2-й половиной IX – 1-й третью X в. Очевидно, что оно использовалось вторично – отсюда рисунки палимпсесты и дополнительно пробитые отверстия.

Библиографический список

- Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // *Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время*. Т. 4. Донецк : Изд-во ДНУ, 2005. С. 245–260.
- Артамонов М.И. *История хазар*. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Багрянородный К. *Об управлении империей*. М. : Наука, 1989. 496 с.
- Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. №4 (56). С. 123–128.
- Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай: Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск : Удм. республ. краевед. музей, 1962. 140 с.
- Даркевич В.П. *Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья*. М. : Наука, 1976. 195 с.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М. : Наука, 2003. С. 200–206.

Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии (Этапы этнокультурной истории). М. : Наука, 1992. 334 с.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2012. 272 с.

Ливанова Т.К., Ливанова М.А. Все о лошади. М. : АСТ-ПРЕСС СКД, 2006. 384 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. : Главн. ред. вост. лит-ры : Наука, 1971. 156 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья: Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань : ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 144–150.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. 200 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Иерусалим ; М. : Мосты культуры, 2000. 240 с.

Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М. : Издат. дом Марджани, 2016. 560 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань : РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Смирнов И.Я. Восточное серебро: атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи (Издание Императорской археологической комиссии ко дню 50-летия ее деятельности). СПб., 1909. 7 с. + 130 табл.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард ; СПб., 2003. 96 с.

Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 90–99.

Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР. Кувейт : Daral-atharal-islamiyyan, 1990. 167 с.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarnan der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani): Régészeti Füzetek. Ser. II. No 21. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 s.

Iotov V. A note on the “hungarian sabers” of Medieval Bulgaria // Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Curta F., Kovalev R. (ed.). Leiden – Boston : Brill, 2008. 503 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2). P. 327–338.

K.A. Rudenko

RARE ARTEFAKTS OF THE KHAZAR KHAGANATE EPOCH (notes about khazar-hungarian art)

The article considers unique finds of the Khazar Khanate-9 epoch [the 9th – the beginning of the 10th centuries AD). It is a round overlay with the image of the horseman (hunter) with the hawk on his left hand. The comparison with other images of horsemen on silver bowls and dishes, dated 9–10th centuries showed that the given drawing is made by a Hungarian artist in the 9th century. It is possible to assume that the overlay shows the real but not an imaginary person. Details of clothes and equipment of a horse have absolute archaeological conformity. Horsemen are shown on some other products. These are overlays on a handbag made by the Khazaria handicraftsmen. On one of them, there is an image of the fantastic horseman. Horse hunters are shown on unique silver vessel of the 10th century. The plot is very close to drawing on the overlay with the horseman, but images on the vessel are very realistic. Even details of horse equipment differ. The vessel from Khazaria is probably made by the jeweler of Sogd in the end of 9th – first half of the 10th centuries. Considering other finds which can

be connected with Hazaria, for example, bone overlays with the image of a dragon from the barrow at village Shilovka in the Ulyanovsk region, it is possible to assume that the part of art products of the Khazar Khanate was made by jewellers of Sogd.

Key words: archeology, Great Hungary, khazar, Khazaria, Khazarkhaganate, Ural Mountains, Volga, Medieval art.

References

Aksenov V.S. Kompleksy konskogo snaryazheniya saltovskogo vremeni s nachel'nikami (po materialam Verkhnesaltovskogo katakombnogo mogil'nika) [The Sets of the Horse Equipment of the Saltov Time (based on the Verkhnesaltovskiy Catacomb Burial)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya: Khazarskoe vremya. T. 4 / gl. red. A.V. Evglevskiy* [Steppes of Europe in the Middle Ages: the Khazar Time. Vol. 4 / Ch. Ed. A.V. Yevglevskiy]. Donetsk : Izd-vo DNU, 2005. Pp. 245–260.

Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. L. : Izd-vo GE, 1962. 524 p.

Bagryanorodnyy K. *Ob upravlenii imperiy* [About the Management of the Empire]. M. : Nauka, 1989. 496 p.

Baulo A.V. *Bez litsa: serebryanaya blyakha s vostochnykh sklonov Urala* [Face off: Silver Plaque from the Eastern Slopes of the Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2013. №4 (56). Pp. 123–128.

Gening V.F. *Drevneudmurtskiy mogil'nik Mydlan'-shay: Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 3 / otv. red. E.G. Surov* [Ancient Burial Mydlan Udmurt-shay: Questions of Archaeology of the Urals. Vol. 3 / Ch. Ed. E.G. Surov]. Sverdlovsk : Udm. republ. kraeved. muzey, 1962. 140 p.

Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Art Metal of the East in the 8–13th Centuries. The Works of the the Eastern Toreutics on the Territory of the European Part of the USSR and the Urals]. M. : Nauka, 1976. 195 p.

Dmitriev A.V. *Mogil'nik Dyurso – etalonnnyy pamyatnik drevnostey V–IX vekov* [The Durso Burial – Model Monument of the 5–9th centuries]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka / otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and the Caucasus in the Middle Ages: 4–13th Century / Ch. Ed. T. I. Makarova, S.A. Pletnev]. M. : Nauka, 2003. Pp. 200–206.

Ierusalimskaya A.A. *Moshchevaya Balka: neobychnnyy arkheologicheskyy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [Relics Beam: Unusual Archaeological Site in the North Caucasian Silk Road]. SPb. : Izd-vo GE, 2012. 384 p.

Kazakov E.P. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bulgarii (Etapy etnokul'turnoy istorii)* [The Culture of the Early Volga Bulgaria (Stages of Ethnocultural History)]. M. : Nauka, 1992. 334 p.

Kochevniki Evrazii na puti k Imperii. *Iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia on the Way to the Empire. From the State Hermitage Collection. The Exhibition Catalog]. SPb. : Slaviya, 2012. 272 p.

Livanova T.K., Livanova M.A. *Vse o loshadi* [All about Horses]. M. : AST-PRESS SKD, 2006. 384 p.

Mazhitov N.A. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [The Mounds of Southern Urals 8–12th Centuries]. M. : Nauka, 1981. 164 p.

Marshak B.I. *Sogdiyskoe srebro. Ocherki po vostochnoy torevtike* [Sughd Silver. Essays on Eastern Toreutics]. M. : Glavn. red. vost. lit-ry : Nauka, 1971. 156 p.

Nikitina T.B. *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya: Arkheologiya evraziyskikh stepey. Vyp. 14* [Funerary Monuments of the 9–11th Centuries. Vetluzhsky-Vyatka mezhdurech'ya: Archaeology of the Eurasian steppes. Vol. 14]. *Kazan' : II AN RT*, 2012. 408 p.

Pastushenko I.Yu. *Vozmozhno li govorit' ob "ugorskoy epokhe v Prikam'e"* [Is it Possible to Speak of "Ugric Era in the Kama Region?"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011. Vyp. 1 [Bulletin of Udmurt University. 2011. Issue 1]. Pp. 144–150.

Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura* [From Nomads to the Cities. Saltovo-Mayatskaya Culture]. M. : Nauka, 1967. 200 p.

Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoy arkheologii. Ierusalim* [Essays on Khazar Archaeology. Jerusalem]. M. : Mosty kul'tury, 2000. 240 p.

Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki [Travel of Ibn Fadlan: the Volga route from Baghdad to Bulgar. The Exhibition Catalog]. M. : Izdat. dom Mardzhani, 2016. 560 p.

Rudenko K.A. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII v.) [The History of Archaeological Study of the Volga Bulgaria (10th – the beginning of the 13th century). Kazan' : RITs "Shkola", 2014. 768 p.

Rudenko K.A. O kharaktere vzaimootnosheniy kochevykh ugrov i osedlogo naseleniya Srednego Povolzh'ya v "epokhu velikogo pereseleniya narodov" (po materialam Tetyushskogo II gorodishcha v Tatarstane) [The Nature of Relations between Nomadic Ugric Peoples and Settled Population of the Middle Volga in the "Era of the Great Migration of Peoples" (Based on Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan)]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №2 (8). Pp. 58–74.

Smirnov I.Ya. Vostochnoe srebro: atlas drevney serebryanoy i zolotoy posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, naydennoy preimushchestvenno v predelakh Rossiyskoy imperii (Izдание Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii ko dnyu 50-letiya ee deyatel'nosti) [East Silver: Atlas of Ancient Silver and Gold Utensils of Eastern Origin, Found Mainly within the Russian Empire (Publication of the Imperial Archaeological Commission on the Day of the 50th Anniversary of its activity)]. SPb., 1909. 7 p. + 130 tabl.

Sokrovishcha Priob'ya. Zapadnaya Sibir' na torgovykh putyakh srednevekov'ya. Katalog vystavki [Treasures of the Ob. Western Siberia on the Trade Routes of the Middle Ages. The Exhibition Catalog]. Salekhard ; SPb., 2003. 96 p.

Fedorova N.V. Risunki na metalle: graficheskoe iskusstvo naseleniya severa Zapadnoy Sibiri i Predural'ya [Figures on the Metal: Graphic Art of the Population of the North of Western Siberia and the Urals]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. №1 (57)]. Pp. 90–99.

Shedevry islamskogo iskusstva v Ermitazhe SSSR [Masterpieces of Islamic Art at the Hermitage of the USSR]. Kuveyt : Daral-atharal-islamiyyan, 1990. 167 p.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarnan der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani): Régészeti Füzetek. Ser. II. No 21. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 p.

Iotov V. A note on the "hungarian sabers" of Medieval Bulgaria. Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Curta F., Kovalev R. (ed.). Leiden – Boston : Brill, 2008. 503 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2). Pp. 327–338.

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШАР-ГОВЬ-4 (Северо-Западная Монголия)

Открытие в Северо-Западной Монголии первых поселений создало возможность для изучения керамических комплексов. Поселение Шар-Говь-4 находится на правом берегу реки Годон-Гол, недалеко от ее слияния с Ховдом. Коллекция керамики состоит из 81 фрагмента, различающихся культурной и хронологической принадлежностью. Небольшая часть керамики датирована эпохой бронзы, а основная – ранним железным веком. Исследования проведены в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. Изучались традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Установлено, что гончары поселения Шар-Говь-4 предпочитали средне- и низкопластичное сырье, в которое добавляли органику. Минеральные примеси вводили реже, как правило, древесу и в отдельных случаях шамот и шлак. Зафиксировано смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей в эпоху раннего железного века, что отражает контакты населения с разными навыками изготовления посуды. Местными являются навыки добавления органики и дресвы, а неместными – применение шамота.

Ключевые слова: Северо-Западная Монголия, керамика, исходное сырье, формовочные массы, культурные традиции.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-06

Поселенческие памятники в Северо-Западной Монголии до сих пор были не известны, поэтому не проводилось и изучение керамики – наиболее массового материала, получаемого на таких объектах в результате археологических исследований. Первое поселение было обнаружено на правом берегу реки Годон-Гол, недалеко от ее слияния с Ховдом в урочище Шар-Говь. Оно располагалось в удалении от берега реки, на горной площадке, ограниченной с одной стороны временным водотоком, у подножия скалы с петроглифами, прикрывающей ее с севера. Там обнаружены остатки нескольких конструкций, выделяющихся на общем фоне хорошей задренованностью. Вокруг этих конструкций и в небольшом раскопе площадью 9 кв. м, заложенном между ними, собраны фрагменты разновременной керамики, каменные орудия, металлургические шлаки и кости животных [Мерц, 2015].

В общей сложности коллекция керамики состоит из 81 фрагмента. Как правило, это небольшие неорнаментированные обломки тулова сосудов, реже – придонных частей, венчики (рис. 1). Из-за того, что большинство фрагментов невыразительны, невозможно реконструировать форму, внешний вид сосудов. В целом коллекция не одновременная, предварительно большая часть ее может быть датирована эпохой бронзы и ранним железным веком. В то же время не исключена принадлежность отдельных фрагментов к поздней бронзе и средневековью. Как правило, хронологическая принадлежность неорнаментированных фрагментов устанавливается по второстепенным признакам. К раннему железному веку относятся 11 венчиков, фрагменты шейки и трех придонных частей плоскодонных сосудов, а также мелкие обломки тулова сосудов. К эпохе бронзы можно отнести 11 фрагментов, среди них два венчика. Вероятно, что коллекции как эпохи бронзы, так и раннего железного века различаются по культурной и хронологической принадлежности. Один из венчиков эпохи бронзы

напоминает афанасьевскую керамику, хотя и не имеет всех характерных для этой культуры признаков (рис. 1.-1). Также относительные аналогии с афанасьевской керамикой имеет один фрагмент тулова (рис. 1.-2). Однако из-за фрагментарности этих находок выводы по поводу датировки и культурной принадлежности могут быть только предварительными.

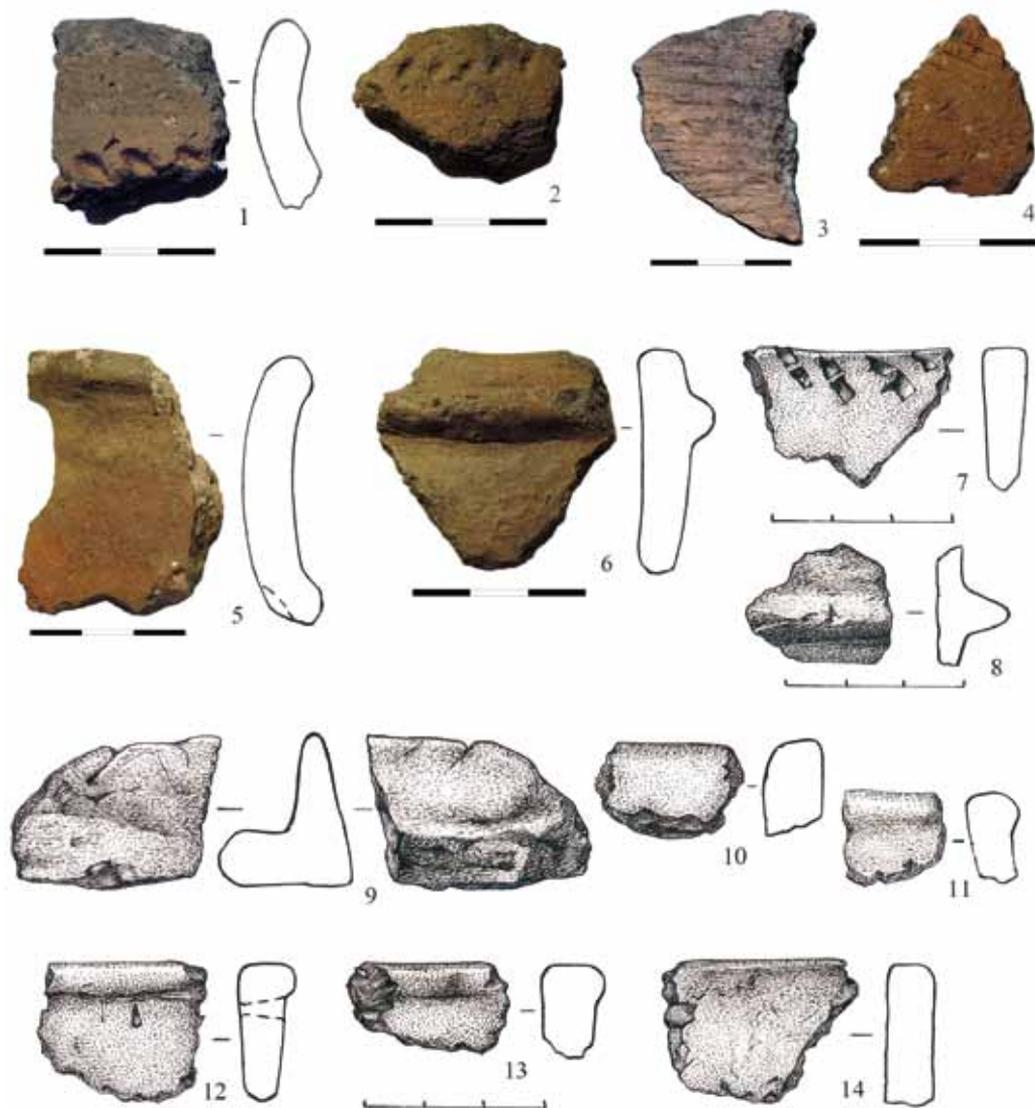

Рис. 1. Керамика с поселения Шар-Говь-4

Основным в проведенном исследовании было выявление особенностей технологии изготовления сосудов в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978; 1999]. Изучение технологии изготовления керамики позволяет рассматривать вопросы, связанные с контактами населения, миграцией, освоением

нием новых территорий, и многие другие. Особое значение результаты исследований технологии изготовления керамики имеют потому, что навыки труда в гончарстве передаются контактным путем, как правило, между лицами, связанными родственными узами. Эмпирический характер знаний гончаров делал необходимым строго придерживаться постоянных правил работы с глиной, что неизбежно вело к консервации определенных приемов и сложению традиционных способов изготовления керамики. Из-за этого у родственников-гончаров из поколения в поколения могли сохраняться одни и те же навыки труда. В то же время практически неизменными трудовые навыки остаются только в случаях, когда гончарные производства существуют внутри относительно замкнутых коллективов [Бобринский, 1978, с. 242–243].

А.А. Бобринским разработана методика определения способности разных навыков труда реагировать на процессы смещения населения, освоения новых территорий. На основании анализа навыков труда в гончарстве выявлены закономерности их поведения при стабильных и нестабильных условиях существования гончарных производств [Бобринский, 1978; 1980; 1994; 1999]. Освоение новых территорий, в первую очередь, отражается на использовании исходного сырья. Во вторую – происходят изменения в самих навыках труда, которые касаются прежде всего рецептуры формовочных масс [Бобринский, 1978, с. 79, 243]. Механизм адаптации выражается в способности гончаров приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям [Бобринский, 1999, с. 53, 69–71].

Основная задача в исследовании коллекции из Шар-Говь-4 сводилась к выявлению специфики культурных традиций на таких ступенях производственного процесса, как отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс. В рамках поставленных задач рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс; 2) определение признаков смешения этих традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 исследовались изломы и поверхности всех образцов. При изучении исходного сырья устанавливались степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин 41 фрагмент от разных сосудов дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. К сожалению, состав формовочных масс некоторых образцов определен не полностью из-за их незначительных размеров.

В результате проведенных исследований выявлены культурные традиции в составлении формовочных масс и выборе исходного сырья как для эпох бронзы и раннего железного века, так и для памятника в целом.

Эпоха бронзы. Из 11 фрагментов шесть были дополнительно обожжены и имели свежий излом. Удалось установить, что сосуды изготовлены из ожелезненного исходного сырья, в том числе 17% – из сильно ожелезненного, 12,5% – из пластичного, 37,5% – из среднепластичного и 50% – из низкопластичного. В низкопластичном сырье естественные примеси представлены мелкими и крупными частицами (до 3,5 мм) кварца, минералами глинистого типа и др. К особенностям сырья данного памятника относится то, что только в одном образце зафиксирован бурый железняк.

Выявлены следующие рецепты: 1) глина + органика (67%); 2) глина + дресва + органика (33%). В целом преобладают изделия, изготовленные по первому рецепту, и во всех черепках зафиксирована традиция добавления органики. Необходимо отметить и наличие традиции добавлять дробленый камень.

Эпоха раннего железного века. Эта группа включает фрагменты, большая часть из которых небольших размеров. Определение их датировки и культурной принадлежности в дальнейшем с накоплением материалов должна быть уточнена. Так, вызывает дискуссию принадлежность одного из фрагментов с налипным валиком: он близок сосудам эпохи раннего железа из Горного Алтая и поздней бронзы из Центрального Казахстана (см. рис. 1.-8).

Из этой группы дополнительно нагреты в муфельной печи 32 образца. Все они изготовлены из ожелезненного исходного сырья, в том числе из слабо- и сильноожелезненного сырья – по 3%. Из пластичных и среднепластичных глин изготовлено по 25% сосудов, из низкопластичного – 50%. В сырье встречаются окатанные и остроугольные частицы кварца, минералов глинистого характера и, как исключение, бурый железняк.

Из образцов этой группы, подвергнутых дополнительному обжигу, состав формовочных масс определен у 31 экземпляра и, кроме того, одного, не обжигавшегося дополнительно. Всего зафиксировано пять рецептов: 1) глина + органика (50%); 2) глина + дресва + органика (27%); 3) глина + шамот + органика (10%); 4) глина + дресва + шамот + органика (10%); 5) глина + шлак + органика (3%).

Преобладает рецепт без использования искусственно введенных минеральных примесей, второе место принадлежит рецепту с дресвой. Сосудов, изготовленных с добавлением шамота, а также рецептов, отражающих смешение культурных традиций, т.е. с добавлением дресвы и шамота, немного. В то же время все сосуды изготовлены с добавлением органики.

Необычный рецепт с применением шлака. Шлак зафиксирован еще в двух фрагментах, не обжигавшихся дополнительно, а в общей сложности в трех сосудах (см. рис. 1.-6, 8). Проведенные К.С. Колбанцевым исследования энергодисперсионным рентгенофлуоресцентным методом анализа (приборный комплекс АГУ X-Арт М) показали, что это медь (рис. 2). Случаи, когда шлак зафиксирован в формовочных массах, известны, хотя и очень редки. Например, металлургический шлак обнаружен в сосуде с поселения поздней бронзы Центрального Казахстана [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 10, рис. 6.-5; Ломан, 2015, с. 244]. Подобная примесь выявлена в сосудах из погребальных комплексов срубной культуры [Салугина, 2015]. Пока сложно объяснить происхождение традиции добавлять шлак при изготовлении керамики в формовочные массы, однако уже сейчас очевидно, что она была распространена на удаленных территориях и встречается не только в погребальной, но и поселенческой посуде.

В целом для керамики и эпохи бронзы, и раннего железного века поселения Шар-Говь-4 наиболее характерно использование средне- и низкопластичного сырья, составление формовочных масс без искусственно введенных минеральных примесей с добавлением органики. Однако нельзя не отметить наличие традиции использования дробленного камня. Для коллекции эпохи раннего железа зафиксировано и смешение навыков в составлении формовочных масс. Анализируя выявленные культурные традиции, можно предположить, что местными для данного памятника являются навыки добавления органики, а также дресвы, хотя последняя традиция получила меньшее распространение. К неместным (принесенным) относится применение шамота. В пользу этого свидетельствует как статистический анализ, так и наблюдения, сделанные на других территориях (традиция добавления шамота характерна для равнинной местности, а дресвы – горной [Степанова, 2015]). Отмечается смешение традиций

в использовании минеральных примесей. На основании этого можно утверждать, что для эпохи раннего железа зафиксированы контакты населения с разными навыками изготовления посуды, и, вероятнее всего, часть населения была пришлой из районов, где при производстве посуды использовали шамот. Пока сложно сказать, где сложилась традиция добавлять в формовочные массы шлак, но наличие трех сосудов позволяет считать, что использование шлака было преднамеренным, а не случайным.

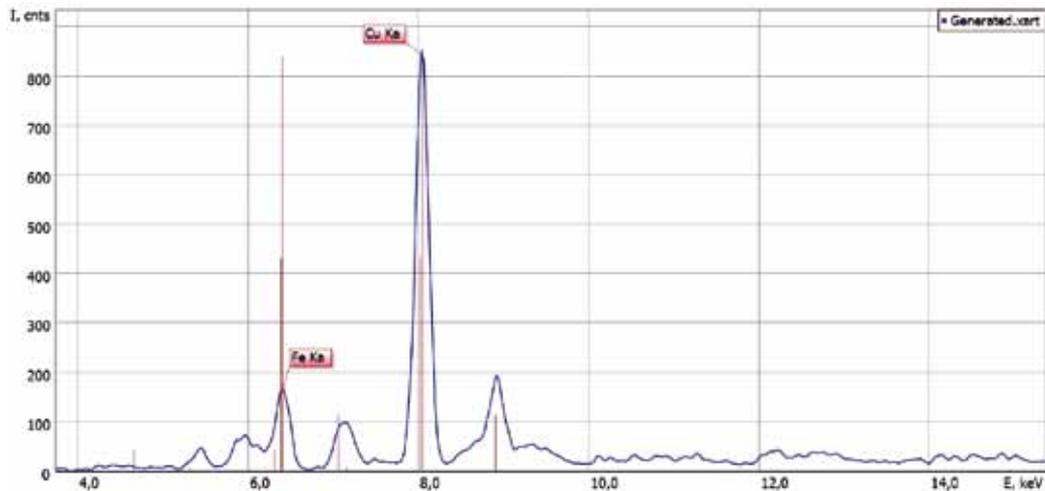

Рис. 2. Спектр рентгенофлуоресцентного анализа, полученного на приборном комплексе X-Арт М. Анализ частицы шлака из фрагмента керамики

Подводя итог, отметим, что технико-технологический анализ керамики из Северо-Западной Монголии проведен впервые. Сравнить полученные результаты можно только с итогами исследований керамических комплексов с других территорий и прежде всего с Алтая. Нельзя не отметить сходство культурных традиций в выборе исходного сырья (низко- и среднепластичное) и минеральных примесей (дресва), выявленных в керамике поселения Шар-Говь-4 из Северо-Западной Монголии, с традициями изготовления керамики в древности в Горном Алтае [Степанова, 2010, 2015]. Некоторые отмеченные аналогии могут быть обусловлены особенностями ландшафтных зон, в которых обитало население в рассматриваемое время. Однако наличие шамота в составе формовочных масс и смешанных рецептов на поселении Шар-Говь-4 отражает процессы взаимодействия населения в раннем железном веке.

Библиографический список

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. М., 1980. С. 57–59.
- Бобринский А.А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 14–16.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Ломан В.Г. К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : Институт археологии РАН, 2015. С. 243–247.

Мерц В.К. Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 69–74.

Салугина Н.П. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : Институт археологии РАН, 2015. С. 133–141.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М. : Институт археологии РАН, 2010. С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

N.F. Stepanova, V.K. Merts

CERAMICS OF THE SHAR-GOV-4 SETTLEMENT (North-West Mongolia)

Discovery of pioneer settlements in North-West Mongolia has created an opportunity for research of ceramic complexes. The settlement Shar-Gov-4 is situated on the right bank of the Godon-Gol River, near its confluence with the Hovd. The collection of ceramics consists of 81 fragments that differ in cultural and chronological accessory. The small part of ceramics is dated to the Bronze Age, and the main part is dated to the Early Iron Age. The research has been carried out within the scope of historical and cultural approach developed by A.A. Bobrinsky. Traditions in the choice of initial feedstock and preparation of forming masses have been studied. It is established that potters of the Shar-Gov-4 settlement preferred feedstock of middle and low flexibility to which they added organics. Mineral impurities were added less often, as a rule they were gruss and in some cases chamotte and slag. The mixture of cultural traditions in use of mineral impurities in the Early Iron Age has been recorded, and that reflects contacts of the population with different skills of pottery production. Skills of addition of organics and gruss are local, and the use of chamotte is nonlocal.

Key words: North-West Mongolia, ceramics, plastic raw material, pottery paste, cultural traditions.

References

Beysenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana. [Ancient Settlements in Central Kazakhstan]. Almaty : "Inzhu-Marzhan" poligrafiya, 2009. 264 p.

Bobrinskiy A.A. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery of Eastern Europe]. М. : Nauka, 1978. 272 s.

Bobrinskiy A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak istochnik informatsii o protsessakh smesheniya drevnego naseleniya [Pottery Technology as a Source of Information about the Processes of Mixing Ancient Population]. Tezisy dokladov sovetskoj delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii [Reports of the Soviet Delegation at the IV International Congress of Slavic Archaeology]. Sofiya, sentyabr', 1980. М., 1980. Pp. 57–59.

Bobrinskiy A.A. Otrazhenie evolyutsionnykh i migratsionnykh protsessov v osobennostyakh drevney goncharnoy tekhnologii [Reflection of Evolution and Migration Processes in the Features of the Ancient Pottery Technology]. Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekov'e [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Ancient and Medieval Times]. Barnaul, 1994. Pp. 14–16.

Bobrinskiy A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva : kollektivnaya monografiya [Topical Problems of Ancient Pottery Studying: Collective Monograph]. Samara : Izd-vo SamGPU, 1999. Pp. 5–109.

Loman V.G. K voprosu o genezise i sostave naseleniya sargarinsko-alekseevskoy kul'tury (po dannym tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki) [The Issue of the Genesis and Composition of the Population of Sargarinsko-Alexeevskaya Culture (According to the Technical and Technological Analysis of Pottery)]. Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. M. : IA RAN, 2015. Pp. 243–247.

Merts V.K. Sistema adaptatsii drevnikh skotovodov v gornostepnoy zone Severnoy Evrazii i metody poiska ikh poseleniy [Adaptation System of Ancient Herdsmen in the Mountain Steppe Area of Northern Eurasia and Methods to Search for Settlements]. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 69–74.

Salugina N.P. Sotsial'no-kul'turnaya interpretatsiya tekhnologii izgotovleniya keramiki pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'ya (po materialam srubnoy kul'tury) [Socio-Cultural Interpretation of Ceramics Manufacturing Technology of the Late Bronze Age in the Volga-Urals Region (based on carcass culture)]. Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. M. : IA RAN, 2015. Pp. 133–141.

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnykh predgoriy [Features of Raw Material and Molding Compounds of Pottery of the Neolithic and Bronze Age of the Altai Mountains and the Northern Hoothills]. Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya [Ancient Pottery: Results and Prospects of the Study]. M. : IA RAN, 2010. Pp. 117–125.

Stepanova N.F. Kul'turnye traditsii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nykh primesey pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh rayonov Altaya [Cultural Traditions in the Selection of Raw Material and Mineral Impurities in the Production of Ceramic Materials for the Mountain, Foothill, Steppe and Forest-Steppe Regions of Altai]. Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Science Bulletin]. 2015. №4 (13). Pp. 90–95.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.03

С.П. Грушин¹, А.А. Тишкин¹, Л. Чжан²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Нанкинский университет, Нанкин, Китай

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАХОДОК С ПОСЕЛЕНИЯ КОЛЫВАНСКОЕ-I (северо-западные предгорья Алтая) *

Статья посвящена характеристике металлических изделий, обнаруженных при раскопках поселения Колыванское-I. Памятник располагается на территории северо-западных предгорий Алтая у с. Саввушка (Змеиногорский район Алтайского края). За три десятка лет его полевого изучения было раскопано около 2500 кв. м площади, на которой исследованы разнообразные объекты, связанные с хозяйственной деятельностью проживавших там людей (очаги, сооружения, производственные площадки, ямы и др.). Археологический материал включает коллекцию фрагментов керамики, каменные, костяные и металлические орудия, а также находки, связанные с бронзолитейным производством (шлаки, кусочки руды, всплески металла). Ранний комплекс поселения Колыванское-I датируется в основном XXI–XIX вв. до н.э. и относится к елунинской археологической культуре. Коллекция изделий из металла представлена серией шильев, колечек и обломков ножей. Спектральный анализ металла, осуществленный с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000), показал, что изделия изготовлены из оловянной бронзы (шилья, ножи) и свинца (колечки). Перспективным является изучение обнаруженных шлаков.

Ключевые слова: поселение, ранний бронзовый век, елунинская культура, северо-западные предгорья Алтая, изделия из металла, шилья, ножи, кольца, состав металла, рентгенофлуоресцентный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-07

Введение

Поселение древних горняков и металлургов Колыванское-I находится на северо-восточном берегу оз. Колыванского, в 3,7 км к северо-востоку от с. Саввушка Змеиногорского района Алтайского края, в 0,4 км к северо-западу от развалин бывшего с. Старая Деревня (рис. 1–2). Культурный слой памятника частично разрушен сооружениями русского времени, от которых остались заплывшие фундаменты домов, дорожка и небольшие валы (остатки границ огородов). Через памятник проходит линия электропередачи в детский оздоровительный лагерь «Чайка».

Ежегодный мониторинг состояния памятника показывает, что его площадь испытывает существенную антропогенную нагрузку в результате использования берега озера туристами. Следствием этого являются многочисленные современные «хозяйственные» ямы и мусорные кучи, через площадь поселения проложена полевая дорожка. Кроме антропогенных воздействий, культурный слой поселения разрушается береговой эрозией в результате волновых процессов (в период сильных юго-западных ветров волны достигают одного метра высотой).

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии», а также гранта Дэнфэн Нанкинского университета Китая.

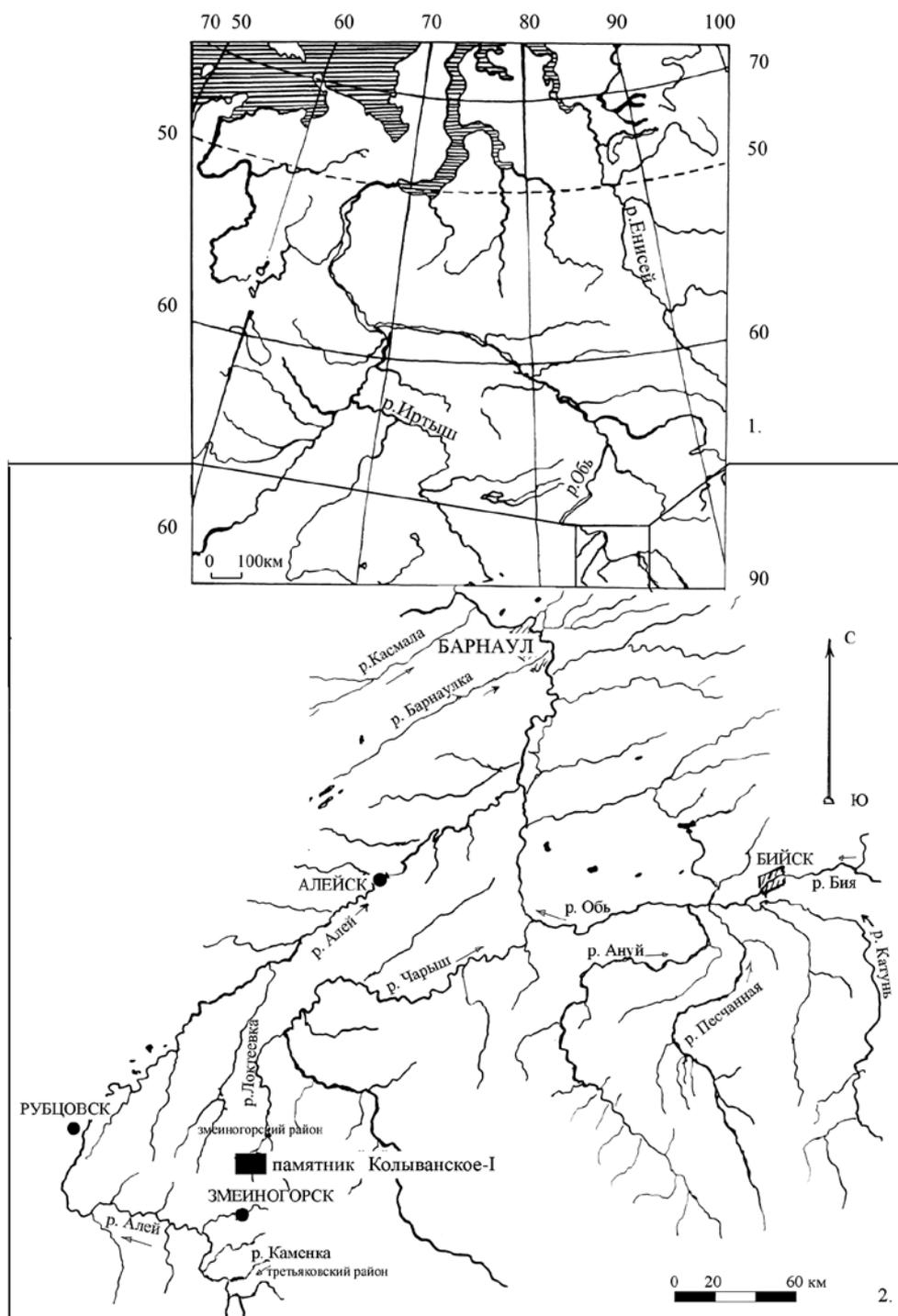

Рис. 1. Месторасположение памятника Кольванское-I на карте Западной Сибири (1) и лесостепного Обь-Иртышья (2)

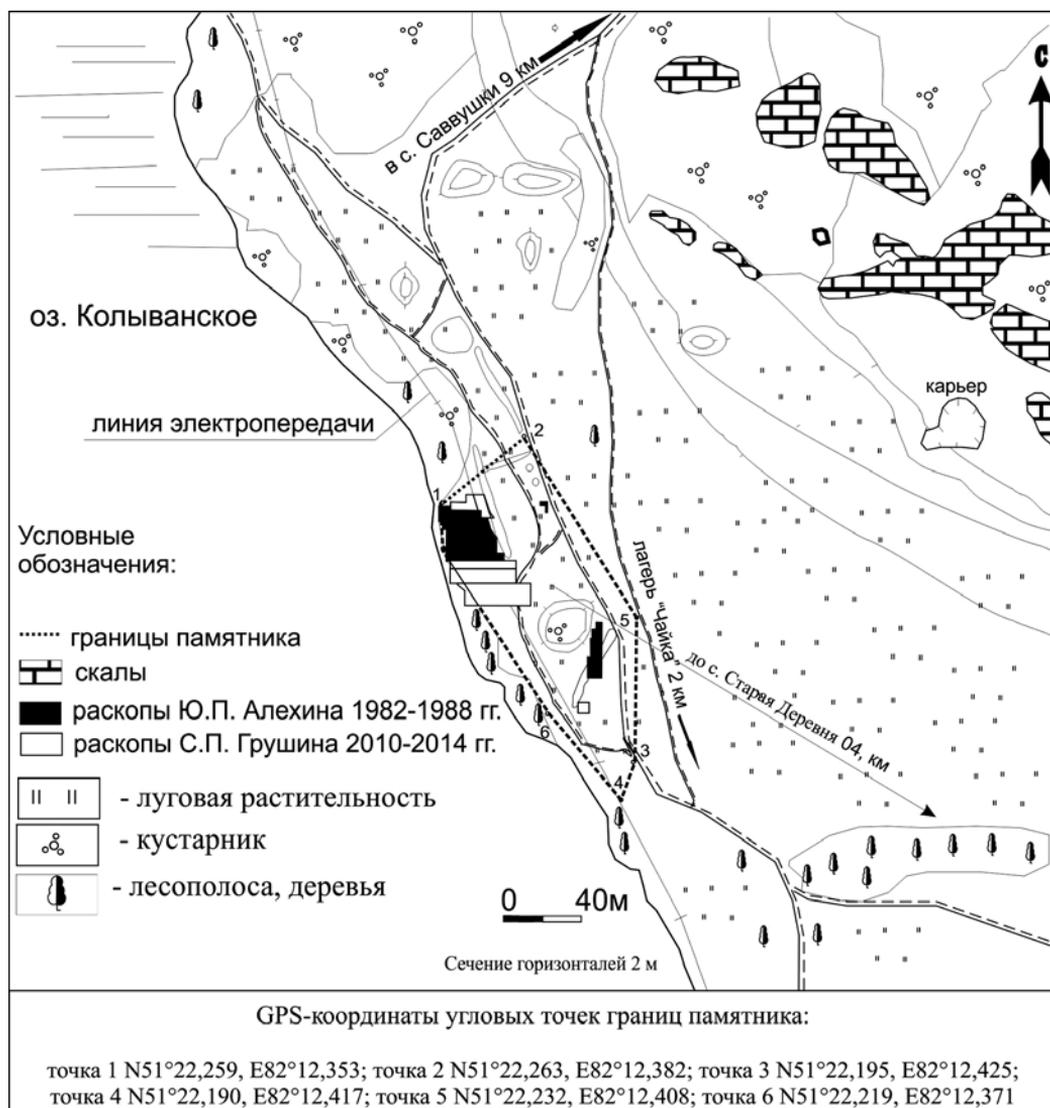

Рис. 2. Кольванское-I. План расположения памятника и раскопов

Памятник открыт Ю.П. Алёхиным в 1982 г. в ходе обследования побережья оз. Кольванского. В 1984–1985 и 1987–1988 гг. на поселении Кольванское-I под его руководством вскрыто около 1200 кв. м [Алехин, 1999, с. 27]. Получены материалы ранней, поздней бронзы и раннего железного века.

В период с 2010 по 2015 г. Рудно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством С.П. Грушина на памятнике раскопано 1400 кв. м площади. Необходимо отметить, что в 2015 г. в раскопках памятника участвовала экспедиция Нанкинского университета Китая под руководством Л. Чжана. В результате общая исследованная территория на настоящий момент времени составляет около 2500 кв. м. В ходе проведенных работ выявлены разнообразные объекты,

связанные с хозяйственной деятельностью населения, оставившего древнее поселение. Среди них необходимо отметить хозяйственные ямы, очаги, сооружения, производственные площадки. Археологический материал включает коллекцию фрагментов керамики, а также каменные, костяные, металлические орудия и предметы, связанные с металлургическим производством (шлаки, кусочки руды, всплески). Общая характеристика результатов исследования памятника дана в отдельной статье [Грушин, 2015].

Ранний комплекс поселения Кольванское-I относится к елунинской культуре, об этом свидетельствуют характерные типы каменных и костяных орудий и особенности орнамента керамики [Грушин, 2001; 2005]. Комплекс раннего бронзового века впервые датирован радиоуглеродным методом в Институте мониторинга климатических и экологических систем СО РАН. Калибровочные значения полученных дат (ИМКЭС-14С161; ИМКЭС-14С995; ИМКЭС-14С996; ИМКЭС-14С997; ИМКЭС-14С1004; ИМКЭС-14С1010) определяют время существования памятника в достаточно широких хронологических рамках: по 2δ (вероятность 95%) – от 2400 г. до 1260 г. до н.э.; более узкие интервалы определены по 1δ (вероятность 68%) – 2300–1800 гг. до н.э. Такая хронология совпадает с периодом существования елунинских памятников в Обь-Иртышье [Грушин, 2013].

Несмотря на то, что полевое изучение поселения Кольванское-I насчитывает уже более 30 лет, в ходе которых раскопана большая площадь памятника, полученные материалы до настоящего времени не введены в научный оборот. Исключение составляют лишь несколько небольших публикаций [Алехин, Кирюшин, 1996; Алехин, 1999; Грушин, Алехин, Шайхутдинов, 2011; Грушин, 2015]. В связи с этим проблема обработки, систематизации и качественной публикации материалов памятника представляется актуальной задачей. Данная работа посвящена результатам спектрального анализа изделий из металла, обнаруженных в разные годы в ходе раскопок поселения.

Материалы и методы

Как уже было отмечено выше, на памятнике зафиксирован ярко выраженный металлургический комплекс, представленный многочисленными кусочками руды (судя по цвету, малахита и лазурита). Также обнаружены всплески, капли застывшего металла и отходы производства (кусочки шлака). Исследованы площадки по обогащению руды и объекты, возможно, связанные с металлургическими печами. Коллекцию артефактов составляют фрагменты металлургических тиглей и льячек, а также готовые изделия из металла. Последняя категория небольшая по своему количеству и насчитывает не более двух десятков предметов ограниченного функционального набора. В основном они представлены фрагментами изделий. Вероятно, несоответствие масштабов металлургического производства и готовой продукции, обнаруженной на поселении, может подтверждать идею о специализации поселка на производстве металла, который практически весь шел на «экспорт» [Грушин, 2010; 2012; 2015].

Изделия из металла представлены тремя определяемыми функциональными группами предметов (рис. 3): шильями и их фрагментами (9 экз.), ножами, кинжалами и их частями (4 экз.), колечками (3 экз.). На поселении обнаружены также слиток и всплески металла. Всего были проанализированы 24 предмета. Исследование осуществлялось в несколько этапов: первоначально производился анализ поверхности изделия без снятия окислов, повторно осуществлялись определения после механического снятия окислов. Ниже приводятся характеристика изделий из металла и результаты спек-

рального анализа. Определения состава металла проводились в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АГУ с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000), который имеет две программы: «Аналитическая» и «Горнорудная» (производство США).

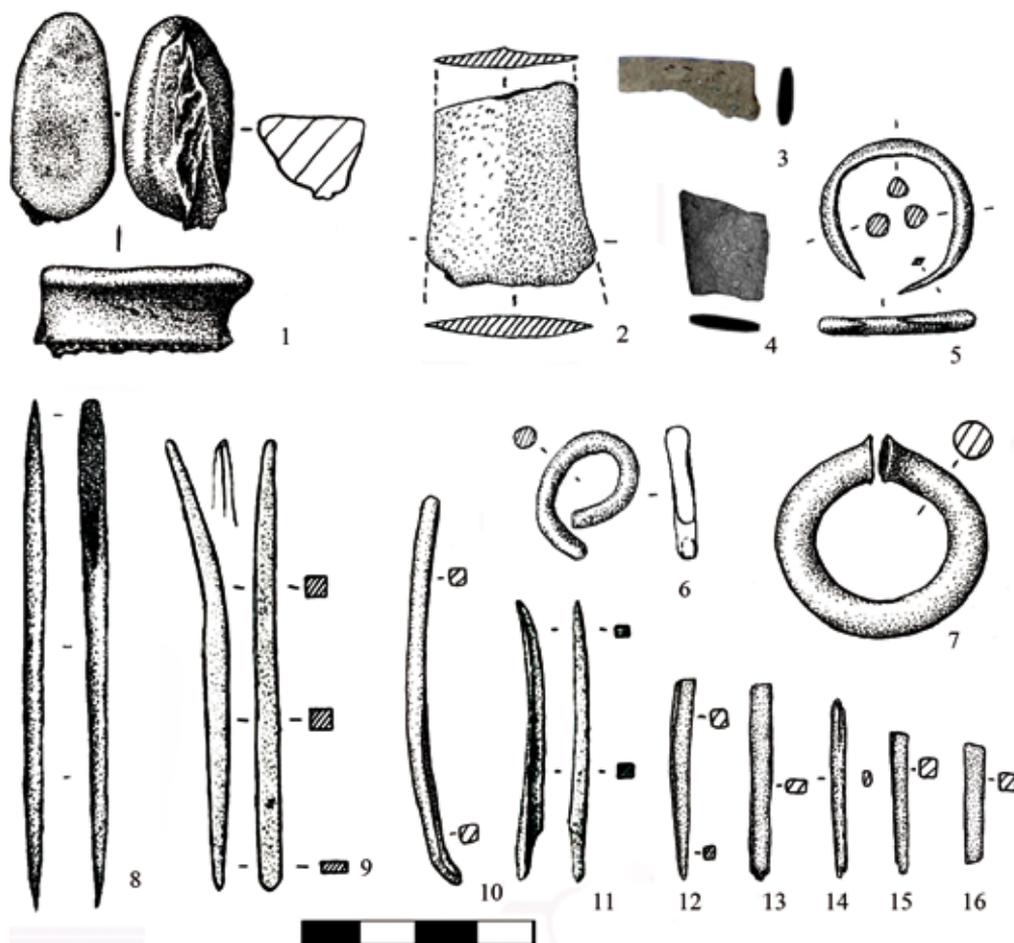

Рис. 3. Находки металлических предметов с поселения Кольванское-I:
1 – обломок навершия рукояти ножа; 2 – часть кинжала;
3, 4 – фрагменты ножей; 5–7 – кольца; 8–16 – шилья и их фрагменты

Шило (рис. 3.-8; 4.-5). Находка сделана в раскопе №2 (кв. 33/2 слой). Изделие имело длину 8,7 см, овальное сечение, слегка приплюснутый насад. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu (медь) – 62,41%; Sn (олово) – 29,84%; Fe (железо) – 4,84%; Pb (свинец) – 2,37%; Ti (титан) – 0,54%;

после снятия окислов: Cu – 94,08%; Sn – 5,62%; Pb – 0,3%.

Шило (рис. 3.-14; 4.-8). Индивидуальный номер (ИН)-567. Изделие обнаружено в кв. 71/ 4 слой. Длина предмета – 3 см, ширина – 0,2 см. Шило имеет овальную в разрезе форму. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 62,47%; Sn – 30,95%; Pb – 5,55%; Fe – 1,03%;
после частичного снятия окислов: Cu – 55,94%; Sn – 36,01%; Pb – 5,77%;
Fe – 1,4%; Ag (серебро) – 0,88%.

Шило (рис. 3.-9; 4.-4). ИН-3005. Изделие обнаружено в кв. 852/4 слой. Длина предмета – 9,3 см, ширина – 0,2 см. Шило имеет квадратную в разрезе форму с изогнутым концом. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 82,28%; Sn – 13,09%; Fe – 4,16%; Ti – 0,47%;
после снятия окислов: Cu – 89,67%; Sn – 10,33%.

Шило (рис. 3.-11; 4.-3). ИН-2643. Изделие обнаружено в кв. 799/2 слой. Длина предмета – 6 см, ширина – 0,5 см. Шило имеет квадратную в разрезе форму, слегка выгнуто. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 68,01%; Sn – 25,84%; Pb – 2,9%; Fe – 2,58%; Ti – 0,67%;
после снятия окислов: Cu – 83,1%; Sn – 14,96%; Pb – 1,85%; Fe – 0,09%.

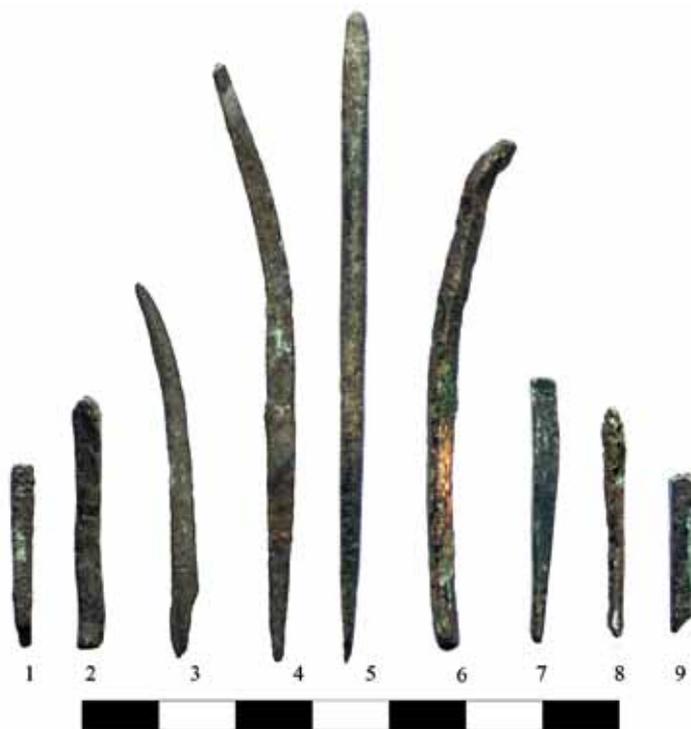

Рис. 4 (фото). Кольванское-I. Шилья и их фрагменты

Шило (рис. 3.-16; 4.-9). ИН-3379. Обнаружено в кв. 1171/2 слой. Длина предмета – 2 см, ширина – 0,4 см. Изделие имеет квадратную в разрезе форму. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 59,29%; Sn – 37,53%; Fe – 1,86%; Pb – 1,32%;
после снятия окислов: Cu – 78,55%; Sn – 20,04%; Pb – 1,41%.

Шило (рис. 3.-10; 4.-6). ИН-3380. Изделие обнаружено в кв. 1182/2 слой. Длина предмета – 6,7 см, ширина – 0,3 см. Насад изделия приплюснут, острие загнуто. Шило имеет квадратную в разрезе форму. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 60,6%; Sn – 29,34%; Fe – 7,98%; Ti – 1,1%; Pb – 0,87%; Mn (марганец) – 0,11%;

после снятия окислов: Cu – 91,12%; Sn – 8,07%; Pb – 0,81%.

Шило (рис. 3.-13; 4.-2). ИН-3377. Обнаружено в кв. 1183/2 слой. Длина предмета – 3,3 см, ширина – 0,4 см. Изделие имеет квадратную в разрезе форму. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 66,96%; Sn – 26,4%; Fe – 5,94%; Ti – 0,46%; Pb – 0,24%;

после снятия окислов: Cu – 91,5%; Sn – 8,32%; Pb – 0,18%.

Шило (рис. 3.-15; 4.-1). ИН-3232. Обнаружено в кв. 993/4 слой. Длина предмета – 2,4 см, ширина – 0,3 см. Изделие имеет квадратную в разрезе форму. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Sn – 45,39%; Cu – 40,26%; Fe – 9,09%; Pb – 4,21%; Ti – 1,05%;

после частичного снятия окислов: Cu – 44,45%; Sn – 39,06%; Fe – 11,13%; Pb – 3,43%; Ti – 1,93%.

Шило (рис. 3.-12; 4.-7). ИН-3337. Обнаружено в кв. 1044/3 слой. Длина предмета – 3,5 см, ширина – 0,3 см. Изделие имеет квадратную в разрезе форму, сужающуюся клином к острию. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 53,11%; Sn – 45,88%; Pb – 0,66%; Fe – 0,35%;

после частичного снятия окислов: Cu – 72,95%; Sn – 26,04%; Fe – 0,53%; Pb – 0,48%.

Нож (рис. 3.-4). Обломок металлического ножа обнаружен в раскопе №2 в кв. 34/4 слой, он имел размеры 1,5 x 2 см, плоское сечение. Спектральный анализ этого предмета не производился.

Нож (рис. 3.-3; 6.-2). ИН-3096. Изделие обнаружено во время сборов 2015 г. Обломок металлического ножа имел размеры 1,5 x 2 см, клиновидное сечение. Результаты спектрального анализа из-за маленьких размеров получены только с окисленной поверхности: Cu – 59,34%; Sn – 31,82%; Fe – 7,04%; Pb – 1,22%; Ti – 0,56%; Zr (цирконий?) – 0,02%.

Кинжал (рис. 3.-2; 6.-1). ИН-538. Изделие обнаружено в кв. 266/3 слой. Обломок клинка кинжала с центральным ребром жесткости. Длина предмета – 3,4 см, толщина – 0,35 см, ширина – 2,8 см. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 73%; Sn – 20,4%; Fe – 4,92%; Pb – 0,95%; Ti – 0,65%; Mn – 0,06%; Zr (?) – 0,02%;

после частичного снятия поверхностных окислов: Cu – 78,26%; Sn – 19,14%; Pb – 1,33%; Fe – 0,97%; Zn (цинк) – 0,3%.

Навершие рукояти кинжала (рис. 3.-1; 6.-5). ИН-3298. Изделие обнаружено в кв. 1060/4 слой. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 55,44%; Sn – 35,33%; Fe – 7,37%; Ti – 0,95%; Pb – 0,79%; Mn – 0,1%; Zr (?) – 0,02%;

после частичного снятия окислов: Cu – 57,9%; Sn – 38,53%; Fe – 1,79%; Pb – 1,24%; Ti – 0,29%; As (мышьяк) – 0,25%.

Серьга (рис. 3.-5; 5.-3). ИН-941. Изделие обнаружено в кв. 410/1 слой. Металлическая серьга в виде несомкнутого кольца с приостренными концами. Размеры – 2,6 x 2,6 см. Правая дужка серьги уплощена и приострена. В 1 см от кончика серьги

имеется удлиненная каверна, от нее ширина окончания – 0,19 см, толщина – 0,11 см. Противоположное окончание украшения также приостроено, но более массивное, с заметным утолщением в 0,6 см от острия. В целом серьга изнутри более уплощена, снаружи имеет подобие ребра. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 68,4%; Zn – 13,62%; Pb – 9,08%; Fe – 6,7%; Sn – 1,94%; Ti – 0,26%;

после частичного снятия окислов: Cu – 70,66%; Zn – 18,4%; Pb – 6,65%; Fe – 2,4%; Sn – 1,89%.

Рис. 5 (фото). Кольванское-I. Серьги и колечко

Рис. 6 (фото). Находки металлических предметов с поселения Кольванское-I:
1 – фрагмент кинжала; 2 – фрагмент ножа; 5 – обломок навершия рукояти ножа;
3, 4, 6–9 – слитки и всплески

Серьга (рис. 3.-6; 5.-1). ИН-1220. Изделие обнаружено в кв. 215/4 слой, яма №27. Свинцовая серьга в виде колечка в полтора оборота. Диаметр прута по центру – 0,4 см, к краям – около 0,25 см. Размеры предмета – 2,7 x 1,5 см. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Pb – 94,83%; Fe – 4,9%; Cu – 0,27%;

после частичного снятия окислов: Pb – 98,55%; Fe – 1,24%; Cu – 0,21%.

Кольцо (рис. 3.-7; 5.-2). ИН-3378. Изделие обнаружено в кв. 1121/3 слой. Изделие изготовлено из свинцового прута диаметром 0,6 см. Кольцо имеет круглую форму диаметром 3,6 см, со слегка расплюснутыми концами. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Pb – 98,75%; Fe – 1,07%; Cu – 0,18%;

после снятия окислов: Pb – 99,75%; Cu – 0,25%.

Слиток (рис. 6.-4) обнаружен в раскопе №2 в кв. 7/3 слой. Слиток металла аморфной формы, весом около 200 граммов. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 99,44%; Fe – 0,56%;

после снятия окислов: Cu – 99,92%; Fe – 0,04%; Pb – 0,04%.

Всплеск (рис. 6.-7) обнаружен в раскопе №3 в кв. 48/5 слой. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 72,13%; Sn – 19,06%; Fe – 5,68%; As – 2,13%; Ti – 0,7%; Pb – 0,3%;

после частичного снятия окислов: Cu – 91,15%; Sn – 5,81%; As – 2,37%; Fe – 0,51%; Pb – 0,16%.

Всплеск. Сборы. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 98,68%; Fe – 0,81%; Pb – 0,51%.

Всплеск (рис. 6.-3). ИН-3025. Обнаружен в кв. 836/5 слой. Для его изучения использовалась «Горнорудная» программа:

LE (легкие элементы) – 67,7466%; Cu – 28,84%; Fe – 2,1906%; Hf (гафний) – 0,7772%; Ti – 0,2223%; Sn – 0,0934%; Mn – 0,0485%; Pb – 0,0403%; W (вольфрам) – 0,0282%; Zr – 0,0129%.

Всплеск. Сборы. Результаты спектрального анализа:

после частичного снятия окислов: Cu – 89,48%; Sn – 6,77%; As – 2,9%; Fe – 0,7%; Pb – 0,15%.

Всплеск (рис. 6.-8). ИН-3267. Обнаружен в кв. 1045/4 слой. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 77,76%; Sn – 10,57%; Fe – 10,3%; Ti – 0,74%; Pb – 0,48%; Mn – 0,08%; Zr (?) – 0,07%;

после снятия окислов: Cu – 68,29%; Fe – 23,97%; Sn – 7,19%; Pb – 0,55%.

Всплеск (рис. 6.-6). ИН-3229. Обнаружен в кв. 1022/4 слой. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 88,64%; Fe – 7,68%; Zn – 2,32%; Pb – 0,7%; Ti – 0,5%; Mn – 0,1%; Zr (?) – 0,06%;

после снятия окислов: Cu – 99,29%; Fe – 0,31%; Zn – 0,31%; Pb – 0,09%.

Всплеск. ИН-3286. Обнаружен в кв. 985/4 слой. Результаты спектрального анализа:

окисленная поверхность: Cu – 98,34%; Fe – 1,66%.

Всплеск (рис. 6.-9). ИН-2442. Обнаружен в кв. 608, сооружение №1. Результаты спектрального анализа:

после снятия окислов: Cu – 98,68%; Fe – 0,81%; Pb – 0,51%.

Предварительное обсуждение результатов

Сравнение результатов анализа окисленных поверхностей и данных, полученных после полного или частичного снятия поверхностных окислов, позволило уточнить некоторые методические особенности использования прибора и нюансы подготовки изделий для рентгенофлуоресцентного анализа. Так, выяснилось, что зафиксированные элементы по-разному проявляются на разных этапах проведения анализа. Концентрация меди в большинстве случаев анализа поверхности изделий после снятия окислов увеличивается, причем в некоторых случаях до 30%. Противоположная ситуация наблюдается для олова – доля такого элемента увеличивается в окисленной поверхности предмета до 20%. Следует отметить значительное содержание в окислах железа, а также присутствие других элементов.

Проведенный анализ продемонстрировал, что функциональные группы изделий сопряжены с определенным составом металла. Орудия труда и фрагменты оружия – шилья, ножи и кинжалы – характеризуются оловянистыми бронзами (Cu + Sn), процент олова варьирует от 5,62 до 39,06%, два колечка выполнены из свинца (Pb) (рис. 3.-6, 7; 5.-1, 2) с малой долей процента меди (Cu). Исключение составляет кольцо из сплава, который можно обозначить как сложная латунь (Cu + Zn + Pb + Sn). Такой состав металла и морфологические особенности изделия указывают на более позднее время бытования, которое можно соотнести со Средневековьем и Новым временем.

Третья группа предметов представлена кусочками металла, образовавшимися в ходе металлургического производства, – это аморфные небольшие всплески, а также слитки, предназначенные для использования в процессе изготовления изделий. Результаты анализов показывают, что большинство из них представляют собой металлургически «чистую» медь, что свидетельствует о выплавке этого металла из руды. Наличие металлургически чистой меди в виде слитков и всплесков может свидетельствовать о раздельной плавке меди и олова из руды. Исключение составляют несколько всплесков, среди них – оловянистая бронза (Cu + Sn), которая, вероятно, является результатом повторной переплавки изделий.

Один проанализированный образец (рис. 6.-3), судя по составу элементов, следует рассматривать как шлак.

Наличие в ряде определений таких элементов, как свинец (Pb) и цинк (Zn), на уровне десятых или сотых долей процента можно рассматривать как рудные примеси. Они также являются маркерами для определения источников рудного сырья для колыванской металлургии, в качестве которых выступают богатые полиметаллические руды Западного Алтая, среди которых выделяются медно-свинцово-цинковые месторождения [Чекалин, 1999]. Полученные данные по составу металла с поселения Колыванское-I вписываются в уже имеющиеся определения металла с других памятников елунинской культуры – поселения Березовая Лука и могильника Телеутский Взвоз-I [Грушин и др., 2009, с. 49–56 и др.]. Об этом свидетельствуют не только состав металла, но и их типологический характер. На данных памятниках также встречены шилья и ножи, выполненные из оловянистой бронзы, и свинцовые колечки.

Заключение

Материалы, полученные при раскопках поселения Колыванское-I, существенно дополняют имеющиеся сведения о елунинской археологической культуре. Дальнейшие междисциплинарные исследования позволят получить дополнительный объем

объективной информации. В этом плане уже реализуется специальная программа, которая включает целый ряд анализов (радиоуглеродный, молекулярно-генетический, технико-технологический и др.).

Библиографический список

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. Барнаул : Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 17–65.

Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 12–21.

Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 84–89.

Грушин С.П. Памятники эпохи раннего бронзового века Рудного Алтая // Западносибирское археолого-этнографическое совещание. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 147–149.

Грушин С.П. О хозяйственно-культурных моделях развития населения Алтая в раннем бронзовом веке // III Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 83–84.

Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 171–179.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Грушин С.П. Итоги и перспективы исследования поселения Колыванское-I в Рудном Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 40–51.

Грушин С.П., Алехин Ю.П., Шайхутдинов В.М. Продолжение работ на поселении Колыванское-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул : АлтГПА, 2011. С. 59–63.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул : Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 6–16.

S.P. Grushin, A.A. Tishkin, L. Zhang

RESULTS OF THE STUDY OF METAL FINDS FROM THE KOLYVAN-I SETTLEMENT (North-Western Foothills of Altai)

The article is devoted to the characterization of metal products, found during the excavations of the Kolyvan-I settlement. The monument is located in the north-western foothills of Altai near the Savvushki village (Zmeinogorsky District of the Altai Territory). Over three decades of the field study excavation was carried out of about 2,500 square meters, the area where investigation was performed of the variety of objects relating to the economic activities of the people living there (the fire-places, facilities, production facilities, pits, etc.). Archaeological material includes a collection of pottery fragments, stone, bone and metal tools, as well as findings related to the bronze casting (slag, pieces of ore, metal spikes). Early complex of Kolyvan-I settlement is dated mainly 21–19th centuries, BC and refers to Elunino Archaeological Culture. The collection of products is represented by a series of metal needles, rings and fragments of knives. Spectral analysis of metal, carried out with the help of X-ray fluorescence spectrometer ALPHA SERIES™ (Model

Alpha 2000), showed that the products are made of tin bronze (needles, knives) and lead (rings). Perspective is the study of toxins detected.

Key words: settlement, Early Bronze Age, eluninskaya Culture northwestern foothills of the Altai, metal products, awls, knives, rings, metal composition, rentgenoflyuorestsenty analysis.

References

Alekhin Yu.P. Rudnyy Altay v drevnosti i srednevekov'e [Mining Altai in Antiquity and the Middle Ages]. Serebryanny venets Rossii. Ocherki istorii Zmeinogorska [Silver Crown of Russia. Essays on the History of Zmeinogorsk]. Barnaul : Izdanie upravleniya arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya, 1999. Pp. 17–65.

Alekhin Yu.P., Kiryushin Yu.F. Pamyatniki arkheologii Zmeinogorskogo rayona [Archaeological Monuments of the Zmeinogorsk District]. Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya [Monuments of History and Culture of the South-Western Districts of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 12–21.

Grushin S.P. K voprosu o kul'turnoy prinadlezhnosti nekotorykh pamyatnikov epokhi ranney bronzy predgorno-ravninnogo Altaya [The Issue of Cultural Identity of Some Monuments of the Early Bronze Age in the Foothills and Plains of Altai]. Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyacheletiya [Humanities the Threshold of the New Millennium]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 84–89.

Grushin S.P. Pamyatniki epokhi rannego bronzovogo veka Rudnogo Altaya [The Monuments of the Early Bronze Age ib Mining Altai]. Zapadnosibirskoe arkheologo-etnograficheskoe soveshchanie [West Siberian Archaeological and Ethnographic Meeting]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. Pp. 147–149.

Grushin S.P. O khozyaystvenno-kul'turnykh modelyakh razvitiya naseleniya Altaya v rannem bronzovom veke [About Economic and Cultural Development Models of Altai Population in the Early Bronze Age]. III Severnyy arkheologicheskyy kongress [III Northern Archaeological Congress]. Khanty-Mansiysk ; Ekaterinburg : Izd. Dom "IzdatNaukaServis", 2010. Pp. 83–84.

Grushin S.P. Khozyaystvenno-kul'turnaya variativnost' lesostepnogo Altaya v rannem bronzovom veke [Economic and Cultural Variability of the Forest-Steppe of Altai in the Early Bronze Age]. Vestnik NGU. Seriya : Istoriya, filologiya [Vestnik NGU. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, Issue 3]. Pp. 171–179.

Grushin S.P. Kul'tura zhizneobespecheniya i proizvodstva naseleniya stepnogo i lesostepnogo Ob'-Irtys'ya vo vtoroy polovine III – pervoy chetverti II tys. do n.e. : avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [Culture of Life Support and the Production of the Population of the Steppe and Steppe Ob-Irtys' Area during the Second Half of the 3rd – first quarter of the 2nd millennium BC : Synipsis of the Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]. Barnaul, 2013. 54 p.

Grushin S.P. Itogi i perspektivy issledovaniya poseleniya Kolyvanskoe-I v Rudnom Altae [Results and Prospects of the Research of the Kolyvan-I Settlement in Mining Altai]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. №2 (12). Pp. 40–51.

Grushin S.P., Alekhin Yu.P., Shaykhutdinov V.M. Prodolzhenie rabot na poselenii Kolyvanskoe-I [Continuation of Work on the of Kolyvan-I Settlement]. Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae 2010 g.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya. Vyp. 7 [Field Studies in the Upper Ob Region and in Altai in 2010: Archaeology, Ethnography, Oral History. Vol. 7]. Barnaul : AltGPA, 2011. Pp. 59–63.

Grushin S.P., Papin D.V., Pozdnyakova O.A., Tyurina E.A., Fedoruk A.S., Khavrin S.V. Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy eneolita i bronzovogo veka [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Chalcolithic and Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 160 p.

Chekalin V.M. Rol' Zmeinogorskogo mestorozhdeniya zoloto-srebro-barito-polimetallicheskikh rud v istorii osnovaniya i razvitiya goroda Zmeinogorska [The role of the Zmeinogorsk Mine of Gold-Silver-Barite-Polymetallic Ores in the History of the Foundation and Development of the City of Zmeinogorsk]. Serebryanny venets Rossii (Ocherki istorii Zmeinogorska) [Silver Crown of Russia (Essays on the History of Zmeinogorsk)]. Barnaul : Izdanie upravleniya arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya, 1999. Pp. 6–16.

Д.В. Папин^{1,3}, А.С. Федорук¹, В.Г. Ломан², Н.Ф. Степанова³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО-3*

Освещены результаты технико-технологического анализа керамики поселения поздней бронзы Жарково-3, выполненного по методике А.А. Бобринского. На основании исследования формовочных масс керамических сосудов установлено, что гончарная традиция представлена несколькими группами, связанными с разным по происхождению населением. Основной является автохтонная технология по использованию в качестве добавок шамота, вместе с тем выделяются инокультурные приемы по применению дресвы. Приемы конструирования сосудов позволили выявить, что доминирующей является технологическая схема саргаринско-алексеевской культуры. Корреляция полученных данных с орнаментальной схемой керамического комплекса позволила разграничить несколько технологических групп: «саргаринско-алексеевскую», «донгальскую», «ирменскую», «круговую» и гибридные типы между ними.

По всей видимости, в период поздней бронзы степного Алтая технология изготовления керамики базировалась на добавлении шамота, вместе с тем она постоянно испытывала влияние, связанное с приходом населения с западных территорий, использовавших в качестве добавки дресву. В основе этого процесса лежит взаимодействие двух производственных моделей ирменской и саргаринско-алексеевско-донгальской.

Ключевые слова: Жарково-3, Обь-Иртышское междуречье, степной Алтай, керамика, технико-технологический анализ, эпоха поздней бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-08

Введение

Период поздней бронзы на юге Западной Сибири характеризуется крайней сложностью этнокультурных процессов.

Территория степной части Обь-Иртышского междуречья в древности являлась пограничной зоной двух миров: культур степного пояса и населения лесного мира. В этих условиях важнейшим дифференцирующим археологическим индикатором, позволяющим разграничивать процессы разного уровня, являются керамические комплексы. Исследователями не раз отмечалось, что данная категория инвентаря имеет важнейшее значение при проведении разного рода реконструкций.

Традиционный подход при анализе керамики опирается на типологический анализ орнаментальных схем и форм сосудов, но его возможности не всегда позволяют разграничить явления на уровне отдельных групп. Гораздо более широкие возможности демонстрирует историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским [1978; 1999], технико-технологический анализ в рамках этого подхода позволяет рассмотреть явления на уровне выработки адаптивных навыков в производстве керамики,

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также госзадания Алтайского государственного университета, проект №1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности».

что, в свою очередь, отражает вклад конкретных мастеров. Возможности этого метода для памятников эпохи бронзы Алтая были продемонстрированы при обработке керамической коллекции поселения Рублево-6. Были выделены различные традиции, установлены векторы связей, определена внутренняя хронология памятника [Папин, Ломан, Степанова, Федорук, 2015].

Предметом нашего исследования является выделение культурных традиций на основе проведения технико-технологического анализа керамического комплекса Жарково-3 и корреляция полученных результатов с традиционным подходом. Поселение Жарково-3 относится к тому же кругу памятников поздней бронзы степного Алтая, что и поселение Рублево-6. Памятник расположен в Баевском районе Алтайского края, в 2,3 м к северо-востоку от с. Покровка, в 1,3 км к северу от трассы с. Баево – с. Нижняя Чуманка – с. Покровка – с. Ленки и в 0,3 км к северо-востоку от кладбища ныне не существующего поселка Жарково (рис. 1).

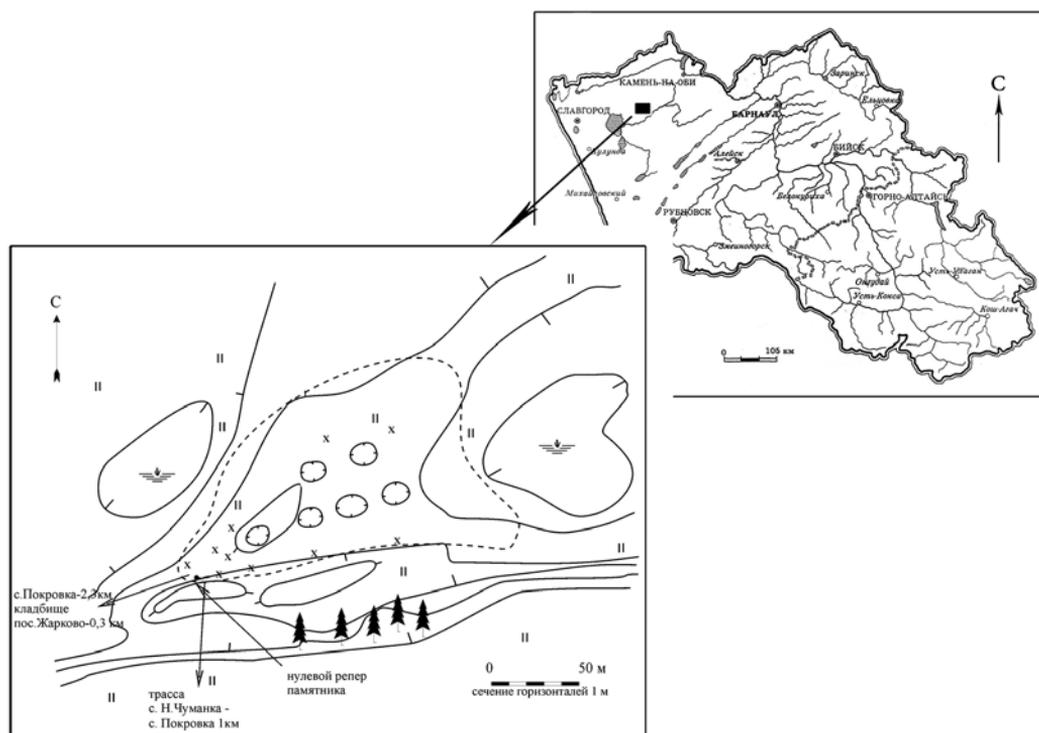

Рис. 1. Месторасположение поселения Жарково-3

Поселение обнаружено А.С. Федоруком в 2004 г. в ходе мониторинга современного состояния поселения Жарково-1 [Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002], находящегося в 100 м к югу, на первой (коренной) надпойменной террасе р. Кулунды, у края ленточного бора [Федорук и др., 2005]. На территории поселения зафиксировано семь жилищных западин округлой или овальной в плане формы, размерами 100–300 кв. м, расположенных двумя рядами вдоль края террасы р. Кулунды. В 2005 г. на памятнике произведена разведочная шурфовка по периметру предполагаемой площади памятника, а в центральной части поселения заложена траншея площадью 10 кв. м, кото-

рая позволила более четко отследить структуру и мощность культурного слоя, понять культурную принадлежность и хронологические рамки существования поселения [Кирюшин и др., 2006; Федорук, 2006]. С 2006 по 2010 г. поселение целенаправленно изучалось экспедициями АГУ [Кирюшин и др., 2007; 2008а, б, в; 2009; 2010; Федорук, 2007; 2008]. Общая вскрытая площадь на памятнике составила более 1000 кв. м. Раскопом полностью исследованы одно сооружение развитой бронзы, одно жилище и часть сооружения поздней бронзы, а также часть зольника этого периода.

Материалы и методы исследования

Коллекция керамики поселения Жарково-3, сформировавшаяся за весь период полевого изучения памятника, состоит из 5911 фрагментов сосудов, в том числе 1324 орнаментированных. Для проведения анализа были отобраны наиболее информативные фрагменты – 281 шт., 216 из которых датируются эпохой поздней бронзой.

Анализ данной керамики проведен по ранее апробированной на коллекции поселения эпохи поздней бронзы Рублево-6 [Папин, Ломан, Степанова, Федорук, 2015] методике, включающей в себя анализ форм сосудов, техники орнаментации, орнаментальных схем. Первоначально изучался весь комплекс, а затем отдельно каждая из выделенных групп посуды. Основное внимание было уделено декору как главному культурно-определяющему маркеру.

Для детального анализа композиций орнамента использовалась методика В.Ф. Генинга [1973, с. 115–116]: подсчеты проводились по отдельным элементам, а поверхность сосуда рассматривалась как совокупность зон. Подобное разделение сосудов на зоны позволило более детально отразить специфику орнаментации комплексов – выяснилось, что наиболее часто декорировалось тулово (47,5%), реже – плечики (27,8%) и шейки (21,8%).

При анализе техники орнаментации коллекции выделены следующие приемы нанесения декора: прочерчивание (резная техника), насечка, штампование, выдавливание, налепы, накальвание, качалка, каннелирование, пальцевые вдавления. Господствующей техникой орнаментации на памятнике является штампование (41,4% орнаментированных фрагментов коллекции). Широко использовались прочерчивание (17,1%) и насечки (10,8%).

Анализ развалов сосудов и крупных фрагментов (в комплексе поселения таковых 588 единиц) позволил графически реконструировать основные типы форм сосудов: горшки (сильно-, средне- и слабопрофилированные) и банки (закрытые и открытые). Основу комплекса составляют слабо- (29,3%) и среднепрофилированные (27,7%) горшки. Последующее сопоставление формы сосудов и их орнаментации взаимосвязи не выявило (за исключением группы лощеных сильнопрофилированных горшков с каннелюрами по шейке).

Статистической обработкой коллекции керамики зафиксировано 60 мотивов орнамента. Наиболее часто употреблялись пояски (42,6%) и горизонтальные прочерченные линии (13,7%).

Классификация посуды по сложности композиций орнамента позволила выяснить, что наиболее часто орнамент состоит из одного или четырех и более различных мотивов орнамента (по 26,0% сосудов), а также из двух различных мотивов (23,1%).

Итогом данного этапа работ стало выделение ряда групп посуды, соответствующих определенным культурным традициям.

Первая группа (саргаринско-алексеевская керамика). Представлена фрагментами не менее 52 сосудов. В основном это слабо- (38,9% всей посуды группы) и среднепрофилированные (31,5%) горшки. Сосуды чаще всего украшались в зоне горловины и по плечикам. Господствующей техникой декорирования является штампование (28,9%), реже встречаются насечки (23,2%), налепы (21,5%). В орнаментации преобладают горизонтальные пояски (26,4%) и валики (11,8%). Преимущественно встречены композиционные схемы из одного мотива (41,4% всей керамики группы).

Вторая группа (донгальская керамика). Представлена обломками не менее 54 сосудов. По форме изделия распределяются следующим образом: сильнопрофилированные горшки – 71,7% сосудов, среднепрофилированные – 15,1%, слабопрофилированные – 11,3%. Основными зонами орнаментации являются верхняя зона шейки (58,2%) и плечики (40,3%). Среди приемов нанесения орнамента преобладают налепы (47,5%), насечка (22,9%) и штампование (15,3%). Наиболее часто в декоре отмечены валики с дополнительным украшением (27,7%) или без (21,7%). Композиционные схемы группы преимущественно состоят из одного мотива (57,1%).

Третья группа (ирменская керамика). Представлена не менее чем 29 сосудами. Основные типы форм – сильно- (55,6%) и среднепрофилированные (27,8%) горшки. Орнамент наносился преимущественно на шейку (44,0%) и плечики (36,0%) сосудов. Господствующими техниками нанесения орнамента являются: резная (48,5%), насечка (14,7%), выдавливание (13,2%), наколы (11,8%). Преобладают горизонтальные резные линии как отдельный элемент и мотив орнамента (20,0%) и жемчужник (16,3%). В орнаментации больше всего узоров, состоящих их четырех и более различных мотивов орнамента (85,8%).

Четвертая группа (гибридная керамика – ирмено-донгальская). Представлена 21 фрагментом. Типы форм сосудов: средне- (72,7%) и сильнопрофилированные (18,2%) горшки. Орнамент преимущественно сосредоточен в области плечиков (52,2%) и шейки (43,5%). Преобладающими техниками орнаментации являются выдавливание (27,0%), насечки (24,3%), налеп (18,9%) и штампование (16,2%). Наиболее часто употреблялись горизонтальные цепочки жемчужника (33,4%), пояски, валики с елочкой из наклонных насечек, резные линии, елочки (по 10,0%). Узоры сосудов в большинстве случаев состоят из четырех и более различных мотивов (65,0%).

Пятая группа (лощенные горшки с каннелюрами по шейке). Представлена обломками не менее 22 сосудов. Все сосуды – сильно- (70,6%) и слабопрофилированные (29,4%) горшки. Основными зонами орнаментации являются основание шейки (54,8%) и плечики (45,2%). Зафиксировано использование двух техник нанесения орнамента: каннелирование (71,4%) и резная (28,6%). Применялись лишь четыре мотива орнамента: узкие горизонтальные каннелюры (от трех до пяти), горизонтальная резная косая сеточка, линии из резных равнобедренных треугольников, горизонтальный резной зигзаг. Преобладают узоры, состоящие из четырех различных мотивов орнамента (55,6%).

Шестая группа (гибридная керамика – саргаринско-дандыбаевская). Представлена фрагментами 12 сосудов. Присутствуют только сильно- и среднепрофилированные горшки. Основной зоной орнаментации является тулово (53,3%). Доминирует техника штампования (присутствует на всех фрагментах). Наиболее часто употреблялись горизонтальные линии (23,7%), треугольники (19,1%), ленты и треугольные фигуры из лент (по 19,0%). Преобладают узоры, состоящие из четырех различных мотивов орнамента (60,0%).

Определенное сходство посуда данной группы демонстрирует с бегазы-дандыбаевскими комплексами Казахстана. Сближает данную керамику сходство в мотивах декора (андроноидный геометризм, «шахматный» орнамент, пояски) и в композиционных схемах. Вместе с тем имеются черты, не позволяющие однозначно интерпретировать данную посуду как бегазы-дандыбаевскую: 1) небрежность в изготовлении и орнаментации; 2) нехарактерные для бегазы-дандыбаевских сосудов формы; 3) преимущественное использование в качестве орнамента среднезубчатого гребенчатого штампа, а не специфичного мелкозубчатого косоугольного штампа. Как нам кажется, наиболее вероятно саргаринско-алексеевское происхождение данной группы посуды, как имитации бегазы-дандыбаевской [Папин, Ломан, Степанова, Федорук, 2015].

Седьмая группа (дандыбаевская). Представлена одним фрагментом тулова сосуда, орнаментированным горизонтальной линией из оттисков мелкозубчатого штампа и пояском из наклонных оттисков такого же штампа. Сходство данного фрагмента с дандыбаевской керамикой казахстанских памятников проявляется в специфичности использованного орнамента.

Восьмая группа (круговая керамика). Представлена восемью фрагментами сосудов, изготовленных с использованием гончарного круга. Нет возможности достоверно судить о форме сосудов в связи с их малочисленностью и сильной фрагментированностью. Фрагменты не орнаментированы, однако, в ряде случаев покрыты ангобом. Можно предположить, что они не украшались каким-либо орнаментом, так как их декором был ангоб.

Девятая группа (андроновская керамика). Представлена 65 фрагментами сосудов. Детальный анализ данной группы посуды будет дан в отдельной работе.

Десятая группа (керамика неясной культурной принадлежности). Представлена четырьмя фрагментами сосудов, различающихся по форме, технике орнаментации и декору.

Одиннадцатая группа (керамика переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку). Представлена шестью фрагментами горшков и банок. В орнаментации везде присутствует разнотипный жемчужник в сочетании с поясками из косых насечек, елочки из оттисков гладкого штампа, валика с елочкой из насечек.

Двенадцатая группа. Представлена одним фрагментом керамики, орнаментированным горизонтальной елочкой из оттисков угла гребенчатого штампа (грубо изготовленного), ниже – поясками из наклонных вдавлений палочкой, еще ниже – тремя поясками из наклонных оттисков угла того же гребенчатого штампа. Орнаментальная композиция фрагмента типична традициям декорирования посуды носителями корчажкинской культуры.

Исходное сырье и формовочные массы

Технико-технологическое исследование керамики поселения Жарково-3 осуществлялось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978; 1999]. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций на следующих ступенях производственного процесса: отбор исходного сырья, подготовка формовочных масс, конструирование*. В рамках поставленной задачи рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; 2) выявление местных и неместных культурных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс;

* Изучение особенностей исходного сырья и рецептуры формовочных масс проводилось к.и.н. Н.Ф. Степановой, конструирования сосудов – к.и.н. В.Г. Ломаном.

3) выделение культурных традиций в навыках конструирования сосудов; 4) признаки смешения культурных традиций по всем отмеченным направлениям. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались свежие изломы и поверхности образцов. При изучении исходного сырья устанавливались степень железненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени железненности глин фрагменты сосудов дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Для технико-технологического анализа исходного сырья и формовочных масс предоставлено 177 фрагментов от 165 сосудов, которые различаются по культурно-хронологическим признакам: андроновская (48 экз.), дандыбаевская (?) (1 экз.), донгальская (38 образцов от 28 сосудов), «ирменско-донгальская» (10 экз.), ирменская (17 экз.), «каннелюрная» (10 экз.), корчажкинская (1 экз.), неясной культурно-хронологической принадлежности (4 экз.), переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (6 экз.), «саргаринско-дандыбаевская» (12 образцов от 9 сосудов), саргаринская (25 образцов от 24 сосудов) и шесть фрагментов керамики от сосудов, сделанных с помощью гончарного круга (рис. 2–9).

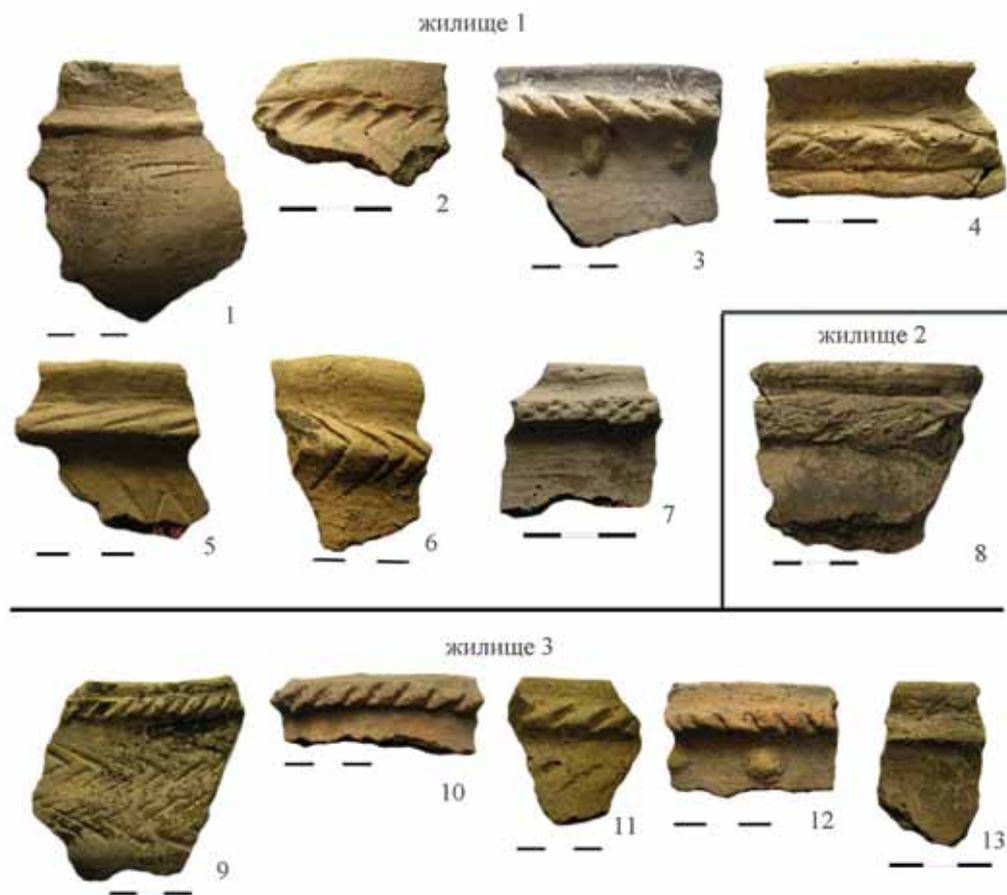

Рис. 2. Жарково-3. Керамика донгальской группы: сосуды 51 (1), 52 (2) 53 (3), 54 (4), 55 (5), 56 (6), 57 (7), 58 (8), 59 (9), 60 (10), 61 (11), 62 (12), 63 (13)

В результате исследований выявлены общие культурные традиции как для отдельных групп керамики, так и для памятника в целом.

Донгальская керамика. Всего исследовано 36 образцов от 28 сосудов (венчики, фрагменты тулова) из трех жилищ, двух зольников и объекта из квадрата №9–12.

Исходное сырье. Для изготовления посуды использовались ожелезненные глины, преимущественно среднеожелезненные и, как исключение, слабоожелезненные, – 11% (по одному сосуду из зольника, жилища №3 и раскопа №2, зольника из раскопа №2). Преобладало пластичное сырье (61%), хотя и доля среднепластичного значительна – 39%. Выделяется керамика из жилища №3, где подобное сырье составляет 80%, в зольнике из раскопа №2 из такого сырья изготовлено 50% сосудов, но в жилище №1 оно составляет всего 14%. Из естественных примесей зафиксирован песок, как правило, пылевидный и меньше 1 мм. Крупные частицы от 1 до 2 мм встречаются как исключение. В отдельных случаях выявлены остроугольные кварцевые частицы. Такая естественная примесь, как бурый железняк (БЖ), обнаружена всего в 28,5% сосудов. По этому признаку выделяется исходное сырье из зольника раскопа №2, где в 57% образцов отмечен БЖ. В нескольких случаях в сырье зафиксированы обломки раковины (жилище №1 (№53), зольник из раскопа №2 (№71), жилище №3 (№62 и 63), зольник (№77) (рис. 2.-3, 12–13; 3.-5, 17), в жилище №1 (№54) фрагменты косточки, вероятнее всего, рыбы (рис. 2.-4).

Формовочные массы. Выявлены три рецепта: «глина + шамот + органика» (57%), «глина + дресва + органика» (11%), «глина + дресва + шамот + органика» (32%). Органика представлена, как правило, растворами.

Рецепт «глина + шамот + органика» составляет большинство во всех объектах (кроме жилища №2, где найден всего один сосуд). Шамот некалиброванный, как правило, частицы его от 1 до 3 мм, концентрация от 1 : 3 до 1 : 5–6, но преимущественно 1 : 4–5. Шамот обычно отличается по ожелезненности от исходного сырья сосудов, в которые он добавлен. Нередко для шамота одного изделия использовано несколько сосудов, которые различаются по ожелезненности, наличию и количеству песка, искусственным примесям.

Необходимо отметить четыре сосуда, в которых был шамот из неожелезненного или слабоожелезненного сырья, нехарактерного для данной коллекции: жилище №3 (№60, рис. 2.-10); зольник из раскопа №2, (№68 и 69, рис. 3.-14–15), зольник (№84, рис. 3.-10). Выделяется также фрагмент сосуда (жилище №3 (№61), рис. 2.-11) из слабоожелезненного сырья с сильноожелезненным шамотом.

Рецепт «глина + дресва + органика» зафиксирован в трех сосудах: жилище №1 (№56, рис. 2.-6); жилище №3 (№58, 59, рис. 2.-8–9); зольник (№80, рис. 3.-8).

Рецепт «глина + дресва + шамот + органика» выявлен в образцах из жилищ №1 и 3 и обоих зольников. Немного чаще в процентном отношении он встречается в зольнике из раскопа №2.

Дресва обычно некалиброванная (размерностью до 3 мм, в отдельных случаях до 2 мм). Концентрация дресвы – от 1 : 3–4 до 1 : 5. Необходимо отметить, что зафиксированы случаи, когда в шамоте была дресва: жилище №1 (№52, 53, 54, 57, рис. 2.-4, 7), зольник (№77, рис. 3.-5), зольник из раскопа №2 (№68, рис. 3.-14).

В целом в группе донгальской керамики преобладает рецепт «глина + шамот + органика» (57%), однако и доля смешанного рецепта высока (32%). Кроме того, в ряде случаев в шамоте зафиксирована дресва. Это дает основание отмечать смешение культурных традиций и, возможно, появление нового населения, добавляющего в формовочные мас-

сы дресву, а также замену традиции использования дресвы применением шамота. Сравнение керамики из разных объектов показало, что имеются некоторые различия. В частности, в жилищах №3 и 1 преобладает рецепт «глина + шамот + органика», но в жилище №1 в шамоте обнаружена дресва в 57% образцов, а в общей сложности в 86% образцов выявлена дресва (смешанный рецепт + дресва в шамоте). В жилище №3 преобладает среднепластичное сырье, а в жилище №1 – пластичное сырье. В жилище №2 сосуд один, но с «чистым» рецептом «глина + дресва + органика». Особого внимания заслуживает тот факт, что в нескольких случаях по исходному сырью шамота и сосудов имеются отличия. В частности, для получения шамота использованы сосуды из нежелезненных глин, необычных для памятника. По нескольким признакам в этой группе керамики выделяются сосуды из зольника раскопа №2 (№68–69, рис. 3.-14–15). Кроме того, необходимо особо отметить эти три образца, так как в них зафиксирован раствор с минеральным веществом красного цвета. После обжига при 850 °С «пленка» не исчезает, цвет меняет оттенок незначительно. Подобные случаи выявлены и в керамике из Рублево-6.

Саргаринско-алексеевская керамика. Исследовано 25 образцов от 24 сосудов: зольник – 11 экз., жилище №1 – 2 экз.; жилище №2 – 2 экз.; жилище №3 – 2 экз., зольник из раскопа №2 – 8 экз.

Исходное сырье. Для изготовления посуды использовалось железненное исходное сырье: среднежелезненное – 71%, слабо- и сильножелезненное – соответственно 25 и 4%. Сосуды из пластичного сырья составляют 50%, среднепластичного или запесоченного (с мелким пылевидным песком) – 50%. Фрагмент из сильножелезненной глины происходит из зольника, слабожелезненной – из жилища №2 и зольника раскопа №2. Из естественных примесей, кроме песка, встречаются БЖ и обломки створок раковины (по 42%).

Формовочные массы. Выявлены четыре рецепта: «глина + шамот + органика» (58%), «глина + дресва + органика» (8%), «глина + шамот + дресва + органика» (29%), «глина + шамот + дресва + органика + раковина» (4%). Последний рецепт выделяется минимальным количеством дресвы.

Шамот из одного сосуда нередко различается по железненности. Как исключение встречается нежелезненный шамот (№154, рис. 4.-22 (зольник), №170, рис. 4.-13 (зольник из раскопа №2)), слабожелезненный (№155, рис. 4.-23 (зольник)). Концентрация шамота – от 1 : 3–4 до 1 : 5. Размер частиц – как правило, до 2–3 мм. Выделяются образцы №152 (рис. 4.-20) из зольника – с мелким шамотом, и сосуд №147 (рис. 4.-16) из зольника, в котором шамот до 5 мм. В 37,5% шамота выявлена дресва, в 8,3% – шамот. Нередко фиксируется естественная примесь пылевидного песка.

Дресва также чаще некалиброванная – до 3 мм. Концентрация ее – от 1 : 3 до 1 : 5, преимущественно 1 : 5.

В целом преобладает рецепт с шамотом, хотя велика и доля смешанного рецепта (29%), отражающего смешение культурных традиций. Необычный рецепт «глина + шамот + дресва + органика + раковина» выявлен всего в одном сосуде (№160, рис. 4.-2, жилище №1). Концентрация раковины достигает 1 : 5–6, а дресвы – минимальна. Этот рецепт не характерен как для данной группы керамики, так и для памятника в целом. Нельзя не отметить, что в этой группе керамики из среднепластичного или запесоченного (с мелким пылевидным песком) исходного сырья изготовлено 50% сосудов, а из слабожелезненного – 25%.

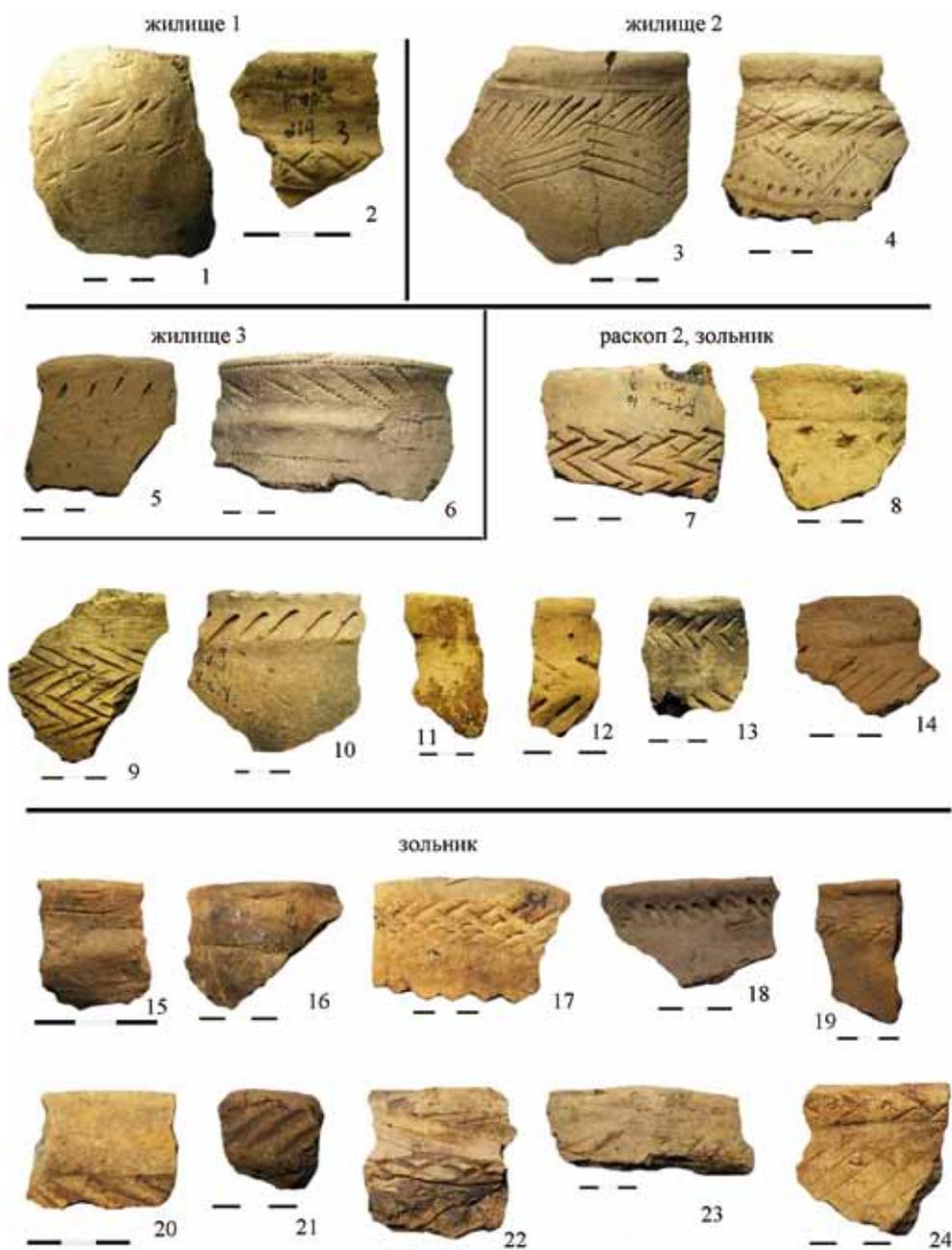

Рис. 4. Жарково 3. Керамика саргаринско-алексеевской группы: сосуды 159 (1), 160 (2), 161 (3), 162 (4), 163 (5), 164 (6), 165 (7), 172 (8), 166 (9), 171 (10), 167 (11), 168 (12), 170 (13), 169 (14), 149 (15), 147 (16), 148 (17), 150 (18), 151 (19), 152 (20), 153 (21), 154 (22), 155 (23), 156 (24)

«Саргаринско-дандыбаевская» керамика. Всего исследовано 12 образцов, по-видимому, от восьми сосудов (из жилища №1 – 7 экз., из зольника – 3 экз., из квадратов №9–12 – 2 экз.).

Исходное сырье. Все сосуды изготовлены из ожелезненного сырья, в том числе №141 (рис. 5.-2) (12,5%) – из сильноожелезненного. К пластичному сырью может быть отнесено исходное сырье 87,5% образцов и к среднепластичному – 12,5%. Бурый железняк выявлен в 25% изделий (№136, 138, рис. 5.-9, 12), естественная примесь в виде обломков створок раковины – в 25% (№137, 139, рис. 5.-10–11), в одном случае отмечен мелкий фрагмент кости, вероятнее всего, рыбы (№144, рис. 5.-5).

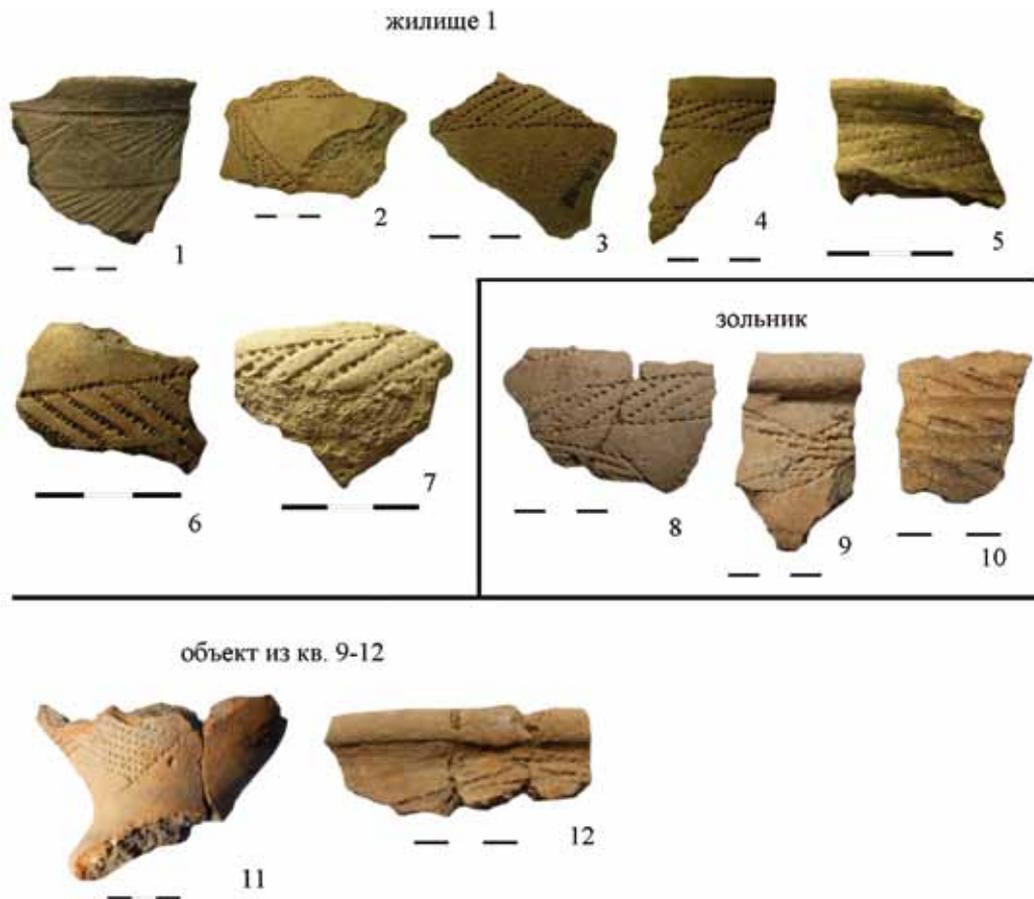

Рис. 5. Жарково 3. Керамика «саргаринско-дандыбаевской» группы: сосуды 140 (1), 141 (2), 142 (3), 143 (4), 144 (5), 146 (6), 145 (7), 135 (8), 136 (9), 137 (10), 139 (11), 138 (12)

Формовочные массы. Зафиксировано три рецепта: «глина + дресва + органика» (№141, рис. 5.-2) – 12,5%; «глина + шамот + органика» (№137, 146, рис. 5.-6, 10) – 25%; «глина + дресва + шамот + органика» – 62,5%.

Размерность частиц как шамота, так и дресвы колеблется от 1 до 3 мм. Концентрация – 1 : 4–5 или 1 : 5, но в сосуде №141 концентрация дресвы – до 1 : 3, а частицы не превышают 2 мм. Особо отметим, что в №137 шамот разный по ожелезненности, в том числе и неожелезненный, т.е. из качественно разного сырья.

Преобладает рецепт, отражающий смешение культурных традиций применения минеральных примесей. В то же время отмечается использование нескольких источ-

ников исходного сырья, но предпочтение отдавали среднежелезненным пластичным глинам. По нескольким признакам выделяются сосуды №137 и 141.

«Ирменско-донгальская» керамика. Всего 10 образцов от 9 сосудов, в том числе из жилища №1 (2 экз.), жилища №3 (2 экз.), из зольника (3 экз.) и зольника из раскопа №2 (3 экз.).

Исходное сырье. Использовались ожелезненные среднепластичные глины, преимущественно среднежелезненные (78%). Выделяются образцы №88 (рис. 6.-3) из сильноожелезненного (11%) и №91 (рис. 6.-7) из слабоожелезненного сырья (11%). Среднепластичные глины также составляют 78%, пластичные и низкопластичные – по 11% (№94 и 91, рис. 6.-7–8). Песок, от пылевидного до крупного, зафиксирован только в №87 (рис. 6.-2). БЖ нет в 33% образцов (№91, 89, 93, рис. 6.-1, 7, 9), много БЖ в 11% (№94). В целом по двум и больше признакам выделяются образцы №87, 91, 94 (рис. 6.-2, 7–8).

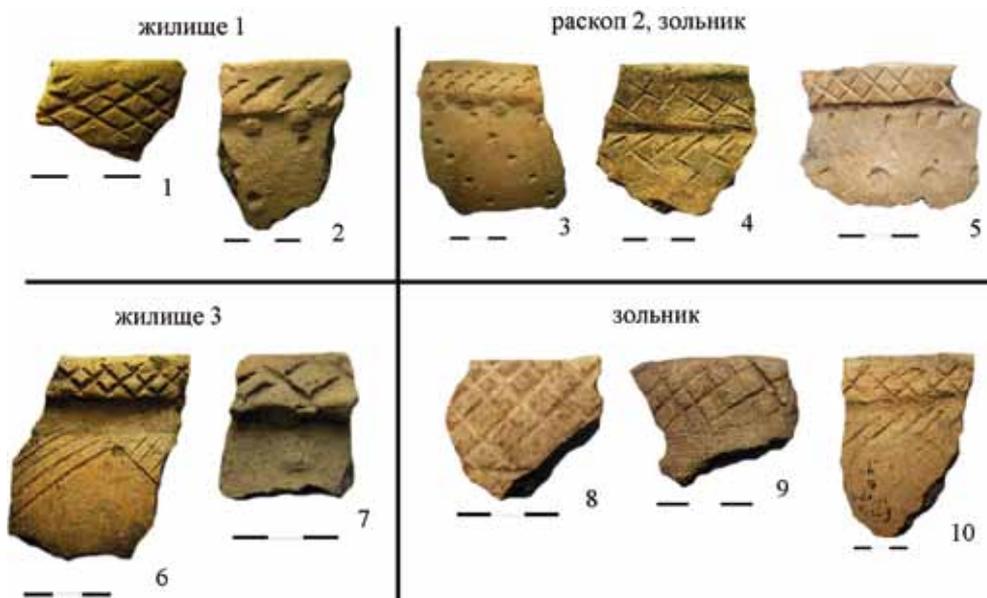

Рис. 6. Жарково 3. Керамика «ирменско-донгальской» группы: сосуды 89 (1), 87 (2), 88 (3), 95 (4), 96 (5), 90 (6), 91 (7), 94 (8), 93 (9), 92 (10)

Формовочные массы. Зафиксирован один рецепт: «глина + шамот + органика». Концентрация шамота – 1 : 4 и 1 : 5, в одном случае – 1 : 3 (№87, рис. 6.-2). Шамот, как правило, крупный, исключение составляют два сосуда – №93 и 94 (средний, рис. 6.-8–9).

В шамоте выявлена дресва в №87 (рис. 6.-2), слабоожелезненный шамот – в №95, 91, 96 (рис. 6.-4, 5–7), из естественных примесей – песок (№87, 90, 91, 93, 95, рис. 6.-2, 5–7, 9), БЖ (№93). Как правило, в одном образце шамот различается по ожелезненности. В ряде случаев (44,5%) шамот из пластичного исходного сырья, в отличие от исходного сырья сосудов №90, 91, 93, 95 (рис. 6.-5–7, 9). Обращает внимание, что в одном образце (№48) нет БЖ, а в его шамоте есть БЖ. В сосуде №87 одна из частиц шамота лощеная.

Итак, несмотря на то, что среднепластичные и среднежелезненные глины составляют по 78%, они, как правило, из разных залежей. Зафиксирован один рецепт, что говорит об устойчивости навыков составления формовочных масс, а дресва в шамоте

в одном из сосудов – о смешении традиций и доминировании навыков в использовании шамота. Применение нескольких источников сырья для такого небольшого количества сосудов, а также отличия исходного сырья шамота, вероятно, свидетельствуют об освоении новых территорий. В целом по нескольким признакам выделяются образцы №87, 91, 93, 94, 95 (рис. 6.-2, 5, 7, 9). Смешение традиций фиксируется по наличию дресвы в шамоте из сосуда №87.

Ирменская керамика. Исследованы 17 образцов от 16 сосудов: из зольника – 4 экз., жилища №1 – 9 экз. и жилища №3 – 4 экз. (рис. 7).

Исходное сырье. Использовалось среднежелезненное сырье, различающееся по пластичности: среднежесткое и пластичное (по 50%). В сырье встречаются песок, бурый железняк, обломки раковины (№98 (жилище №1), №106, 108 (жилище №3), №111 (зольник)) (рис. 7.-2, 10, 12, 14).

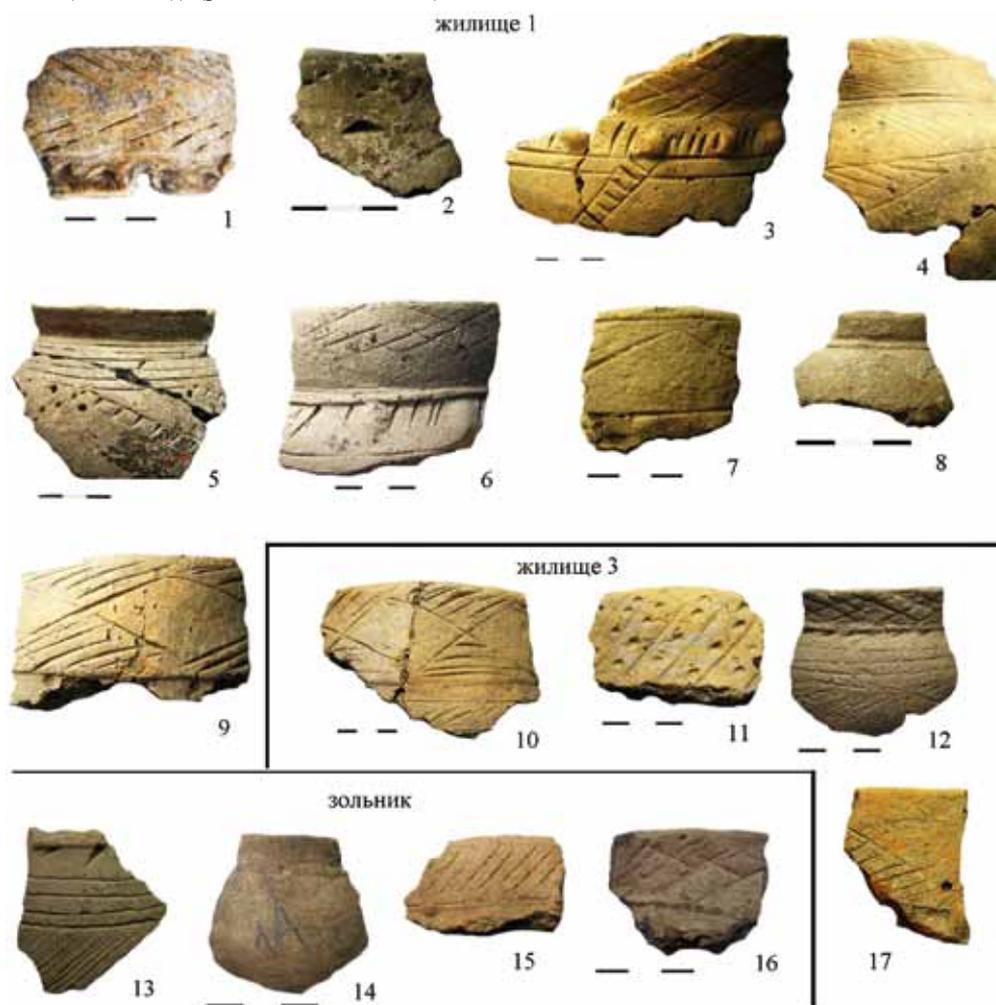

Рис. 7. Жарково 3. Керамика ирменской группы: сосуды 97 (1), 98 (2), 99 (3), 100 (4), 101 (5), 102 (6), 104 (7), 105 (8), 103 (9), 106 (10), 107 (11), 108 (12), 110 (13), 111 (14), 113 (15), 112 (16), 109 (17)

Формовочные массы. Зафиксировано два рецепта: «глина + шамот + органика» (94%) и «глина + дресва + шамот + органика» (6%).

Концентрация шамота – как правило, 1 : 4 и 1 : 4–5. Шамот некалиброванный: от 1 до 2 и от 1 до 3 мм. В двух образцах – до 1 мм (жилище №1 (№105) и зольник (№111), рис. 7.-8, 14).

Исходное сырье шамота часто отличается от исходного сырья сосуда по ожелезненности. В шамоте встречаются шамот (три образца) и дресва (два) и из естественных примесей – песок.

Итак, отмечаются использование нескольких источников сырья, различающихся по своим характеристикам, а также смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей. Навыки добавления дресвы, вероятно, относятся к угасающим и связаны с появлением нового населения.

«Каннелюрная» керамика. Всего девять образцов: 5 экз. из раскопа №2, 3 экз. из зольника и 1 экз. из жилища №1 (рис. 8).

Рис. 8. Жарково 3. Керамика «каннелюрной» группы: сосуды 121 (1), 119 (2), 120 (3), 121 (4), 114 (5), 115 (6), 116 (7), 117 (8), 118 (9)

Исходное сырье. Использовалось ожелезненное сырье, в основном среднежелезненное, незначительно различающееся по цвету, и в одном случае – слабожелезненное (11% – №123, жилище №1). По пластичности оно относится к низко- и среднепластичному, и лишь в одном образце может быть отнесено к пластичному (зольник (№120), рис. 8.-3). Как правило, песок пылевидный, т.е. очень мелкий. Как исключение встречаются частицы размером до 1 мм. На этом фоне выделяется образец из раскопа №2 (№115, рис. 8.-6), где песок по размерности очень различается: пылевидный – в концентрации до 1 : 2 и мелкий – до 1 мм (1 : 4).

Выделяется исходное сырье образцов №119, 121 (рис. 8.-1–2) (зольник), которое отличается от остальной серии этой группы керамики тем, что содержит естественную примесь речного песка с диаметром песчинок около 0,5 мм. Однако сосуды разные: совсем разный шамот по размерности, концентрации, исходному сырью и другим признакам. Отмечаются различия в изготовлении сосудов, но большая вероятность использования одного источника сырья.

Формовочные массы. Зафиксированы два рецепта: «глина + шамот + органика» (55,5%) и «глина + шамот + дресва + органика» (44,5%). Однако во всех случаях дресвы очень мало – менее 1 : 5. Большая вероятность, что она из шамота.

Концентрация шамота – от 1 : 3–4 (зольник, №121) до 1 : 4 и 1 : 5. Размерность частиц – до 1 мм (44,5%), некалиброванные, от 1 до 3 мм (44,5%) и в одном случае (11%) – крупные, до 3 мм (зольник, №121).

Исходное сырье шамота и сосуда по ожелезненности обычно отличается, в нескольких случаях зафиксирован слабоожелезненный шамот (№114 – раскоп №2; №120, 121 – зольник, рис. 8.-1–2, 5). В шамоте отмечен песок естественный, в одном случае – шамот (зольник, №121) и в другом – дресва (жилище №1, №123).

Необходимо особо отметить, что в образце №123 (жилище №1) зафиксирован раствор с минеральным веществом красного цвета, аналогичный образцам донгальской керамики.

Итак, особенностью этой группы керамики является незначительное использование пластичного сырья. Основной минеральной примесью, применяемой гончарами, был шамот. Большая вероятность, что дресва в некоторых сосудах не добавлялась целенаправленно, а ее наличие в формовочных массах связано с шамотом, что свидетельствует об угасании этой традиции.

Дандыбаевская керамика. Исследован один фрагмент из зольника (№49) (рис. 9.-7). Сосуд изготовлен из среднеожелезненного пластичного сырья, в котором из естественных примесей отмечены бурый железняк (БЖ) и пылевидный песок. В исходное сырье добавлены среднеожелезненный шамот (размер частиц до 2 мм) и органический раствор (глина + шамот + органика). Концентрация шамота 1 : 4–5. По ожелезненности исходное сырье шамота почти не отличается от исходного сырья сосуда.

Корчажкинская керамика. Исследован один фрагмент венчика из зольника раскопа №2, изготовленный из ожелезненного исходного сырья с мелким пылевидным песком (рис. 9.-8). Из естественных примесей встречается оолитовый бурый железняк, как крупный, так и мелкий. Кроме того, выявлены отдельные кварцевые окатанные частицы размерами до 2 мм. Подобные частицы зафиксированы в шамоте. Не исключено, что в исходное сырье образца они попали из шамота, так как их немного и отмечается большая разница в размерах частиц.

В глину введены крупный шамот в концентрации 1 : 4 и органика (глина + шамот + органика). Шамот от разных сосудов, которые различаются не только по ожелезненности, но и по качественному составу сырья, так как шамот ожелезненный, слабоожелезненный и неожелезненный. В шамоте также зафиксирован средне- и слабоожелезненный шамот, кроме того, выявлены кварцевые окатанные частицы размерами до 2 мм.

Керамика неясной культурной принадлежности. К этой группе отнесено четыре фрагмента.

Три фрагмента из зольника:

- 1) №125 (рис. 9.-9). Глина среднепластичная среднежелезненная + шамот + органика;
- 2) №126 (рис. 9.-11). Глина пластичная среднежелезненная + шамот + органика, в шамоте зафиксирована дресва;
- 3) №127 (рис. 9.-10). Глина среднепластичная среднежелезненная + шамот + органика.

Один фрагмент из зольника раскопа №2 (№128, рис. 9.-12): глина среднежелезненная + дресва крупная (до 3 мм) (1 : 4) + шамот средний (до 2 мм) (1 : 5) + органика. Смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей отмечено в одном образце из зольника раскопа №2 (№128).

Керамика переходного облика от эпохи бронзы к раннему железному веку. Всего исследованы шесть образцов от шести сосудов: зольник – 2 экз., жилище №1 – 1 экз., жилище №2 – 2 экз., зольника из раскопа №2 – 2 экз.

Исходное сырье. Все сосуды изготовлены из среднежелезненного сырья, 50% – из пластичной и 50% – из среднепластичной глины. Только в одном образце зафиксирован бурый железняк (17%). Песок мелкий (пылевидный) есть во всех образцах, но концентрация его различна. В 83% сосудов зафиксированы обломки створок раковины и в 17% – мелкая улитка (до 1 мм).

Рис. 9. Жарково 3. Керамика: сосуды 133 (1), 134 (2), 131 (3), 132 (4), 129 (5), 130 (6) – переходного времени от бронзы к железу; дандыбай 49 (7); корчажка – 124 (8); неясной культурной принадлежности – 125 (9), 127 (10), 126 (11), 128 (12)

Формовочные массы. Отмечены два рецепта: глина + шамот + органика (83%) и глина + дресва + шамот + органика (17%).

Шамот некалиброванный, но размер частиц в основном не более 2 мм. Концентрация шамота – от 1 : 4 до 1 : 5. В шамоте выявлены шамот (№133 и 134, рис. 9.-1) и песок естественный (№131–134, рис. 8.-1, 3–4).

В смешанном рецепте концентрация дресвы – 1 : 5, шамота – меньше 1 : 5. Размерность частиц – до 3 мм, но размерность шамота преимущественно 1–2 мм.

Итак, отмечаются использование нескольких источников сырья, применение шамота как основной культурной традиции, а также смешение культурных традиций по применению минеральных примесей.

Керамика, изготовленная с помощью гончарного круга. Исследованы шесть образцов от шести сосудов, из них один венчик, остальные фрагменты тулова: из жилища №1 – 2 экз., жилища №2 – 1 экз., из зольника (№173–175) – 3 экз. Фрагменты различаются между собой по толщине и цвету: венчик массивный (толщиной до 1,4–1,6 см), образец №178 – также до 1,7 см, два фрагмента тонкостенные (до 0,5–0,6 см) и у двух толщину определить невозможно. По цвету: три красных (№173, 176, 177), два черных (№174, 178) и один неопределенного (серо-зеленовато-болотного) цвета (№175).

Исходное сырье различается по ожелезненности и количеству мельчайших кварцевых частиц. По размерам естественных примесей оно относится к очень тонким (размер естественных примесей меньше 0,5 мм) формовочным массам [Бобринский, 1978, с. 89]. В большинстве образцов пылевидный песок составляет от 1 : 2–3 до 1 : 1, в остальных его меньше. Из естественных примесей встречается и БЖ. В образцах №173, 174, 176 – БЖ охристого типа. Выделяются фрагменты №177, где БЖ почти нет, и №174, где БЖ много. Во всех образцах зафиксированы мелкие остатки растительности.

Сырье в основном слабоожелезненное, а в образце №175 неожелезненное. В двух образцах отмечено смешение двух глин – неожелезненной и ожелезненной (№173 и 176).

Все сосуды изготовлены из разных замесов.

Конструирование

Для проведения технико-технологического анализа с целью изучения способов конструирования по методике А.А. Бобринского было отобрано 47 экз., подходящих по размерам, в том числе фрагменты тулова с венчиками от 41 сосуда и фрагменты придонных частей от шести сосудов.

Зафиксированные по фрагментам верхних частей сосудов способы конструирования полого тела относятся к пяти видам:

- лоскутно-комковатый (58,5%), варианты: а) из одного слоя лоскутов (45,8%); б) из двух слоев лоскутов (54,2%);
- лоскутно-спиральный (14,6%), варианты: а) из одного слоя лоскутов (83,3%); б) из двух слоев лоскутов (16,7% – 1 экз., рис. 5.-1);
- спирально-жгутовой (12,2%);
- жгутовой кольцевым налепом (4,9% – 1 экз., рис. 4.-10);
- ленточный (9,8%).

Валики на сосудах налепные, из глиняных жгутиков. «Воротнички» также созданы путем прилепливания снаружи на верхний край емкости дополнительного гли-

няного жгутика (донгальская группа – рис. 3.-8) или глиняной ленты («ирмено-донгальская» группа – рис. 6.-3–6, 10).

Выделено несколько групп сосудов, каждая из которых была изготовлена, возможно, одним мастером:

1) «ирмено-донгальская» керамика: среднежелезненная среднепластичная глина + крупный среднежелезненный шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и полое тело, сконструированное из глиняных лент (рис. 6.-6, 10);

2) ирменская керамика: среднежелезненная среднепластичная глина с естественной примесью крупного оолитового бурого железняка + крупный среднежелезненный шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и полое тело, изготовленное в кожаной форме-емкости лоскутно-комковатым способом в два слоя лоскутов (рис. 7.-3, 6);

3) керамика, отнесенная к переходу от финальной бронзы к раннему железному веку: среднежелезненная среднепластичная глина с естественной примесью обломков раковин пресноводных моллюсков + средний шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и лоскутно-комковатое полое тело (рис. 9.-4–5).

Традиции обработки поверхности были изучены по фрагментам верхних частей 19 образцов. Определены следующие способы: лощение по сухой основе (2 экз.), лощение по подсушенной основе (2 экз.), заглаживание деревянным ножом (2 экз.), кожей (5 экз.), пальцами (3 экз.), щепкой (2 экз.), костяной палочкой (2 экз.), заглаживание внешней поверхности тканью, а внутренней – щепкой (1 экз.). Один из сосудов был покрыт снаружи тонким слоем глиняной обмазки (рис. 4.-18).

С целью получения дополнительной информации изучались наиболее крупные фрагменты придонных частей от шести сосудов. Выявлены два вида исходного сырья:

1) среднежелезненные глины – 4 экз.;

2) сильножелезненные среднепластичные глины – 2 экз.

В среднежелезненных глинах выделяются глины пластичные (2 экз.) и среднепластичные (2 экз.).

Отмечено три рецепта формовочных масс:

1) глина + дресва + навоз в малой концентрации – 1 экз.;

2) глина + шамот + навоз в малой концентрации – 4 экз.;

3) глина + дресва + шамот + навоз в малой концентрации – 1 экз.

Дресва использовалась мелкой размерности в концентрации 1 : 5 и средней в концентрации 1 : 4. Шамот добавлялся только средней размерности в концентрациях 1 : 4 и 1 : 5. Исходное сырье его в двух случаях было слабожелезненным, в двух – среднежелезненным и в одном – сильножелезненным.

Выделены три технологических схемы, по которым конструировались сосуды:

1 – емкостный лоскутно-комковатый начин с лоскутно-комковатым полым телом (1 экз.). Днище было изготовлено из двух слоев лоскутов;

2 – емкостный лоскутно-комковатый начин с лоскутно-комковатым полым телом из двух слоев лоскутов (1 экз.);

3 – донно-емкостный спирально-жгутовой начин со спирально-жгутовым полым телом (4 экз.).

Полное совпадение в традициях отбора исходного сырья, составления формовочной массы (в том числе отбор породы дресвы), а также конструирования позво-

лило установить принадлежность двух фрагментов придонных частей и двух фрагментов с венчиками к одним и тем же сосудам и описать их технологическую схему в полном виде:

– рис. 4.-18 (саргаринско-алексеевская группа) – сильноожелезненная среднепластичная глина + средняя дресва из белого кварцита в концентрации 1 : 4 + навоз в малой концентрации и донно-емкостный спирально-жгутовой начин со спирально-жгутовым полым телом + внешний слой глиняной обмазки;

– рис. 3.-11 (донгальская группа) – среднеожелезненная пластичная глина + мелкая дресва в концентрации 1 : 5 + средний среднеожелезненный шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и емкостный лоскутно-комковатый начин с лоскутно-комковатым полым телом. Днище, изготовленное из двух слоев лоскутов, изнутри обтачивалось деревянной палочкой диаметром 4 мм. Поверхности заглажены кожей.

По морфологическим признакам керамика поселения относится к нескольким культурным группам: ирменской, валиковой (саргаринско-алексеевской и донгальской), а также к возникшей на основе их смешения группе, которую мы условно называем «ирменско-донгальской».

Технико-технологический анализ показал, что сами они, в свою очередь, являлись неоднородными по составу. Так, ирменская керамика была изготовлена гончарами с тремя различными навыками конструирования полого тела: 1 – из лент; 2 – лоскутно-комковатым способом в два слоя; 3 – лоскутно-спиральным. Последним способом был изготовлен только один сосуд из исследованных ирменских, что, вероятно, означает его неместное происхождение (рис. 7.-4).

«Валиковая» керамика также принадлежала трем разным по происхождению группам гончаров: 1 – с навыками изготовления спирально-жгутового полого тела; 2 – лоскутно-комковатого; 3 – лоскутно-спирального (1 экз. – рис. 2.-12). Анализ формовочных масс показал, что наряду с «чистыми» рецептами, только с дресвой и только с шамотом, в саргаринско-алексеевской и донгальской посуде присутствует и смешанный рецепт – с дресвой и шамотом вместе. Наличие смешанного рецепта фиксирует проходивший на поселении процесс культурного смешения самих носителей различных традиций в области составления формовочных масс.

Небольшая часть керамики Жарково-3, имеющая своеобразие во внешнем облике и некоторые особенности в технологии изготовления, является, скорее всего, привозной:

1) саргаринско-алексеевская группа – рис. 4.-10 (среднеожелезненная непластичная глина + средняя дресва в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и полое тело, сконструированное из жгутов по кольцевой траектории);

2) донгальская группа – рис. 2.-12 (среднеожелезненная пластичная глина с естественной примесью обломков раковин пресноводных моллюсков + крупный шамот в концентрации 1 : 5 + крупная дресва в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и спирально-лоскутное полое тело);

3) сосуды из группы «саргаринско-дандыбаевская керамика»: а) рис. 5.-1 (среднеожелезненная среднепластичная глина + мелкий шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в небольшой концентрации и двухслойное лоскутно-спиральное полое тело); б) рис. 5.-8 (сильноожелезненная среднепластичная глина + мелкая дресва в концентрации 1 : 4 + навоз в малой концентрации и лоскутно-спиральное полое тело);

4) керамика корчажкинской культуры – рис. 9.-8 (среднежелезненная пластичная глина + крупный шамот в концентрации 1 : 4 + навоз в малой концентрации и полое тело, сконструированное из жгутов по кольцевой траектории);

5) так называемая «каннелюрная» керамика – рис. 8.-5 (среднежелезненная низкопластичная глина + мелкий шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и двухслойное лоскутно-комковатое выбитое полое тело + лощение поверхностей);

6) керамика, отнесенная к переходу от финальной бронзы к раннему железному веку, – рис. 9.-4–5 (оба сосуда: среднежелезненная среднепластичная глина с естественной примесью обломков раковин пресноводных моллюсков + средний шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и лоскутно-комковатое полое тело);

7) керамика неясной культурной принадлежности: а) рис. 9.-9 (среднежелезненная пластичная глина + мелкий шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в небольшой концентрации и лоскутно-спиральное полое тело + лощение обеих поверхностей);

б) рис. 9.-10 (среднежелезненная среднепластичная глина + мелкий шамот в концентрации 1 : 5 + навоз в малой концентрации и лоскутно-спиральное полое тело).

Заключение

Подводя итог, отметим общее и различное для разных групп керамики, а также для памятника в целом.

Исходное сырье. Для керамики поселения в целом характерно использование железного исходного сырья. Качественно другое сырье (нежелезные глины) зафиксировано только в андроновских сосудах и изделиях, сделанных на гончарном круге, а также в шамоте некоторых сосудов из донгальской, корчажкинской, «саргаринско-дандыбаевской» и саргаринской групп керамики. Как правило, преобладают среднежелезные глины, а слабожелезные зафиксированы в донгальской (11%), «ирменско-донгальской» (11%), «каннелюрной» (11%), саргаринской (25%), андроновской (8%) керамике. Сильножелезное сырье встречается еще реже: «ирменско-донгальская» (11%), «саргаринско-дандыбаевская» (12,5%), саргаринская (4%), андроновская (2%) керамика.

В целом предпочиталось пластичное исходное сырье, но использовалось и среднепластичное. Наибольшая «популярность» среднепластичного сырья была зафиксирована в «ирменско-донгальской» (78%), саргаринской (50%), «каннелюрной» (44,5%), донгальской (39%) керамике; низкопластичного – в переходной к раннему железному веку группе (50%), «каннелюрной» (44,5%), андроновской (19%), «ирменско-донгальской» (11%) керамике. Предпочтение пластичных глин отмечено по «саргаринско-дандыбаевской» (87,5%), донгальской (61%) керамике, в ирменской, переходе к раннему железному веку, саргаринской керамике (по 50%).

Формовочные массы. На памятнике зафиксировано доминирование традиции добавлять в формовочные массы шамот: «глина + шамот + органика» как единственный рецепт отмечен в «ирменско-донгальской» группе, кроме того, высок его процент в андроновской керамике (96%), ирменской (94%), переходе к раннему железному веку (83%). Самый низкий показатель этого рецепта в «саргаринско-дандыбаевской» группе (25%).

Смешанный рецепт «глина + шамот + дресва + органика» зафиксирован в большинстве выделенных групп керамики, но преобладает в «саргаринско-дандыбаевской» (62,5%), кроме того, значительное место занимает он в донгальской (32%) и саргарин-

ской (29%) группах. Нет смешанных рецептов в «ирменско-донгальской» керамике, минимально количество таких сосудов в андроновских сосудах (2%).

Рецепт «глина + дресва + органика» необычен для памятника и выявлен лишь в «саргаринско-дандыбаевской» (12,5%), донгальской (11%), саргаринской (8%) группах.

Смесь двух глин зафиксирована в круговой керамике.

Для населения поселка Жарково-3 местной культурной традицией было добавление шамота, к неместным относится применение дресвы. Наибольшее смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей выявлено в «саргаринско-дандыбаевской» керамике, не отмечено смешения навыков в использовании шамота и дресвы в «ирменско-донгальской» группе, незначительное смешение этих традиций зафиксировано в андроновской и ирменской керамике.

В результате проведенного технико-технологического анализа были получены новые данные о традициях гончарного производства на территории степной части Обь-Иртышского междуречья (степной Алтай) в период поздней бронзы. Обращает на себя внимание хорошая корреляция результатов с итогами ранее проведенного исследования материалов поселения Рублево-6. И там, и здесь мы фиксируем основной «фоновый» технологический уровень, связанный с использованием дресвы. Главным критерием, который позволяет нам установить роль различных групп населения в процессе взаимодействия, является отсутствие смешанных рецептов в «ирменской» и «ирменско-донгальской» керамике. Добавление дресвы связано с «саргаринско-дандыбаевской», донгальской и саргаринской керамикой, но нужно отметить тот факт, что именно донгальская группа в паре с «ирменско-донгальской» демонстрируют два различных подхода в использовании минеральных добавок с аналогичной технологической функцией. А так как в их основе лежит донгальская культура, привнесенная на Алтай с западных территорий современного Казахстана, логично предположить, что традиция использования дресвы была не местной, но в процессе аккультурации под влиянием «ирмени» происходит замещение дресвы полностью шамотом, что и показывает «ирменско-донгальская» группа.

Таким образом, реконструкция этнокультурных процессов, проведенная ранее на основе анализа керамики поселения Рублево-6, находит свое подтверждение в керамическом комплексе поселения Жарково-3. Проникновение с западных территорий носителей традиций «валиковой» керамики происходило на протяжении всей эпохи поздней бронзы. Но наиболее мощный импульс отмечается на начальном этапе эпохи, а в дальнейшем наблюдаются постоянная инфильтрация отдельных групп и их взаимодействие с носителями ирменской культуры.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. №1. С. 114–135.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Ч. I. С. 358–360.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 264–267.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008а. С. 5–17.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Жарково-3 // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-та, 2008б. С. 166–168.

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В., Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008в. С. 169–174.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 275–280.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 206–210.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. Вып. 2 (12). С. 115–143.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 2. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. С. 80–84.

Федорук А.С. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 3. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2007. С. 40–43.

Федорук А.С. Работы в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края в 2006 году // Археологические открытия 2006 года. М. : Наука, 2008. С. 120–121.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 113–116.

Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4. С. 106–113.

D.V. Papin, A.S. Fedoruk, V.G. Loman, N.F. Stepanova

CERAMIC COMPLEX OF THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENT ZHARKOVO-3

The article is devoted to technical and technological analysis of pottery of the Late Bronze settlement Zharkovo-3, made by the method of A. Bobrinsky. Based on the research of paste of ceramic vessels, it has been found that the pottery tradition is represented by several groups associated with population of different origin. The basis is the autochthonous technology to use grog as additives, however, there are other cultural techniques to use grit. The methods of designing vessels revealed that the technological diagram of Sargarinsko-Alekseevskaia culture appears to be dominant. Correlation of the data obtained with ornamental ceramic complex scheme allowed delineating several technological groups: “Sargarinsko-Alekseevskaia”, “Dongal”, “Irmen”, “throwing” and hybrid types in between.

Apparently, during the Late Bronze Age of Steppe Altai, ceramics manufacturing technology was based on the addition of grog, however it always experienced the impact associated with the arrival of

people from the western region, who used grit as an additive. The process is based on the interaction of the two production models: Iermenskaya and Sargarinsko-Alekseevskaya-dongalskaya models.

Key words: Zharkov-3, Ob-Irtysch interfluve, Steppe Altai, Ceramics, technical and technological analysis, Late Bronze Age.

References

Bobrinskiy A.A. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. M. : Nauka, 1978. 272 p.

Bobrinskiy A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya) [Topical Problems of Ancient Pottery Studying (Collective Monograph)]. Samara : Izd-vo SamGPU, 1999. S. 5–109.

Gening V.F. Programma statisticheskoy obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [The Programme of Statistical Processing of Ceramics from the Archaeological sites]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1973. №1. Pp. 114–135.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Issledovaniya v Tsentral'noy Kulunde [Studies in Central Kulunda]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XII]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2006. Part I. Pp. 358–360.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Issledovaniya poseleniya Zharkovo-3 v Tsentral'noy Kulunde [Studies of the Zharkov-3 Settlement in Central Kulunda]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XIII]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2007. Pp. 264–267.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Predvaritel'nye itogi issledovaniya poseleniya epokhi pozdney bronzy Zharkovo-3 [Preliminary Results of the Study of the Settlement of the Late Bronze Zharkov-3]. Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy [Ethno-cultural Processes in the Upper Ob and Neighboring Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Kontsept, 2008a. Pp. 5–17.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Prodlzhenie issledovaniy na poselenii Zharkovo-3 [Continued Research on the Settlement]. VII istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova [VII historical Reading in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2008b. Pp. 166–168.

Kiryushin Yu.F., Fedoruk A.S., Papin D.V. Predvaritel'nye itogi polevogo izucheniya poseleniya Zharkovo-3 v Tsentral'noy Kulunde [Preliminary Results of the Field Study of the Zharkov-3 Settlement in Central Kulunda]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XIV [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XIV]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2008v. Pp. 169–174.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Izuchenie pamyatnikov bronzovogo veka Kulundinskoy stepi letom 2009 goda [The study of Bronze Age Monuments of the Kulunda Steppe in Summer of 2009]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vo. XIV]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2009. Pp. 275–280.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Izuchenie pamyatnikov epokhi bronzy i rannego zheleznoogo veka v Altayskom Priob'e i stepnom Altae [The Study of the Monuments of the Bronze Age and Early Iron Age in the Altai Ob Steppe and Altai]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XV]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2010. Pp. 206–210.

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskogo kompleksa poseleniya epokhi pozdney bronzy Rublevo-VI [The Results of the Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of Late Bronze Settlement Rublevo-VI]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. Issue 2 (12). Pp. 115–143.

Fedoruk, A.S. Rezul'taty arkheologicheskogo obsledovaniya rayonov tsentral'noy i yuzhnoy Kulundy v 2005 godu [The Results of the Archaeological Survey of the Regions of Central and Southern Kulunda in 2005]. Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2005 g.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya. Vyp. 2 [Field Studies in the Upper Ob and Altai. 2005 : Archeology, Ethnography, Oral History. Vol. 2]. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2006. Pp. 80–84.

Fedoruk A.S. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Baevskom, Mi-khaylovskom i Ust'-Pristanskom rayonakh Altayskogo kraya [The Results of Archaeological Research in the Baisky, Mikhailovsky and Ust-Pristansky District of the Altai Territory]. Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2006 g.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya [Field Studies in the Upper Ob and Altai in 2006: Archaeology, Ethnography, Oral History. Barnaul : Izd-vo BGPU 2007. Issue 3. Pp. 40–43.

Fedoruk A.S. Raboty v Baevskom, Mikhaylovskom i Ust'-Pristanskom rayonakh Altayskogo kraya v 2006 godu [Work in Baisky, Mikhailovsky and Ust-Pristansky District of the Altai Territory in 2006]. Arkheologicheskie otkrytiya 2006 goda [Archaeological Discoveries in 2006]. M. : Nauka, 2008. Pp. 120–121.

Fedoruk A.S., Shamshin A.B., Ivanov G.E., Tsvitsina O.A., Raitkin S.S. Pamyatniki epokhi pozdney bronzy Kulundy (po materialam razvedki 2004 goda) [Monuments of the Late Bronze Age in Kulunda (Based on the Survey of 2004)]. Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya) 2004 g. [Field Studies in the Upper Ob and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History)]. 2004. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2005. Pp. 113–116.

Shamshin A.B., Izotkin S.L., Sitnikov S.M. Poselenie Zharkovo-1 [Zharkovo-1 Settlement]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. Tyumen', 2002. Issue 4. Pp. 106–113.

МОГИЛЬНИК НА ТЕТЮШСКОМ II ГОРОДИЩЕ В ТАТАРСТАНЕ: ПОРТРЕТНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ЧЕРЕПУ И КРАНИОЛОГИЯ ОДНОГО ПОГРЕБЕНИЯ

Описываются результаты палеоантропологического исследования одного из захоронений Тетюшского IV могильника, расположенного в городе Тетюши Тетюшского района Республики Татарстан на территории Тетюшского II городища.

На могильнике в 2003, 2007–2013 гг. изучены 13 могил, из которых в восьми были похоронены взрослые люди, а в пяти – дети. Из них точные данные имеются только по восьми погребениям. Большая часть погребений принадлежит мусульманам, в одном, возможно, похоронен христианин. Вещей в погребениях не было. Дата погребений определена по стратиграфии. По этим данным могильник датируется XV – началом XVI в. и относится к эпохе Казанского ханства. Похороненные на этом могильнике люди были жителями города Тетюши XV–XVI вв. (Тетюшское I городище).

Для исследования был взят наиболее хорошо сохранившийся скелет (погребение-2). Исследование скелета этого индивидуума и сделанная на основании этого пластическая реконструкция по черепу дает наглядное представление об одном из мезоморфных европеоидных компонентов, участвовавшем в сложении антропологического облика населения Среднего Поволжья в начале Нового времени.

Ключевые слова: археология, антропология, Средневековье, Казанское ханство, Тетюшский район, Татарстан, Тетюши, пластическая реконструкция по черепу.

DOI: 10.14258/traip(2016)3(15).-09

Тетюшское II городище расположено на северо-восточной окраине города Тетюши в Тетюшском районе Республики Татарстан (рис. 1.-1), на мысу, образованном берегом Волги с северной стороны и двумя оврагами с западной и восточной сторон (рис. 1.-2; 2.-1). С напольной стороны заметен небольшой вал (рис. 2.-2; 3). Поселение здесь возникло в период поздней бронзы – начале эпохи раннего железа. Своего расцвета оно достигло в VI–VII вв. н.э. (именьковская археологическая культура). В XII–XIV вв. во времена Волжской Булгарии и Золотой Орды площадка мыса была частично застроена, а в XV–XVI вв. использовалась только для захоронений. В XVII–XVIII вв. там была пустошь [Руденко, 2010, с. 83–104; 2011, с. 71–72].

В 2007–2013 гг. К.А. Руденко на Тетюшском II городище проведены стационарные исследования, в ходе которых на трех раскопах (II, IV, VII) (рис. 3.-1) были изучены восемь погребений (пять взрослых и три детских) которые относятся к Тетюшскому IV могильнику [Руденко, 2010, с. 10–12]. Этот могильник является кладбищем Тетюшского I городища, расположенного в центральной части современного города (к западу от Тетюшского II городища) и сейчас полностью застроенного. С учетом выявленных ранее захоронений* всего зафиксировано 13 погребений (восемь взрослых и пять детских) (рис. 3.-2).

* В 2003 г. А.А. Бурхановым на городище (рис. 3.-1, раскоп А) было раскопано три взрослых (два мужских и одно женское) и два детских захоронения. Поскольку научный отчет по этим раскопкам отсутствует, а коллекции находок практически все были утеряны, то использовать эти материалы в данной статье мы считаем некорректным.

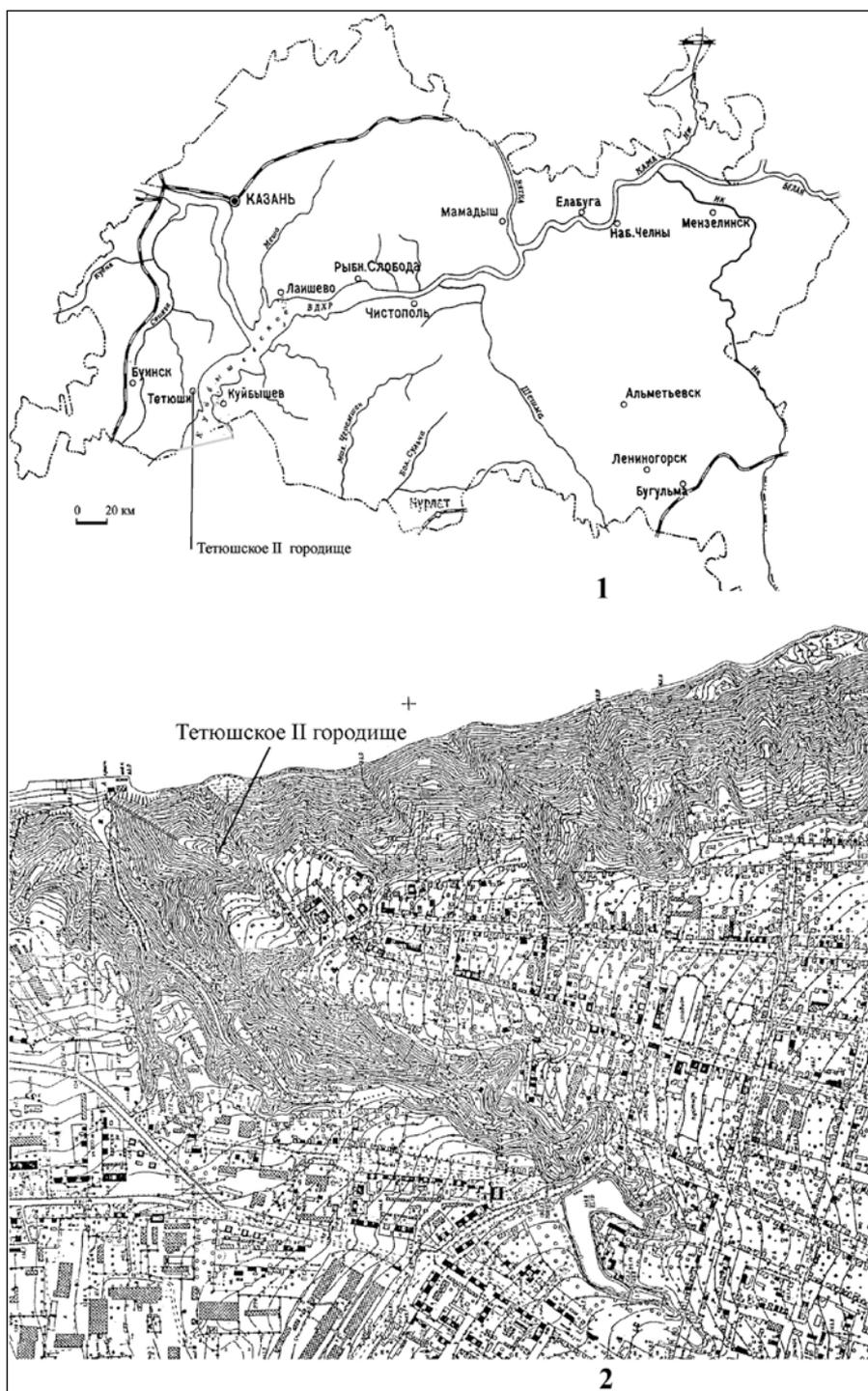

Рис. 1. Местонахождение Тетюшского II городища (1); расположение городища на территории г. Тетюши (топографическая основа 1 : 50 000) (2)

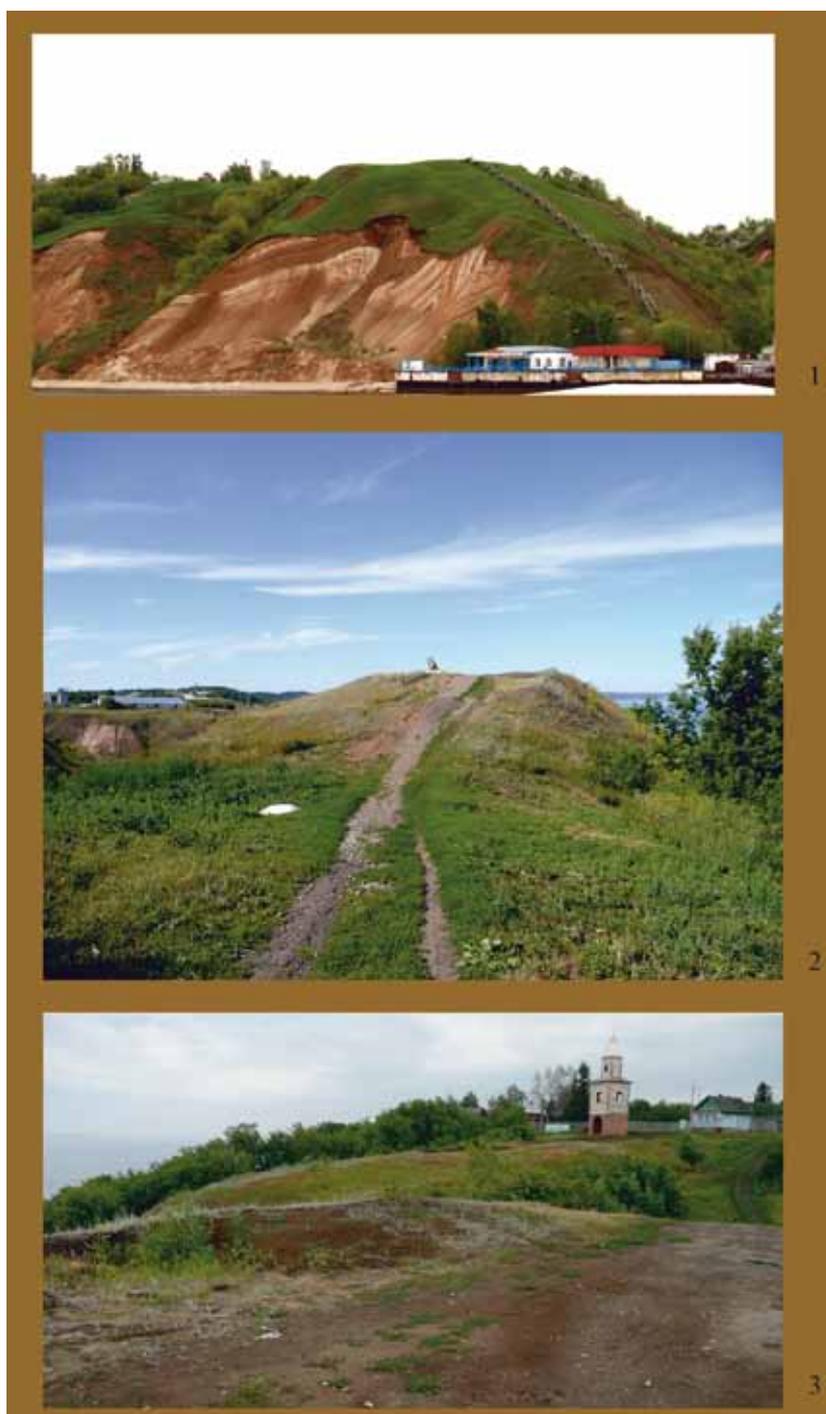

Рис. 2. Тетюшское II городище. Вид с севера, со стороны Волги (1); вал городища, вид с юга (2); место раскопа IV до начала раскопок (3) (фотоснимки сделаны К.А. Руденко, 2010 г.)

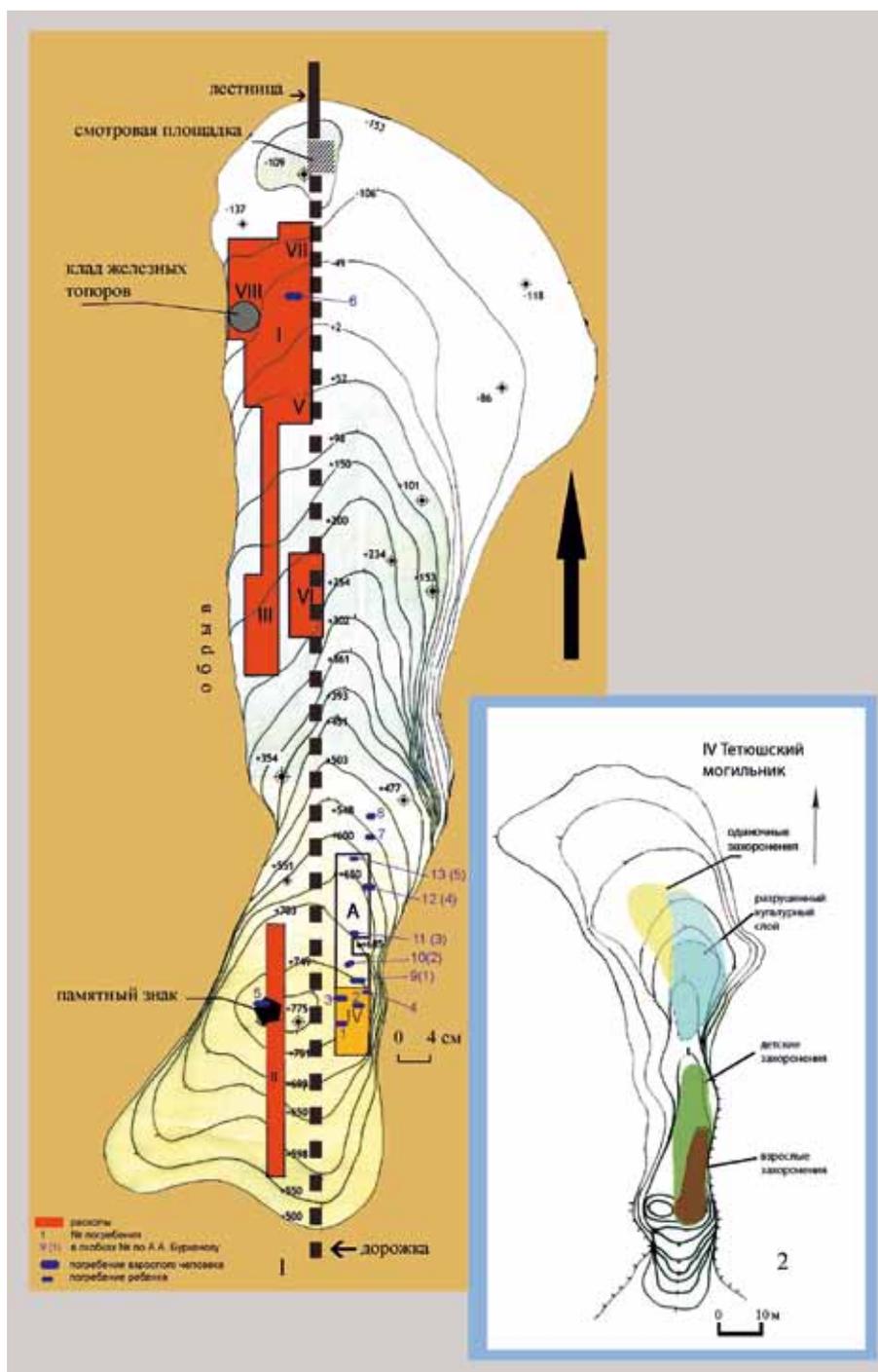

Рис. 3. Площадка Тетюшского II городища: инструментальный план с обозначением местоположения раскопов 2007–2011 гг. (1); схема расположения Тетюшского IV могильника (2)

Датировка исследованных нами захоронений определяется по стратиграфии – зафиксированным дневным уровням котлованов могильных ям, вырытых в культурном слое VI–XIV вв., а в ряде случаев – в заполнении сооружений VI–VII вв. (редко нижняя часть котлована достигала материковой глины), из-за чего в засыпи могил встречаются фрагменты именьковской керамики. Кроме того, сверху все изученные погребения были перекрыты отложениями I-п (позднего) стратиграфического слоя XVII–XX вв. (включая выкиды из котлованов) (рис. 4.-2). Особенно четко это удалось зафиксировать на раскопе II [Руденко, 2010, с. 65, 69, 136–137, рис. 58.-1, ил. 93]. В болгарское и золотоордынское время площадка использовалась для хозяйственных и, возможно, производственных нужд, что исключает расположение здесь действующего кладбища. Учитывая, что погребения перекрыты слоем XVII в., можно утверждать, что время функционирования кладбища приходится на XV–XVI вв. – эпоху Казанского ханства [Руденко, 2010, с. 65, 69, 136–137, рис. 58.-1, ил. 93]. Отметим, что это первый рядовой могильник того времени, изученный в периферийном городе Казанского ханства и второй некрополь после ханского мавзолея в Казанском кремле, где проведены антропологические исследования и сделана пластическая реконструкция по черепу внешнего облика погребенного*.

Захоронения располагались несколькими рядами в направлении юг – север, с небольшим отклонением к востоку (рис. 3.-1). Расстояние между погребениями взрослых индивидуумов было не менее 2 м, между рядами – не менее 1 м. Точную планировку могильника установить в настоящее время затруднительно, так как исследована не вся площадь памятника, а часть мыса обрушилась из-за оползней. Умершие были похоронены в прямоугольных ямах без каких-либо дополнительных конструкций, глубиной от 50 до 170 см от современной поверхности. Следов гробов, деревянных рам или перекрытий в исследованных нами могилах не отмечено. Существовали ли надмогильные конструкции, сейчас установить сложно, но то, что они могли быть, полностью исключать нельзя [Руденко, 2010, с. 102, прим. 427].

Большая часть погребенных была ориентирована головой на запад с небольшими отклонениями к югу; аналогичную ориентировку имели и детские захоронения (в тех случаях, где это можно было проследить). Умершие были развернуты на правый бок (за исключением погребения-6 в раскопе VII, где костяк располагался на спине со скрещенными на поясе руками), при этом правая рука была вытянута вдоль туловища, а левая, согнутая в локте, находилась на тазовых костях. Вещей в захоронениях не было. Погребальный обряд в целом соответствует канонам ислама. Отдельно расположенное погребение-6 раскопа VII может быть христианским.

Лучше всего сохранность скелетов погребенных была на раскопе IV, где выявлено четыре захоронения (рис. 5.-1): одно детское (участок 1) и три взрослых [Руденко, 2011, с. 98, 99, 120, рис. 26; 2011б, рис. 104–109]. Все они были сделаны в культурном слое именьковского времени (рис. 5.-1), причем у погребения-2 (рис. 5.-1, 3) был найден железный топор этого времени (рис. 4.-4, 5; 5.-1, №10) [Руденко, 2014, с. 51, №10, рис. 10], по случайному стечению обстоятельств оказавшийся практически у темени погребенного.

* Реконструкция была выполнена в 2015 г. по заказу Тетюшского краеведческого музея Тетюшского муниципального района (г. Тетюши). В настоящее время скульптура находится в экспозиции музея.

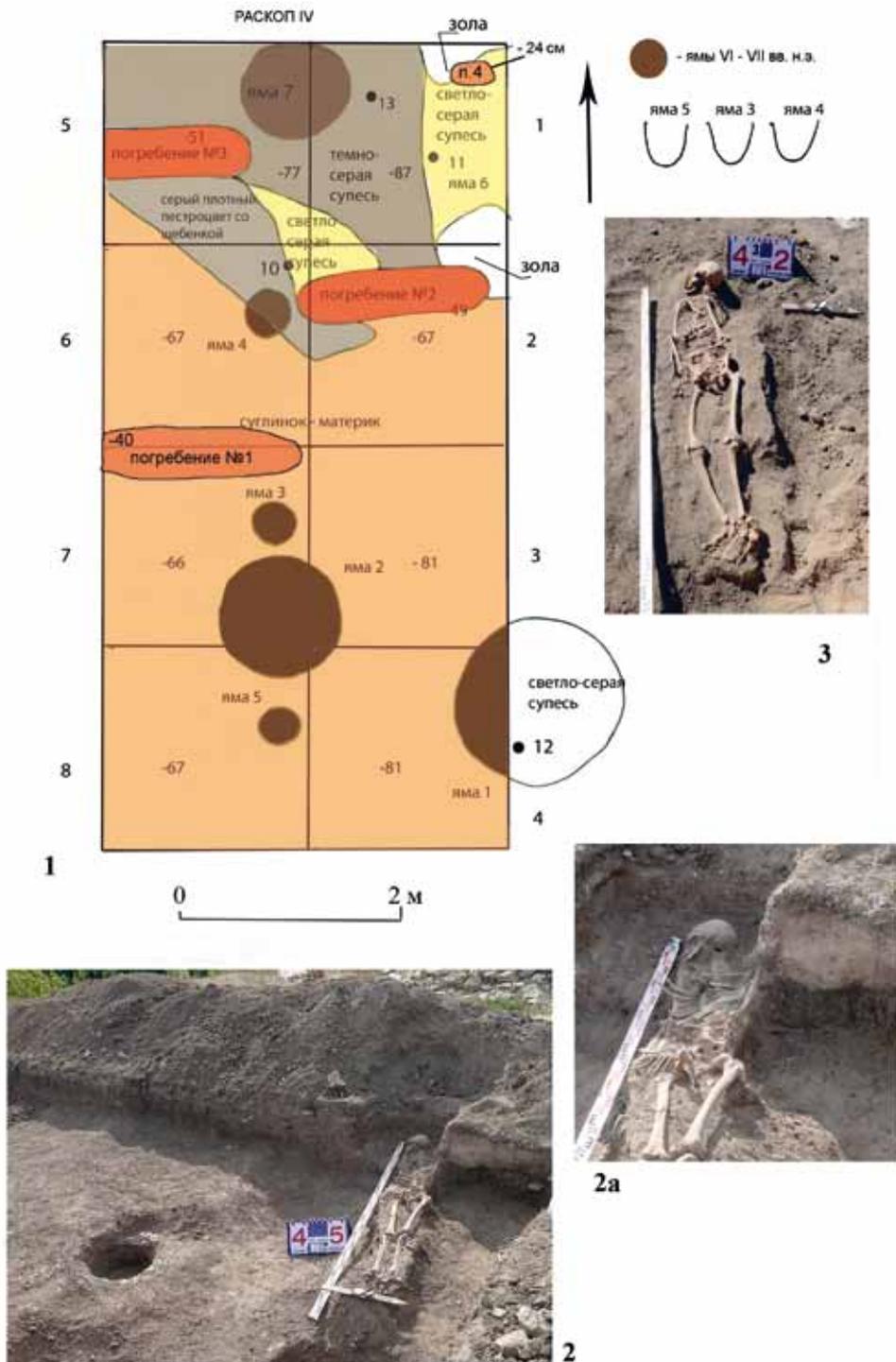

Рис. 5. План раскопа IV Тетюшского II городища. Пласт 3 (1); общий вид погребения-3 (2, 2а); общий вид погребения-2 (3) (фотоснимки сделаны К.А. Руденко)

Из всех погребений прекрасной сохранностью антропологического материала выделялось вышеотмеченное погребение-2, что позволило провести антропологическое исследование и атрибуцию, а также сделать пластическую реконструкцию по черепу.

Дневной уровень погребения-2 можно сопоставить с дневным уровнем погребения-3, расположенного рядом (рис. 3.-1; 5.-1), и, судя по профилю, он относится ко II раннему стратиграфическому слою (рис. 4.-2) [Руденко, 2010, с. 101] и может быть датирован XV–XVI вв.

Умерший был похоронен по мусульманскому обряду: костяк, ориентированный головой на запад (As 270°), лежал на спине в вытянутом положении с разворотом на правый бок (рис. 6.-2). Череп находился на боку – на правой теменной кости, лицевой частью на юг (рис. 6.-3). Неглубокий котлован захоронения был заполнен рыхлой светло-серой, с коричневатым оттенком супесью, в которой встречались немногочисленные фрагменты лепной шамотной керамики именковского времени и расколотые кости животных.

Скорее всего, какое-то время труп находился в пространстве, не заполненном грунтом, а затем был засыпан обвалившейся землей. Об этом свидетельствует ряд особенностей расположения костей скелета, зафиксированных при расчистке, например, положение нижней челюсти, которая после разложения мягких тканей лицевых мышц и сухожилий выпала вперед, оставшись в таком положении при обрушении земли (рис. 7.-1). Отметим, что верхняя часть скелета была сильно развернута к югу (рис. 7.-3), вследствие чего позвоночный столб оказался сильно изогнут в области шеи, чуть ниже основания черепа (один шейный позвонок со временем «вылетел» из ствола из-за изгиба) (рис. 7.-1) и в области поясницы. В последнем случае крупные нижние позвонки у самого таза оказались смещены «лесенкой» относительно друг друга (рис. 7.-3). Таз также чуть повернут на бок, но здесь разворот менее заметен, только за счет небольшой разницы в высоте тазовых костей и соответствующего положения в суставах берцовых костей. Причем правая часть таза даже оказалась несколько выше (на 2 см), чем левая (рис. 6.-1; 7.-2). Эти особенности обусловлены естественными причинами.

Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кости левой – согнуты в локтевом суставе, причем предплечье располагалось в верхней части живота, под ребрами, а кисть левой руки находилась под предплечьем правой руки (рис. 7.-2, 3). Кости ног повернуты направо, сведены в коленях, а коленные чашечки смещены к югу. Кости голени левой ноги вытянуты, а нижняя часть голени правой ноги из-за поворота туловища почти касается в нижней части голени левой ноги. Ступни ног повернуты на юг, практически соприкасаясь (рис. 7.-2).

Предметом нашего дальнейшего рассмотрения являются краниологические особенности черепа из этого погребения, который послужил основой для портретной скульптурной реконструкции головы.

Процесс антропологической реконструкции включает в себя не только работу над созданием скульптурной маски, а затем и бюста, предназначенного для экспонирования в музее, но и этап научного исследования, включая описание черепа по определенному алгоритму, принятому в отечественной и зарубежной антропологической науке [Martin, 1928; Алексеев, Дебец, 1964].

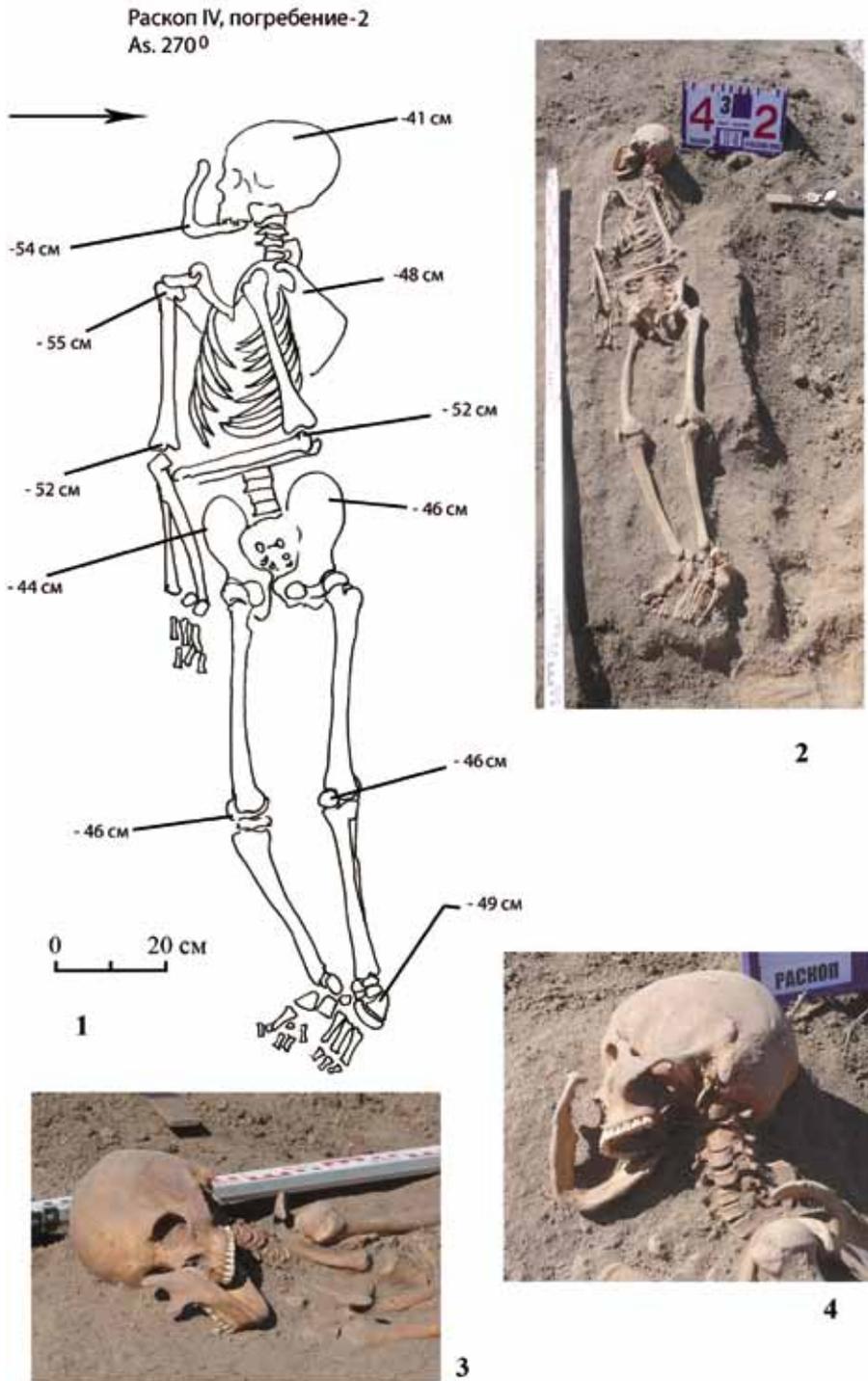

Рис. 6. Погребение-2 раскопа IV Тетюшского II городища (1); фото погребения-2, вид с востока (2). Деталь: череп скелета (3, 4) (фотоснимки сделаны К.А. Руденко)

Рис. 7. Погребение-2 Тетюшского IV могильника. Детали: череп (1); скелет (2); верхняя часть скелета (3) (фотоснимки сделаны К.А. Руденко)

Краниометрия и морфоскопия: индивидуально-типологический анализ. Череп хорошей сохранности (рис. 8), что позволило сделать на нем все необходимые краниометрические измерения по стандартной краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. На черепе весьма слабо выражен макрорельеф в области прикрепления крупных лицевых мышц, формирующих овал и форму лица, – *m. masseter*, *m. temporalis* (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Некоторые краниометрические индексы черепа из погребения-2 Тетюшского IV могильника

	Указатель	Значение указателя
8:1	Поперечно-продольный	78.6
17:1	Высотно-продольный	77.5
17:8	Высотно-поперечный	98.5
9:45	Лобно-скуловой	75.0
40:5	Выступания лица	92.1
48:45	Верхний лицевой	53.0
52:51	Орбитный	76.7
54:55	Носовой	48.7
SS:SC	Симотический	34.2
DS:DC	Дакриальный	46.8
S:C	Изгиба скуловой кости	16.0

Рис. 8. Череп мужчины из погребения-2 Тетюшского IV могильника (фотоснимки сделаны А.И. Нечвалодой)

Лоб наклонный, со среднеразвитой глабеллярной областью (3 балла по шкале *Martina*). В латеральной норме свод черепа плавный. Затылок округлый невыступающий, со слабо развитым затылочный бугром (2 балла по шкале *Broca*) и выйными линиями – области прикрепления крупных мышц шеи. Сосцевидный отросток средней величины (2 балла), с притупленной округлой вершиной. В вертикальной норме череп эллипсоидной формы, по рубрикации *Sergi*. Нижний край грушевидной аппертуры с предносовыми ямками (тип *fossaerpraenasalis*, по *Hovorka*). Подносовая ость развита средне (3 балла по шкале *Broca*).

Череп принадлежал молодому мужчине со слабо развитой мышечной компонентой. Судя по состоянию швов черепа и стертости зубов, на момент смерти ему было около 25–35 лет.

Абсолютные краниометрические параметры черепа представлены в таблице 3, краниометрические индексы – в таблице 1.

Таблица 2

Данные морфоскопии черепа из погребения-2 Тетюшского IV могильника: выраженность признаков полового диморфизма на черепе и нижней челюсти

№	Характеристика	Выраженность признака
1	Tuber frontale/ Лобные бугры	+1
2	Inclinacionefrontale/ Наклон лба	+1
3	Tuber parietale/ Теменные бугры	+1
4	Glabella	0
5	Margosupraorbitalis/ Форма надглазничного края орбиты	-1
6	Processusmastoideus/ Сосцевидный отросток	0
7	Protuberantia occipitalis externa/ Затылочный бугор	0
8	Occipital surface/ Выйные линии	-1
9	Arcuszygomaticus/ Подглазничный край скуловой кости	0
10	Facieszygomaticus/ Рельеф поверхности скуловой кости	0
11	Processuszygomaticus/ Отросток скуловой кости	+1
12	Corpusmandibulae/ Тело нижней челюсти	+1
13	Mentum/Подбородок	0
14	Gonionregion/ Рельеф в области гониона/ угла н.ч.	0
15	Caputmandibulae/ Головка суставного отростка н.ч.	-1
	Среднее количество баллов	+0.13

Таблица 3

Некоторые индивидуальные краниометрические параметры черепа из погребения-2 Тетюшского IV могильника

№ Martin	Признак	Значение признака
1	Продольный диаметр	178.0
5	Длина основания черепа	102.0
8	Поперечный диаметр	140.0
9	Наименьшая ширина лба	99.0
10	Наибольшая ширина лба	121.0
11	Ширина основания черепа	127.0
12	Ширина затылка	106.0
17	Высотный диаметр	138.0
38	Емкость черепа, см ³	1.443
40	Длина основания лица	94.0
43	Средняя ширина лица	98.0
45	Скуловой диаметр	132.0
48	Верхняя высота лица	70.0
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	43.0
52	Высота орбиты	33.0
54	Ширина носа	25.0
55	Высота носа	51.3
65	Мыщелковая ширина <i>mandibula</i>	119.0
66	Угловая ширина <i>mandibula</i>	100.0
69	Высота симфиза <i>mandibula</i>	32.0
72	Общий лицевой угол	81.0°
75(1)	Угол выступания носа	22.0°
77	Назوماлярный угол	137.0°
<Zm	Зигмаксиллярный угол	123.5°
SS	Симотическая высота	2.4
SC	Симотическая ширина	7.6
<S	Симотический угол	115.4°
DS	Дакриальная высота	11.0
DC	Дакриальная ширина	23.5
<D	Дакриальный угол	94.3°
S	Высота изгиба скуловой кости по Wo	8.8
C	Ширина скуловой кости по Wo	54.8

Согласно приведенным показателям черепная коробка средних размеров со средним продольным и поперечным диаметрами, так что по поперечно-продольному указателю (78.6) она мезокранная. Наименьшая ширина лба большая, как по абсолютному размеру, так и по отношению к скуловому диаметру. Высотный диаметр черепа, измеренный от точки *basion* – 1385 мм, находится в категории больших величин. Нейрокраниум, таким образом, высокий. По соотношению размеров высотного и продольного диаметров мозговой капсулы – гипсикран (высокий), высотного и поперечного – акрокран (высокий). Аурикулярная ширина средняя, при малой ширине затылка.

Лицо средней ширины и высоты. Вертикальный профиль лица ортогнатный, о чем свидетельствуют большой угол общего профиля лица и указатель его выступающего, который находится в области малых величин. В горизонтальном плане лицо резко профилировано, в особенности на среднем уровне. Орбиты невысокие и широкие, по своим пропорциям мезоконхные. Верхний орбитальный край имеет слабо притупленную форму.

Ширина носа средняя, что при средней его высоте определяет относительную ширину грушевидного отверстия как мезоринную. Переносье широкое и средневысокое. Носовые кости среднеширокие и невысокие, уплощенные – симотический угол достигает 115.4°. Угол выступления носа из плоскости лица небольшой. Форма носовых костей извилистая.

В итоге череп, послуживший краниологической основой для восстановления внешнего облика, может быть охарактеризован следующим образом: мезокранная высокая черепная коробка средних размеров, с широким, умеренно наклонным лбом, со средним основанием, узким и невыступающим затылком. Лицо среднее, как по высоте, так и по ширине, ортогнатное, хорошо профилированное, с невысокими глазницами и слабо выступающими носовыми костями.

Рассмотренные краниологические особенности типологически характеризуют череп как демонстрирующий мезоморфный европеоидный расовый комплекс с некоторой, весьма малой долей монголоидной примеси, которая находит свое выражение в уплощенности носовых костей и небольшой величине угла выступления носа.

Расогенетический аспект. С целью определения места исследуемого черепа из Тетюшей в ряду серий эпохи средневековья с территории Волго-Камья и Нижнего Поволжья его краниометрическая характеристика была включена в канонический анализ 29 мужских краниологических серий, представляющих население как городских центров Волжской Булгарии, Нижнего Поволжья, так и сельской округи, а также кочевое население Среднего Поволжья (табл. 4).

Согласно популяционной концепции расы единичный череп не полностью отражает групповые морфологические особенности генеральной антропологической совокупности, к которой он относится, проявляя при этом высокую степень индивидуальной изменчивости. Поэтому в таких случаях принимается допущение, когда краниометрические показатели единичного черепа принимаются за среднепопуляционные.

В анализ включены 14 краниометрических признаков: продольный, поперечный, высотный диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота носа, высота и ширина орбиты от *mf* (максиллофронтале), назомаллярный угол, зигомаксиллярный угол, симотический указатель и угол выступления носа*.

Распределение нагрузок на канонические вектора (CV) показывает, что наибольшие нагрузки приходятся на первые два канонических вектора (табл. 5). В совокупности они отражают 48,7% общей межгрупповой изменчивости.

* Все статистические процедуры осуществлялись при помощи пакета Statistica 8.0 и оригинальной программы А.Г. Козинцева [1991].

Таблица 4

Краниологические серии, использованные в сравнительном анализе

№	Серия	Источник
1	Тетюши/череп из погребения	<i>Данные автора</i>
Краниологические серии городского населения Волжской Булгарии		
2	г. Биляр / суммарно / X–XIII вв.	Ефимова, 1991
3	г. Булгар / Болгары / «Бабий бугор» / суммарно / X–XV вв.	Трофимова, 1956
4	г. Булгар / Болгары / «Бабий бугор» / «рядовой» / X–XV вв.	»
5	г. Булгар / «Четырехугольник» / X–XIII вв.	Постникова-Рудь, 1970, 1987
6	г. Булгар / «Минарет» / XIII–XV вв.	Постникова-Рудь, 1973, 1987
7	г. Булгар / «Греческая палата» / XIV в.	Трофимова, 1956
8	г. Булгар / Усть-Иерусалимский мог-к / XIV–XV вв.	Газимзянов, 2001
Краниологические серии из сельских некрополей Волжской Булгарии		
9	Больше-Тарханский / VIII–IX вв.	Акимова, 1964
10	Кайбельский / VIII–IX вв.	Герасимова, 1956
11	Кайбельский / X–XII вв.	»
12	Танкеевский / VIII–IX вв.	Акимова, 1973
13	Измерский / XI–XIII вв.	Постникова-Рудь, 1978
14	I Старо-Куйбышевский / X–XII вв.	»
15	II Семеновский / XII–XIII вв.	Ефимова, 1991
16	Мари-Луговской / XIII–XIV вв.	Алексеев, 1962, 1967
17	«Старый Венец» / X–XIII вв.	Алексеев, 1969
18	Ташкирмень / XII–XV вв.	Сысак, 1952, Алексеева, 1958
19	«Окрестности Казани» / XIV–XVII вв.	Ефимова, 1991
20	Тетюшский / X–XII вв.	»
21	Б. Тояба / Сить-Сирьми / XII вв.	Акимова, 1955
22	Березовский / XIV вв.	Алексеева, 1958
23	Муранский / VII–XI вв.	Алексеева, 1959
24	Кожаевский / XIII вв.	Газимзянов, 2001
25	Больше-Тиганский II / XIII–XIV вв.	»
26	Азметьевский I / XIII–XIV вв.	»
27	Дербешкинский / XIII вв.	»
Краниологические серии городского населения золотоордынской эпохи		
28	Вакуровский бугор / Астраханская обл./	Балабанова, Перерва, Зубарева, 2011
29	Маячный бугор / Астраханская обл./	»
Краниологические серии кочевого населения Среднего Поволжья эпохи средневековья		
30	Средневековые кочевники Среднего Поволжья / X–XV вв.	Газимзянов, 2001

Наибольшие нагрузки на CV1, на долю которого приходится 30,0% общей изменчивости, имеют поперечный, высотный, скуловой диаметры черепа и угол выступания носа. Таким образом, на положительном полюсе изменчивости по первому каноническому вектору находятся серии черепов с большим поперечным диаметром, низким сводом черепной коробки, относительно узким лбом, широкими глазницами, широким лицевым скелетом и слабо выступающим носом.

Таблица 5

Результаты множественного дискриминантного анализа:
элементы канонических векторов (CV) для 29 мужских групп
Волго-Камья и Нижнего Поволжья

№ Martin	Признак	CV1	CV2	CV3	CV4
1	Продольный диаметр	-0.352	-0.440	-0.070	0.113
8	Поперечный диаметр	0.636	0.572	-0.036	-0.180
17	Высотный диаметр	-0.434	0.452	0.287	-0.168
9	Наименьшая ширина лба	-0.357	0.115	-0.276	-0.284
45	Скуловой диаметр	0.420	-0.533	-0.704	-0.073
48	Верхняя высота лица	0.133	0.467	-0.036	0.759
54	Ширина носа	-0.000	-0.325	-0.006	-0.109
55	Высота носа	0.014	0.362	-0.127	0.041
51	Ширина орбиты	0.379	0.022	0.723	0.207
52	Высота орбиты	-0.089	0.167	0.393	-0.177
77	Назональный угол	0.133	-0.092	0.170	-0.127
Zm`	Зигмаксиллярный угол	0.078	0.039	0.043	0.615
SS:SC	Симметрический указатель	0.288	-0.013	-0.067	-0.641
75(1)	Угол выступания носа	-0.476	0.591	-0.377	0.409
Собственное число		20.778	11.850	7.190	5.278
Вклад в общую дисперсию (%)		31.077	17.723	10.754	7.894

На отрицательном полюсе изменчивости располагаются выборки с противоположным набором признаков. Тем самым первый канонический вектор дифференцирует монголоидные и европеоидные серии.

Наибольшие значения по первому вектору получили серии из могильников Мари-Луговского [Алексеев, 1962; 1967], «Старый Венец» [Алексеев, 1969], суммарная выборка средневековых кочевников Среднего Поволжья [Газимзянов, 2001], серия из Вакуровского бугра, тяготеющая, по мнению М.А. Балабановой, к нижневолжским городским и кочевым группам [Балабанова, Перерва, Зубарева, 2011, с. 56], т.е. серии, демонстрирующие черты южносибирского краниологического комплекса (рис. 12). По нашим данным, в весьма концентрированном виде он проявляется у средневековых кыпчаков бассейна р. Урала [Нечвалода, 2013].

На отрицательном полюсе изменчивости мы видим резко долихокраничные серии – две выборки из Бабьего Бугра. По мнению Т.А. Трофимовой, могильник Бабьего Бугра был оставлен пришедшими в Среднее Поволжье из Приазовья верхнесалтовскими коллективами. В так называемой «братской могиле» на том же могильнике преобладают представители древнего европеоидного субстратного населения Восточной Европы [Трофимова, 1956, с. 100–110]. В этой же области значений находятся серия из Муранского могильника, оставленного средневековой мордвой, а также выборка из Березовского некрополя.

Промежуточное положение на графике занимают разновременные группы смешанного европеоидно-монголоидного облика из сельских и городских некрополей Волжской Булгарии и Золотой Орды.

По второму каноническому вектору (CV2), описывающему 17,7% межгрупповой дисперсии, средневековые серии распределились следующим образом. В области положительных значений вектора находятся выборки с широкой мозговой коробкой, высоким сводом нейрокраниума, узким лицевым скелетом и резко выступающими носовыми костями. Отрицательный полюс занимают группы с альтернативным сочетанием вышеперечисленных признаков.

Наибольшие значения по второму вектору получила серия из «Греческой палаты», отражающая физический тип армянской диаспоры в Болгаре. По своим краниологическим особенностям (резкая брахикrania, высокий свод мозговой коробки, относительно узкое и низкое лицо в сочетании с сильно выступающим переносьем) данная выборка близка к поздним сериям армян [Трофимова, 1956, с. 76–78]. Малые значения по второму вектору наблюдаются у серии из Дербешкинского могильника, представляющего краниологический комплекс чияликской культуры, характеризующийся широким и низким плосковатым лицом, прогнатным в нижней части, широким лбом и широкими орбитами [Газимзянов, 2001, с. 20]. Большинство средневековых серий, задействованных в анализе, заняли промежуточное положение по этому вектору.

Третий канонический вектор (CV3), описывающий 7,1% изменчивости, выявляет отрицательную взаимосвязь скулового диаметра и ширины орбиты.

Четвертый канонический вектор (CV4) (5,3% изменчивости) описывает следующий комплекс признаков: наиболее высоколицые группы имеют ослабленные показатели профилировки в среднем отделе и невысокое переносье.

Исследуемый нами мужской череп из Тетюшей расположился среди европеоидных групп из сельских могильников Ташкирмень [Сысак, 1952; Алексеева, 1956] и суммарной серии «окрестности Казани» [Ефимова, 1991, с. 42–43, табл. 9], которые проявляют черты грацильности и мезоморфии в своем краниологическом облике. По мнению И.Р. Газимзянова, серии из сельских кладбищ Средней Волги золотоордынского периода объединяют мезобрахикранная форма черепа, относительная узколицесть и неоднородность по углу выступания носа – три серии из мусульманских кладбищ Ташкирмень, Тангачи и Кожаевка характеризуются пониженным значением этого признака [Газимзянов, 2011, с. 19–20].

Пластическая реконструкция головы по черепу. Нами осуществлено скульптурное восстановление головы мужчины из погребения-2 Тетюшского IV могильника. Реконструкция лица – это своеобразный завершающий этап антрополого-краниологического исследования черепа.

Достоверное воспроизведение общих размеров и формы головы, лицевого отдела, а также его профилировки, лба, надбровья, носа, разреза глаз, ротовой области, нижней части лица, общей асимметрии перечисленных структур достигается строгим следованием краниологической основе в процессе реконструкции.

В своей работе мы руководствовались методическими разработками, положенными в основу советской/российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009]. Этапы работы представлены на рисунках 9 и 10. Завершающий этап можно видеть на рисунке 11.

Рис. 9. Этапы восстановления головы по черепу мужчины из погребения-2 Тетюшского IV могильника (фотоснимки сделаны А.И. Нечвалодой)

Рис. 10. Совмещение черепа из погребения-2 (участок 2, пласт 3) и скульптурной реконструкции головы без волосяного покрова (фотоснимки сделаны А.И. Нечвалодой)

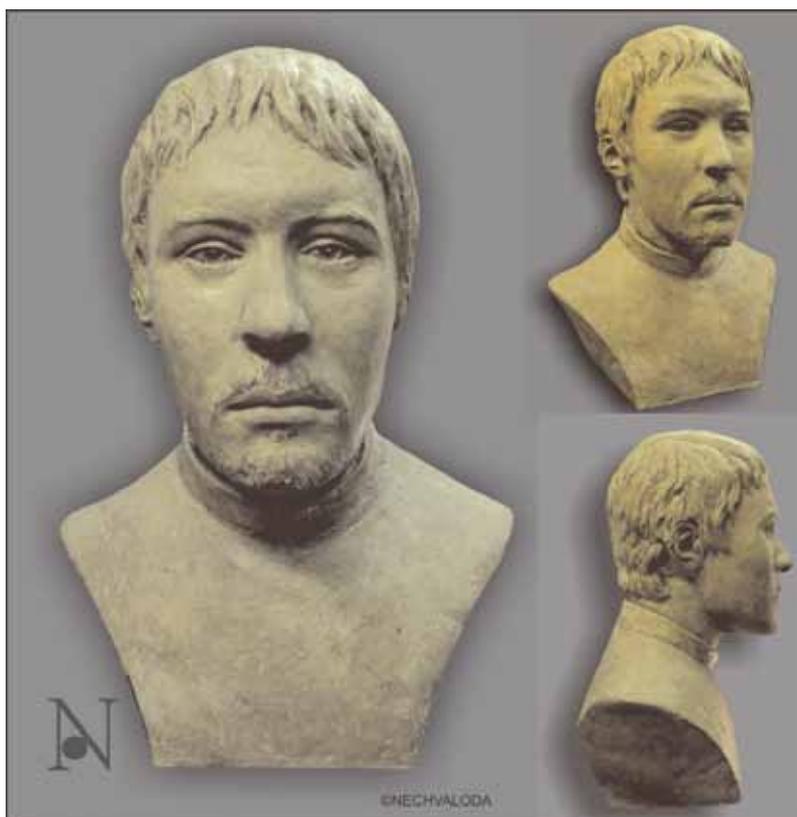

Рис. 11. Скульптурная реконструкция по черепу молодого мужчины из погребения-2 Тетюшского IV могильника. Завершающий этап (автор А.И. Нечвалода)

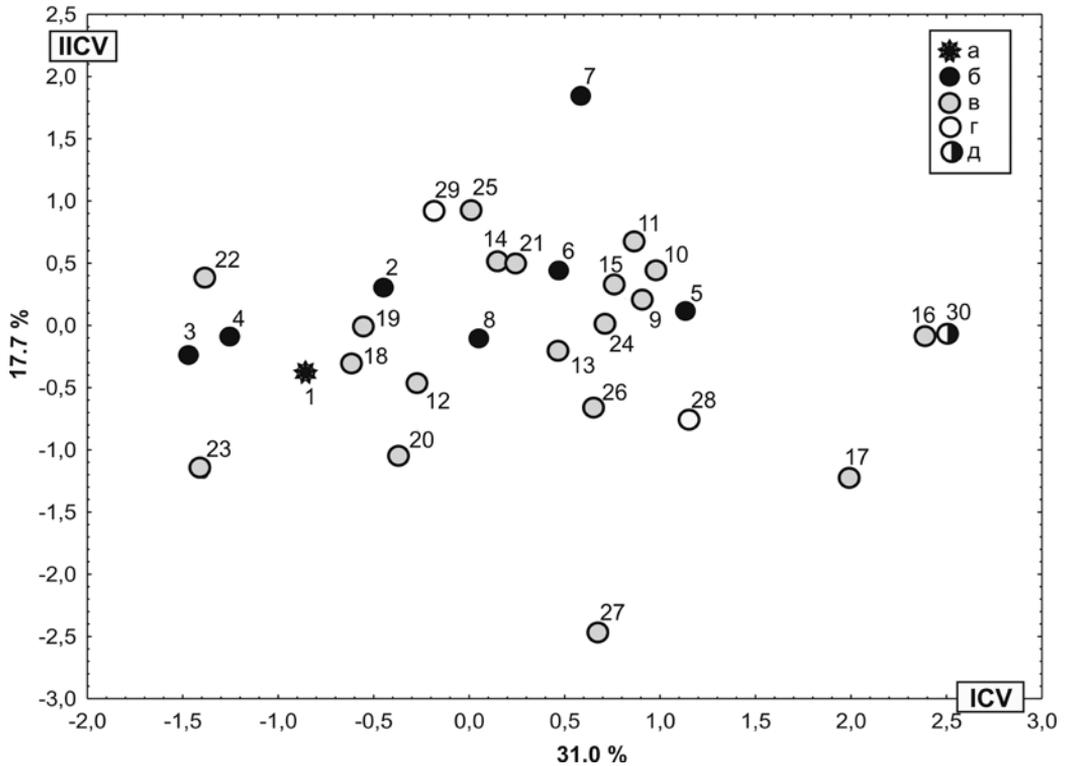

Рис. 12. Результаты канонического анализа:
расположение 29 мужских краниологических серий
эпохи средневековья в координатном пространстве
I и II канонических векторов (CV):

- а* – череп из погребения-2 Тетюшского IV могильника;
- б* – серии из городских некрополей Волжской Булгарии;
- в* – серии из сельских могильников Волжской Булгарии;
- г* – серии из городских некрополей золотоордынской эпохи;
- д* – суммарная серия кочевников Среднего Поволжья

Таким образом, предлагаемая реконструкция дает наглядное представление об одном из мезоморфных европеоидных компонентов, участвовавшем в сложении антропологического облика населения Среднего Поволжья, в том числе и поволжских татар. Проведенное исследование интересно еще и тем, что антропологические материалы эпохи Казанского ханства на сегодняшний день немногочисленны, а документированных и того меньше, и представленные данные дополняют общую картину по средневековой антропологии Поволжского региона.

Из обнаруженных антропологических реконструкций, помимо тетюшской, сделана серия по черепам из Казанского кремля (Т.С. Балужева, А.И. Нечвалода) [Балужева, 1997, с. 148–156]. Но тетюшская пластическая реконструкция по черепу из периферийного центра Казанского ханства пока единственная.

Библиографический список

- Алексеев В.П. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // ТМАЭ. Т. 2. Йошкар-Ола, 1962. С. 241–258.
- Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В.П. Золотоордынский форпост на марийской земле // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 26. С. 158–166.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы в свете данных антропологии. Кра­ниологическое исследование. М. : Наука, 1969. 324 с.
- Алексеева Т.И. Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. Вып. 3. С. 85–89.
- Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология. 1959. Вып. 1. С. 67–80.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. 1955. Вып. 23. С. 78–92.
- Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М. : Наука, 1964. С. 177–196.
- Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45. С. 30–39.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Маячный бугор – могильник Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград : Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2013. 180 с.
- Балуева Т.С. Реконструкция черепов из мавзолеев Казанского Кремля по методу М.М. Герасимова // Мавзолей Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997. С. 148–156.
- Газимзянов И.А. Население средневекового Поволжья в составе Золотой Орды по данным кра­ниологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 34 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 28. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы // Труды Института этно­графии. Новая серия. Т. 33. Антропологический сборник I. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 146–165.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М. : Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. М. : Старый Сад, 1998. 125 с.
- Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Московского Кремля : в 4 т. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений / отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. М. : Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. С. 137–167.
- Нечвалода А.И. Антропологический облик кыпчаков (по материалам могильников бассейна р. Урал) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XIII Междуна­родной конференции. Уфа, 2013. С. 84–86.
- Постникова Н.М. К антропологии могильника Четырехугольник // Поволжье в средние века. М. : Наука, 1970. С. 24–38.
- Постникова Н.М. К антропологии населения Волжской Булгарии: антропологические мате­риалы из средневекового могильника Минарет XIV–XV вв. // Советская археология. 1973. №3. С. 203–211.
- Постникова Н.М. К антропологии сельского населения Волжской Булгарии // Вопросы антро­пологии. 1978. Вып. 58. С. 172–183.
- Постникова (Рудь) Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотноше­ниях на Средней Волге в X–XV вв. // Антропология античного и средневекового населения Европы. М. : Наука, 1987. С. 83–137.
- Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань : Заман, 2010. 152 с.
- Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань : Заман, 2011. 144 с.

Руденко К.А. Отчет об археологических исследованиях на Тетюшском II городище // Архив Института археологии РАН. Казань, 2011а. 207 с.

Руденко К.А. Иллюстрации к Отчету об археологических исследованиях на Тетюшском II городище. Том 2. Раскопы IV и V // Архив Института археологии РАН. Казань, 2011б. 105 л.

Руденко К.А. Клад железных топоров с Тетюшского II городища в Татарстане эпохи раннего средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 42–60.

Сысак Н.С. Антропологическая характеристика населения так называемой буртасской культуры // КСИЭ. 1963. Т. 14. С. 91–95.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 33. Антропологический сборник I. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 73–115.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. 2. Auflage. Bd 1–3, Jena, 1928.

К.А. Rudenko, A.I. Nechvaloda

BURIAL GROUND ON THE TETUSHI II SETTLEMENT IN TATARSTAN: PORTRAIT ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTION ON THE SKULL AND CRANIOLOGY OF ONE BURIAL

The article presents the results of the paleoanthropological research of one of the burial places of the Tetushi IV burial ground. It is located on Tetushi II settlement in the Tetushi area of the Republic of Tatarstan.

In 2003, 2007–2013 the study was made of 13 tombs: eight with adults and five with children. There is accurate information about 8 tombs. The most part of burials are those of the Muslim people, one probably belongs to the Christian. There were no things in the burials. The date of burials is defined by stratigraphy. The burial ground is dated the 15th – the beginning of the 16th century and refers to the epoch of the Kazan khanate. The people buried on this burial ground were townsmen of Tetushi in the 15–16th centuries (Tetushi I settlement).

For research the best preserved skeleton (burial-2) was taken. Research of the skeleton and the plastic reconstruction made by the skull gives evident representation about one of mesomorphic European race components participating in forming of anthropological shape of the population of the Average Volga Area in the beginning of the New time.

Key words: archeology, anthropology, the Middle Ages, the Kazan khanate, Tetushi area, Tatarstan, Tetushi, plastic reconstruction on a skull.

References

Alekseev V.P. Paleoantropologicheskiy material iz Mari-Lugovskogo mogil'nika [Paleoanthropological Material from the Marie-Lugovskoy Burial]. TMAE. Yoshkar-Ola, 1962. Vol. 2. Pp. 241–258.

Alekseev V.P., Debets G.F. Kranimetriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry: Methods of Anthropological Research]. M. : Nauka, 1964. 128 p.

Alekseev V.P. Zolotoordynskiy forpost na mariyskoy zemle [The Golden Horde Outpost on the Mari Land]. Voprosy antropologii [Questions of Anthropology]. 1967. Issue 26. Pp. 158–166.

Alekseev V.P. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy v svete dannykh antropologii. Kranio-logicheskoe issledovanie [The Origin of the Peoples of Eastern Europe in the Light of Anthropological Data. Cranio-logical Study]. M. : Nauka, 1969. 324 p.

Alekseeva T.I. Cherepa iz Berezovskogo mogil'nika [Skulls from the Berezovsky Burial]. Sovetskaya Antropologiya [Soviet Anthropology]. 1958. Issue 3. Pp. 85–89.

Alekseeva T.I. Cherepa iz Muranskogo mogil'nika [Skulls from the Muranskiy Burial]. Sovetskaya antropologiya [Soviet Anthropology]. 1959. Issue 1. Pp. 67–80.

Akimova M.S. Paleoantropologicheskie materialy s territorii Chuvashskoy ASSR [Paleoanthropological Materials from the Territory of the Chuvash ASSR]. KSIE. 1955. Issue 23. Pp. 78–92.

Akimova M.S. Materialy k antropologii rannikh bolgar [Materials to the Anthropology of the Early Bulgarians]. Gening V.F., Khalikov A.Kh. Rannie bolgary na Volge [Early Bulgarians on the Volga]. M. : Nauka, 1964. Pp. 177–196.

Akimova M.S. Antropologicheskie materialy iz Tankeevskogo mogil'nika [Anthropological Materials from the Tankeevskiy Burial]. Voprosy antropologii [Questions of Anthropology]. 1973. Issue 45. Pp. 30–39.

Balabanova M.A., Pererva E.V., Zubareva E.G. Mayachnyy bugor – mogil'nik Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni [Lighthouse Mound – the Burial of the Krasnoyarsk Settlement of the Golden Horde Time]. Volgograd : Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2013. 180 p.

Balueva T.S. Rekonstruktsiya cherepov iz mavzoleev Kazanskogo Kremlya po metodu M.M. Gerasimova [Reconstruction of the Skulls from the Mausoleums of the Kazan Kremlin by the Method of M.M. Gerasimov]. Mavzolei Kazanskogo Kremlya (Opyt istoriko-antropologicheskogo analiza) [Mausoleums of the Kazan Kremlin (Experience the Historical and Anthropological Analysis)]. Kazan', 1997. Pp. 148–156.

Gaimzyanov I.A. Nacelenie srednevekovogo Povolzh'ya v sostave Zolotoy Ordy po dannym kraniologii : avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [The Population of the Medieval Volga Region as a part of the Golden Horde according to Craniology : Dis Synipsis of the Dissertation ... cand. hist. sciences]. M., 2001. 34 p.

Gerasimov M.M. Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek) [Forensic Facial Reconstruction (Modern and Fossil Man)]. Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Vol. 28. M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. 585 p.

Gerasimov M.M. Skelety drevnikh bolgar iz raskopok u s. Kaybely [Skeletons of Ancient Bulgarians from the Excavations at the Kaybela River]. Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya. Antropologicheskii sbornik I [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. 33. Anthropological Collection I]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. Pp. 146–165.

Efimova S.G. Paleoantropologiya Povolzh'ya i Priural'ya [Paleoanthropology of the Volga and the Urals Region]. M. : Izd-vo MGU, 1991. 95 p.

Lebedinskaya G.V. Rekonstruktsiya litsa po cherepu [Reconstruction of the Face by the Skull]. M. : Staryy Sad, 1998. 125 p.

Nikitin S.A. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu [Plastic Reconstruction of the Portrait by the Skull]. Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom sobore Moskovskogo Kremlya : v 4 t. T. 1: Istoriya usypal'nitsy i metodika issledovaniya zakhoroneniya / otv. red.-sost. T.D. Panova [Necropolis of the Russian Grand Duchesses and Queens at the Ascension Cathedral in the Kremlin: 4 vols. Vol.1: History of Tombs and Methods of Burial Research. Ed. T.D. Panova]. M. : Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'», 2009. Pp. 137–167.

Nechvaloda A.I. Antropologicheskii oblik kypchakov (po materialam mogil'nikov basseyna r. Ural) [Anthropological Appearance of the Kipchak People (based on the Ural River Basin Burials). Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii : materialy XIII Mezhdunarodnoy konferentsii [Topical Problems of Dialectology of the Languages of the Peoples of Russia: Materials of the XIII International Conference]. Ufa, 2013. Pp. 84–86.

Postnikova N.M. K antropologii mogil'nika Chetyrekhugol'nik [About the Anthropology of the Quadrilateral Burial]. Povolzh'e v srednie veka [The Volga Region in the Middle Ages]. M. : Nauka, 1970. Pp. 24–38.

Postnikova N.M. K antropologii naseleniya Volzhskoy Bulgarii: antropologicheskie materialy iz srednevekovogo mogil'nika Minaret XIV–XV vv. [About the Anthropology of the Population of the Volga Bulgaria: Anthropological Materials from the Medieval Cemetery Minaret 14–15th Centuries]. Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]. 1973. №3. Pp. 203–211.

Postnikova N.M. K antropologii sel'skogo naseleniya Volzhskoy Bulgarii [About the Anthropology of the Rural Population of the Volga Bulgaria]. Voprosy antropologii [Questions of Anthropology]. 1978. Issue 58. Pp. 172–183.

Postnikova (Rud') N.M. Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh vzaimootnosheniyakh na Sredney Volge v X–XV vv. [Anthropological Data about the Ethnic Relations in the Middle Volga in the 10–15th Centuries]. Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Evropy [Anthropology of Ancient and Medieval Population of Europe]. M. : Nauka, 1987. Pp. 83–137.

Rudenko K.A. Tetyushskoe II gorodishche v Tatarstane [Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan]. Kazan' : Zaman, 2010. 152 p.

Rudenko K.A. Drevnie Tetyushi. Arkheologicheskoe issledovanie [Ancient Tetyushi. Archaeological Research]. Kazan' : Zaman, 2011. 144 p.

Rudenko K.A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Tetyushskom II gorodishche [Report on Archaeological Research in Tetyushskoe II Settlement]. Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology of the RAS]. Kazan', 2011a. 207 p.

Rudenko K.A. Illyustratsii k Otchetu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Tetyushskom II gorodishche. Tom 2. Raskopy IV i V [Illustrations to the Report on the Archaeological Research on the Tetyushskoe II Settlement. Volume 2. Excavation IV and V]. Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology of the RAS]. Kazan', 2011b. 105 p.

Rudenko K.A. Klad zheleznykh toporov s Tetyushskogo II gorodishcha v Tatarstane epokhi rannego srednevekov'ya [Treasure of Iron Axes from the Tetyush II Settlement in Tatarstan in the Early Middle Ages]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2014. №1 (9). Pp. 42–60.

Sysak N.S. Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya tak nazyvaemoy burtasskoy kul'tury [Anthropological Characteristics of the Population of the So-Called Culture of Burgas]. KSIE. 1963. Vol. 14. Pp. 91–95.

Trofimova T.A. Antropologicheskii sostav naseleniya g. Bolgary v X–XV vv. [Anthropological Composition of the Population of the Bulgarians in the 10–15th Centuries]. Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya. Antropologicheskii sbornik I [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. 33. Anthropological Collection I]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. Pp. 73–115.

Martin R. Lehrbuchder Antropologieinsistematischer Darstellung. 2 Aulage. Bd 1–3, Jena,

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903.22

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МОНГОЛЬСКИЕ «КОПЬЕВИДНЫЕ» НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ СОБРАНИЯ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

Публикуется серия из девяти железных наконечников стрел, формы пера и упора которых напоминают наконечники копий. Приводятся сведения о местонахождении и происхождении этих предметов. Признаки наконечников стрел классифицируются. Дается подробное описание каждого изделия с указанием его параметров и особенностей конструкции, которые дополняются иллюстративными материалами. Рассматривается развитие признаков публикуемых наконечников стрел и очерчивается круг их аналогий. Эти данные позволяют определить время бытования и этнокультурную принадлежность анализируемых предметов. Период бытования однолопастных наконечников стрел, похожих на наконечники копий, охватывает XIII–XVIII вв. Основная территория их распространения указывает на принадлежность к монгольской культуре. Коллекция из восьми наконечников стрел, происходящая из крепости Кобдо, может быть связана с событиями джунгаро-цинской войны 1731–1732 гг.

Ключевые слова: музейные коллекции, оружие дальнего боя, наконечники стрел, классификация, типология, развитое и позднее средневековье, Алтай, монгольский комплекс вооружения.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-10

Введение

В фондах Алтайского государственного краеведческого музея (далее – АГКМ) хранится девять достаточно редких железных наконечников стрел. Их отличительными признаками являются выраженное однолопастное перо и длинный цилиндрикоконический упор, отчего они похожи на уменьшенные наконечники копий. В целом подобное сходство характерно для многих наконечников стрел как со втульчатым, так и с черешковым насадом [Медведев, 1966, табл. 30.-3–5, 28–30], но экземпляры из АГКМ имеют самые крупные параметры, что выделяет их в особую самостоятельную серию среди «копьевидных» наконечников стрел.

Большая часть данных предметов (восемь наконечников) входит в коллекцию №41 (рис. 1). В музейной документации они записаны как «Стрелы монголов – Кобдо – Монголия», других сведений нет. Однако в архивных материалах музея имеется более подробная информация об этой коллекции. В одном документе сообщается, что она поступила в октябре 1919 г. от начальника почтово-телеграфного отделения в Кобдо и в ней значатся 18 железных наконечников стрел и 15 гранат [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 43]. В другом документе записано, что коллекция поступила от начальника почтово-телеграфной конторы в Кобдо «3.Х.1919 г.», найдена в Монголии «на месте бывшего арсенала, разрушенного при взятии Кобдо», где находки «выкапываются тысячами». В ней значатся 17 плоских железных наконечников стрел, один наконечник «с четырехгранным стержневидным острием»

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

и четыре «железных изогнутых пластинки с вырезами и гвоздиками (поручник?)» [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42. Л. 23]. Последние четыре предмета – это, вероятно, пара защитных створчатых наручей. Третий документ практически дублирует сведения предыдущего, в нем лишь добавлено, что предметы коллекции переданы начальником конторы в дар, а в списке появляется железный топор [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–5]. В нем также упоминают 17 железных наконечников стрел, которые названы китайскими, и четыре «железных наручника», найденных в Кобдо [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 44. Л. 38].

Рис. 1. Железные наконечники стрел из Кобдо, ОФ 41, экспозиция АГКМ
(фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Несмотря на разночтения о составе коллекции, имеющиеся в архивных материалах, все они свидетельствуют о том, что интересующие нас наконечники стрел привезены с территории Западной Монголии из г. Кобдо (современное название – Ховд), где до сих пор сохранились развалины цинской крепости (рис. 2).

Еще один аналогичный предмет входит в коллекцию №22 (рис. 3). Вещи этой коллекции, согласно музейной документации, были найдены студентом Е. Гречаниновым в 1912 г. при раскопках на горе Иикту в 15 верстах от с. Кош-Агач. Упомянутая гора является самой высокой вершиной Южно-Чуйского хребта. Следовательно, этот наконечник стрелы происходит с территории Горного Алтая, из Кош-Агачского района, который граничит с Монгольским Алтаем.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот обозначенной серии наконечников стрел, включая их полное описание, а также определение датировки и этнокультурной принадлежности.

Рис. 2. Остатки стен цинской крепости в г. Ховде (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Рис. 3. Железный наконечник стрелы с г. Иикту, ОФ 22, фонды АГКМ (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Описание наконечников стрел

Все публикуемые изделия относятся к комплексу вооружения, категории – наступательное вооружение (оружие), надвиду – оружие дальнего боя, виду – стрелы [Горбунов, 2006, с. 8]. Они представлены поражающими частями стрел – наконечниками и по материалу изготовления относятся к одной группе – железных. Это установлено визуальным осмотром. Предметы покрыты поверхностной коррозией, которая не искажает их изначальных параметров. По способу насада наконечника на древко стрелы все изделия относятся к одному разряду черешковых. Такой наконечник вставлялся в торец древка выступающим насадом, сделанным в виде стержня. По телу пера и его поперечному сечению все экземпляры относятся к разделу однолопастных. Перо наконечника представляет собой уплощенное тело в виде одной лопасти, имеющее в поперечном сечении форму выпуклой линзы или сильно вытянутого ромба. По общему силуэту пера в продольной плоскости и наличию острия публикуемые изделия делятся на два отдела:

I. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера близок к геометрической фигуре – ромбу (рис. 4.-1–5).

II. Негеометрические заостренные. Общий силуэт пера напоминает фигуру на ассоциативном уровне (рис. 4.-6–9).

По конкретному абрису пера наконечники делятся на два типа:

1. Вытянуто-ромбические. Форма пера похожа на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию (рис. 4.-1–5).

2. Килевидные. Силуэт пера представляет фигуру с параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию, и напоминает киль корабля (рис. 4.-6–9).

По наличию упора и его конструкции наконечники относятся к одному варианту. Перо при переходе в черешок снабжено монолитным цилиндрическим упором, высота которого больше его ширины.

Приведем индивидуальные характеристики наконечников стрел.

1. Изделие общей длиной 13,2 см (рис. 4.-1). Перо вытянуто-ромбическое, длиной 5 см. Его наибольшая ширина – 2,2 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение пера – в виде выпуклой линзы. Упор цилиндрический, длиной 5 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,9 см, наименьшая ширина у пера – 0,6 см, наибольшая толщина – 0,75 см. Поперечное сечение упора подовальное. Черешок стержневидный, длиной 3,2 см, погнут. Его средняя ширина – 0,4 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

2. Изделие общей длиной 11,4 см (рис. 4.-2). Перо вытянуто-ромбическое, длиной 4,5 см. Его наибольшая ширина – 2,2 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение пера – в виде выпуклой линзы. Упор цилиндрический, длиной 4,8 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,9 см, наименьшая ширина у пера – 0,5 см, наибольшая толщина – 0,75 см. Поперечное сечение упора подовальное. Черешок стержневидный, длиной 2,1 см. Его средняя ширина – 0,4 см, толщина – 0,35 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

3. Изделие общей длиной 12,6 см (рис. 4.-3). Перо вытянуто-ромбическое, длиной 4,5 см. Его наибольшая ширина – 2,2 см, толщина – 0,45 см. Поперечное сечение пера – в виде вытянутого ромба, грани на плоскостях выражены слабо. Упор цилиндрический, длиной 5,7 см. Его наибольшая ширина у черешка – 1,1 см, наименьшая

ширина у пера – 0,7 см, наибольшая толщина – 0,9 см. Поперечное сечение упора ромбовидное. Черешок стержневидный, длиной 2,4 см, на окончании погнут. Его средняя ширина – 0,45 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

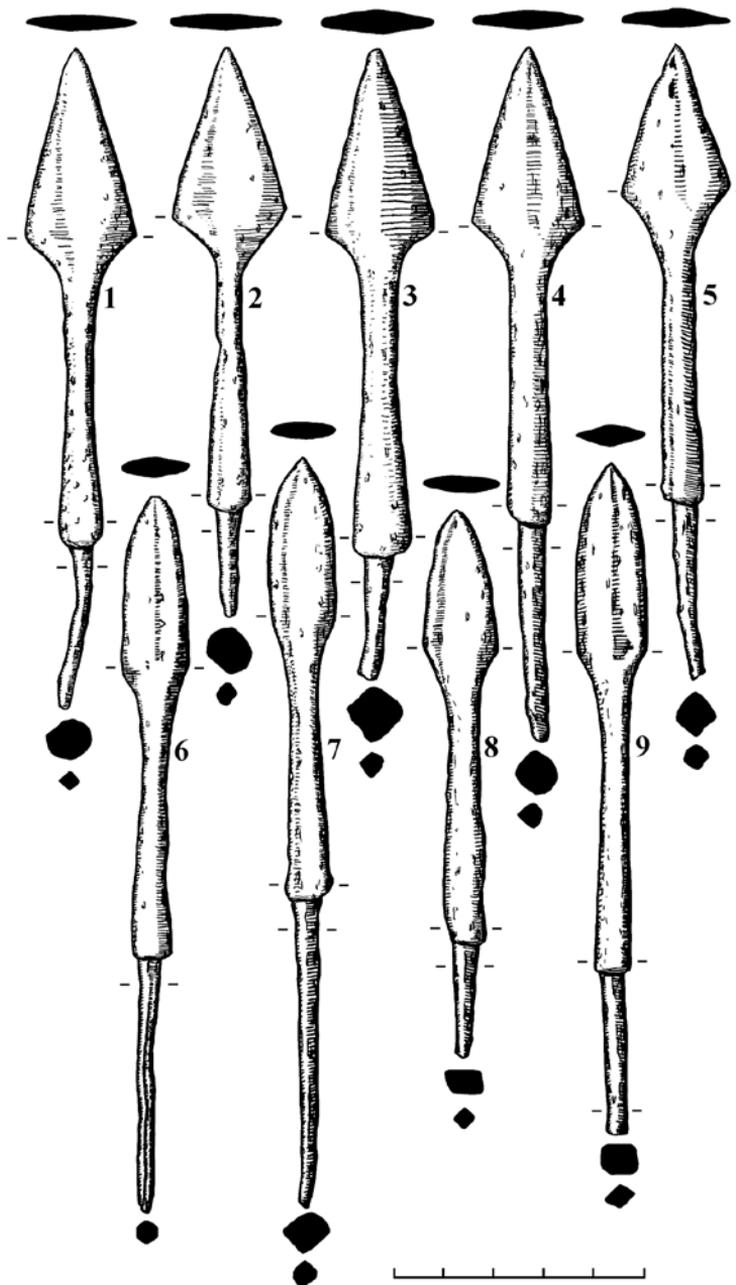

Рис. 4. Железные «копьевидные» наконечники стрел из АГКМ:
1–8 – Кобдо, Ховдский аймак, Монголия; 9 – гора Иикту,
Кош-Агачский район, Республика Алтай (рисунки выполнены В.В. Горбуновым)

4. Изделие общей длиной 13,8 см (рис. 4.-4). Перо вытянуто-ромбическое, длиной 4,5 см. Его наибольшая ширина – 2,2 см, толщина – 0,35 см. Поперечное сечение пера – в виде вытянутого ромба, грани на плоскостях выражены слабо. Упор цилиндрикоконический, длиной 5,1 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,85 см, наименьшая ширина у пера – 0,7 см, наибольшая толщина – 0,75 см. Поперечное сечение упора подовальное. Черешок стержневидный, длиной 4,2 см, слегка погнут в нижней половине. Его средняя ширина – 0,5 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

5. Изделие общей длиной 12,6 см (рис. 4.-5). Перо вытянуто-ромбическое, длиной 4,4 см. Его наибольшая ширина – 2,2 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение пера – в виде вытянутого ромба, грани на плоскостях выражены слабо. Упор цилиндрикоконический, длиной 4,7 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,8 см, наименьшая ширина у пера – 0,6 см, наибольшая толщина – 0,7 см. Поперечное сечение упора ромбовидное. Черешок стержневидный, длиной 3,5 см, погнут ближе к окончанию. Его средняя ширина – 0,5 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

6. Изделие общей длиной 14,2 см (рис. 4.-6). Перо килевидное, длиной 4,2 см. Его наибольшая ширина – 1,4 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение пера – в виде вытянутого ромба, грани на плоскостях выражены слабо. Упор цилиндрикоконический, длиной 5 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,85 см, наименьшая ширина у пера – 0,55 см, наибольшая толщина – 0,85 см. Поперечное сечение упора округлое. Черешок стержневидный, длиной 5 см, слегка погнут в средней части. Его средняя ширина – 0,4 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение черешка шестигранное.

7. Изделие общей длиной 15 см (рис. 4.-7). Перо килевидное, длиной 4,2 см. Его наибольшая ширина – 1,3 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение пера – в виде выпуклой линзы. Упор цилиндрикоконический, длиной 4,7 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,9 см, наименьшая ширина у пера – 0,6 см, наибольшая толщина – 0,6 см. Поперечное сечение упора ромбовидное. Черешок стержневидный, длиной 6,1 см, на окончании погнут. Его средняя ширина – 0,45 см, толщина – 0,45 см. Поперечное сечение черешка шестигранное.

8. Изделие общей длиной 11 см (рис. 4.-8). Перо килевидное, длиной 3,8 см. Его наибольшая ширина – 1,5 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение пера – в виде выпуклой линзы. Упор цилиндрикоконический, длиной 4,9 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,8 см, наименьшая ширина у пера – 0,55 см, наибольшая толщина – 0,5 см. Поперечное сечение упора подпрямоугольное. Черешок стержневидный, длиной 2,2 см. Его средняя ширина – 0,4 см, толщина – 0,3 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

9. Изделие общей длиной 13,4 см (рис. 4.-9). Перо килевидное, длиной 4,5 см. Его наибольшая ширина – 1,4 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение пера – в виде вытянутого ромба, грани на плоскостях выражены четко. Упор цилиндрикоконический, длиной 5,7 см. Его наибольшая ширина у черешка – 0,75 см, наименьшая ширина у пера – 0,5 см, наибольшая толщина – 0,6 см. Поперечное сечение упора подпрямоугольное. Черешок стержневидный, длиной 3,2 см. Его средняя ширина – 0,6 см, толщина – 0,4 см. Поперечное сечение черешка ромбовидное.

Типологический анализ

Наконечники стрел из железа появляются в начале I тыс. до н.э. и к концу этого тысячелетия вытесняют бронзовые наконечники из комплексов вооружения в большинстве регионов Евразии, знакомых с металлообработкой. Черешковый насад для

крепления к древку стрелы стал применяться на железных наконечниках сразу с их появлением. Его технология производства в железе была проще, чем изготовление втульчатого насада. Если в западных районах Евразии железные втульчатые наконечники применялись достаточно интенсивно, то на востоке Евразии абсолютно господствовали черешковые [Горбунов, 2006, с. 37–38].

Железные наконечники стрел с однолопастным пером (часто их называют плоскими) появляются в последней четверти I тыс. до н.э. и активно используются на протяжении I тыс. н.э. и большей части II тыс. н.э. В колчаных наборах они начинают преобладать с периода развитого средневековья. Однолопастные наконечники с заостренной геометрической формой пера вытянуто-ромбического абриса были известны с конца III в. до н.э. и продолжали применяться в дальнейшем, хотя данный тип и уступал количественно ромбическим и асимметрично-ромбическим экземплярам [Горбунов, 2006, с. 42, рис. 38]. Однолопастные наконечники с заостренной негеометрической формой пера килевидного абриса появляются в период развитого средневековья и бытуют до начала Нового времени включительно [Бобров, Худяков, 2008, с. 96–97, рис. 21.-11].

Такой признак, как длинный монолитный упор, становится известен у железных наконечников в период Великого переселения народов, но наибольшее распространение он получает в период раннего средневековья у наконечников с бронебойным граненым пером. Такие наконечники в оружейведческой литературе часто называются боеголовковыми. В раннем средневековье преобладают ровные цилиндрические упоры, а с развитого средневековья получают распространение упоры, заметно расширяющиеся к черешку, – цилиндроконические [Горбунов, 2006, с. 43, рис. 38]. Весьма вероятно, что именно в этот период цилиндроконическими упорами начинают снабжаться наконечники с нешироким однолопастным пером. Это могло быть вызвано необходимостью повысить проникающие свойства однолопастных наконечников, большинство типов которых годилось для поражения бездоспешного противника. Придание же однолопастному перу более оптимального проникающего абриса и его усиление мощным упором позволяло стрелам с такими наконечниками пробивать, по крайней мере, мягкий доспех [Бобров, Худяков, 2008, с. 97, 105].

Приведем аналогии наконечникам стрел из АГКМ по всему комплексу признаков. Семь «копьевидных» наконечников с пером килевидного абриса были найдены во впускном погребении №3 кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве. По составу инвентаря они достаточно аргументированно датируются XIII–XIV вв. [Грач, 1982, с. 164–165, рис. 6.-1–7]. С территории Тувы происходит и еще один такой наконечник с вытянуто-ромбическим пером из памятника Туран, который относится к периоду развитого средневековья [Худяков, 1997, с. 46, рис. 29.-6].

Пять «копьевидных» наконечников с вытянуто-ромбическим пером и один с килевидным пером опубликованы при анализе вооружения кочевников Алтая периода развитого средневековья. Отмечено, что они происходят из числа случайных находок и датируются XIII–XIV вв. [Худяков, 1997, с. 65, 68–69, рис. 39.-6, 8, 11, 14–16]. Скорее всего, в упомянутой монографии использовались наконечники стрел из собрания Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. По крайней мере, один «копьевидный» наконечник стрелы с вытянуто-ромбическим пером и один с килевидным пером представлены в современной экспозиции этого музея. Один «копьевидный» наконечник с килевидным пером есть в составе коллекции Л.Н. Некрасова, хранящейся

в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Он входит в группу предметов, найденных на обширной территории, включающей Кузнецкий, Бийский и Барнаульский округа, и характерных для монгольской культурной традиции XIII–XIV вв., многие из которых могли использоваться до XVIII в. [Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2010, с. 72–73, 76, рис. 12.-5].

Больше всего (около 40) «копьевидных» наконечников стрел с килевидным и вытянуто-ромбическим пером найдено в могильниках и на городищах Монголии и Забайкалья, которые относятся к периоду развитого средневековья и в основном датируются XIII–XIV вв. [Худяков, 1985, с. 104–105, рис. 8.-1–7, 9–11, 13–15; Худяков, 1991, с. 108–109, рис. 57.-6, 59.-4–5, 7, 60.-4, 7, 11, 61.-5, 9–12, 14].

В западных районах Евразии «копьевидные» наконечники стрел, аналогичные экземплярам из АГКМ, встречаются крайне редко. Можно отметить такой наконечник с вытянуто-ромбическим пером из Новгорода, найденный в слое XIV в. [Медведев, 1966, табл. 26.-12].

Приведенные аналогии показывают, что значительная серия однолопастных «копьевидных» наконечников стрел датируется XIII–XIV вв., т.е. монгольским временем. Однако специалисты считают возможным относить целый ряд «копьевидных» наконечников стрел из памятников и музейных коллекций с территории Южной Сибири, Забайкалья и Монголии к периоду позднего средневековья, доводя их датировку до XVIII в. [Бобров, Худяков, 2008, с. 96–97, рис. 14.-6–9, 16.-6–7, 17.-4, 18.-8, 17, 26, 19.-24, 31]. Таким образом, общие хронологические рамки бытования однолопастных «копьевидных» наконечников стрел рассматриваемых типов могут быть определены XIII–XVIII вв.

Этнокультурная принадлежность публикуемых наконечников стрел из АГКМ, на наш взгляд, может быть определена как монгольская. В пользу этого говорит основная территория их распространения, которая в развитом и позднем средневековье была преимущественно заселена монгольскими племенами. Тюркоязычные кочевники Южной Сибири, в арсенале которых тоже были стрелы с такими наконечниками, уже в развитом средневековье перешли на монгольский комплекс вооружения и в частности находились под полным влиянием монгольской традиции в изготовлении стрел [Горбунов, 2006, с. 45].

Заключение

Отдельно следует остановиться на истории наконечников стрел из коллекции №41. Сведения об их происхождении из бывшего арсенала Кобдо говорят, что, скорее всего, они были обнаружены в результате штурма этой маньчжуро-китайской крепости войсками монгольской армии летом 1912 г. или немного позднее на ее развалинах. Однако сами наконечники стрел явно не использовались в военных действиях начала XX в. Их появление в арсенале крепости и активное применение может относиться к XVIII в. и, скорее всего, связано с событиями джунгаро-цинских войн. В этом же контексте следует рассматривать упоминаемые в архивных записях гранаты и пару железных наручей.

Считается, что г. Кобдо был основан правителем Джунгарии Галдан-Бошокту-ханом (1671–1697 гг.). После первой джунгаро-цинской войны 1690–1697 гг. его территория попала под контроль империи Цин. Накануне третьей джунгаро-цинской войны 1729–1738 гг. маньчжурские власти строят ряд крепостей на восточных границах Джунгарского ханства, в том числе и в Кобдо. В конце лета 1731 г. джунгарские войска, наступая на Халху, вошли в Кобдоский край. Не исключено, что тогда крепость временно перешла в руки ойратов, которые могли удерживать ее до лета – осени

1732 г., пока не потерпели окончательного поражения от маньчжуро-халхаских войск [Чимитдоржиев, 2002, с. 36, 60, 93–97].

В дальнейшем крепость Кобдо продолжала оставаться форпостом Цинской империи в Особом Кобдоском округе, разделявшим Джунгарию и Халху, в котором сидел маньчжурский наместник, контролировавший лояльность населения [Чимитдоржиев, 2002, с. 134]. Военная ситуация обострилась во время восстания халха-монголов против династии Цин в 1756–1757 гг. Повстанцы захватили некоторые цинские крепости, но каких-либо данных об их нападениях в районе Кобдо нет [Чимитдоржиев, 2002, с. 72]. Поэтому активные военные действия, связанные с этой крепостью, видимо, имели место только в 1731–1732 гг. и затем уже в начале XX в.

Стрелы с «копьевидными» наконечники из арсенала крепости Кобдо, конечно, могли состоять на вооружении маньчжурских и китайских воинов. Однако гораздо вероятнее их принадлежность к саадачным наборам воинов-цириков из Халхи и Южной Монголии, контингенты которых составляли значительную часть цинской армии. Нельзя исключать попадания таких стрел в крепость Кобдо и вместе с ойратскими воинами.

Проанализированные наконечники стрел из двух коллекций АГКМ дополняют имеющиеся сведения об оружии дальнего боя кочевников Центральной Азии и Южной Сибири развитого и позднего средневековья и начала Нового времени. Причем предметы одной коллекции, возможно, являются участниками и свидетелями конкретных событий военной истории.

Архивные материалы

АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 41. «Хронологический каталог музея Алтайского Подотдела Императорского Русского Географического общества» со сведениями о поступлении экспонатов за 1894, 1896, 1902–1913, 1918–1919 гг. На 44 л.

АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42. Добавочная опись предметов к инвентарю Археологического отделения Алтайского государственного музея // «Инвентарная книга социального отдела Алтайского Губернского Центрального музея» со сведениями об экспонатах, поступивших в 1903, 1919–1923, 1925, 1927–29 гг. На 14/34 л.

АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. «Книга экспонатов Историко-Географического Отдела Барнаульского музея» со сведениями о поступлении экспонатов за 1903–1931 гг. На 50 л.

АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 44. «Инвентарная книга для записи экспонатов Алтайского Губернского Центрального Советского музея» со сведениями о поступлении экспонатов за 1904–1927 гг. На 118 л.

Библиографический список

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : СПбГУ, 2008. 776 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Археологическая коллекция Л.Н. Некрасова из фондов МАЭС ТГУ // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии : Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Томск : ТГУ, 2010. Т. III, вып. 1. С. 65–89.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 156–168.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. : Наука, 1966. 182 с. (САИ, Е1–36).

Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 96–114.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.

V.V. Gorbunov

MONGOLIAN “SPEAR-SHAPED” ARROWHEADS FROM THE COLLECTION OF THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE

The article considers the publication of the series of nine iron arrowheads where the feather and the detent resemble spearheads. The author provides the information about the location and origin of these objects. The classification is given to the signs of arrowheads. The detailed description is given to each product, specifying its parameters and design features, providing the illustrative materials. The article examines the development of arrowheads' signs and outlines the scope of their analogies. These data allow us to determine the time of existence and ethno-cultural affiliation of the analyzed objects. The period of existence of the single blade arrowheads which resemble the spearheads covers the period of the 13–18th centuries. The main territory of their distribution indicates their belonging to Mongolian culture. The collection of eight arrowheads originating from the Hovd fortress may be associated with the events of the Dzungar-Qing war of 1731–1732.

Key words: the museum's collection, ranged weapons, arrowheads, classification, typology, developed and later middle Ages, Altai, Mongolian complex weapons.

References

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – the first half of the 18th century)]. SPb. : SPbGU, 2008. 776 p.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II : Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military Arts of the Altai Population in the 13–14th Centuries. Part II: Arms (weapons)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.

Gorbunov V.V., Kungurov A.L., Tishkin A.A. Arheologicheskaja kollekcija L.N. Nekrasova iz fondov MAJeS TGU [Archaeological Collection of L.N. Nekrasov from the of MAES TSU Funds]. Materialy i issledovanija drevnej, srednevekovoj i novoj istorii Severnoj i Central'noj Azii : trudy Muzeja arheologii i jetnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Materials and Research of Ancient, Medieval and Modern History of North and Central Asia: the Works of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Tomsk State University in Siberia]. Tomsk : TGU, 2010. Vol. III, Issue 1. Pp. 65–89.

Grach V.A. Srednevekovye vpusknye pogrebenija iz kurgana-hrama Ulug-Horum v Juzhnoj Tuve [Medieval Inlet Burial Mounds of the Ulug-Horum Temple in South Tuva]. Arheologija Severnoj Azii [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 156–168.

Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand Throwing Weapons (Bow and Arrow, Crossbow) 8–14th Centuries]. M. : Nauka, 1966. 182 p. (SAI, E1–36).

Hudjakov Ju.S. Zheleznye nakonechniki strel iz Mongolii [Iron Arrowheads from Mongolia]. Drevnie kul'tury Mongolii [Ancient Cultures of Mongolia]. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 96–114.

Hudjakov Ju.S. Vooruzhenie central'noaziatskih kochevnikov v jepohu rannego i razvitogo srednevekov'ja [Armament of Central Nomads in the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Hudjakov Ju.S. Vooruzhenie kochevnikov Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v jepohu razvitogo srednevekov'ja [Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia, in the Era of the Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1997. 160 p.

Chimitdorzhiev Sh.B. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII–XVIII vv. [The National Liberation Movement of the Mongolian People in 17–18th Centuries]. Ulan-Udje : Izd-vo BNC SO RAN, 2002. 216 p.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В состав археологического собрания Алтайского государственного краеведческого музея входят как коллекции, относящиеся к скифскому времени, составленные профессиональными археологами в результате раскопок древних памятников, так и большое количество случайных находок, передававшихся в музей на протяжении длительного времени. Археологическое собрание музея формируется уже более 100 лет.

До 1950-х гг. материалы по археологии в музей попадали в виде случайных поступлений. Деятельность профессиональных археологов, работавших в музее или сотрудничавших с ним во 2-й половине XX в., (А.П. Уманского, Э.М. Медниковой, В.А. Могильникова), позволила собрать в музее представительную и значимую коллекцию по скифской эпохе с территории лесостепного Алтая.

Активизация и приостановка пополнения археологических фондов музея связана с интенсивностью деятельности археологов, которые проводили на его базе археологические экспедиции.

На сегодняшний день коллекция Алтайского государственного краеведческого музея отражает все культурное разнообразие эпохи раннего железа лесостепного Алтая. Она представлена как яркими экспозиционными материалами, так и полными научно обработанными коллекциями. Данное собрание постоянно востребовано специалистами-археологами.

Ключевые слова: Алтайский государственный краеведческий музей, скифское время, археологические коллекции, лесостепной Алтай.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-11

В Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) за более чем 100-летний период сформировалось небольшое, но довольно представительное собрание экспонатов, отражающих историю формирования и развития культур на территории степного и лесостепного Алтая в скифское время. В его состав входят как коллекции, составленные в ходе раскопок археологических памятников профессиональными археологами, так и большое количество случайных находок, передававшихся в музей на протяжении длительного времени.

Еще во 2-й четверти XIX в. в Барнаульском музее, организованном П.К. Фроловым, сформировалась небольшая коллекция древностей, куда, по-видимому, входили и экспонаты, относящиеся к эпохе раннего железа. Сохранился перечень предметов, появившийся в ходе подготовки коллекций Барнаульского музея для участия в Антропологической выставке 1879 г. в Москве. В состав этого собрания входили «два бронзовых котла с ручками», вероятно, относившиеся к скифскому времени [Фролов, 2003, с. 45]. Именно за коллекцию древностей Барнаульский музей получил серебряную медаль от организаторов выставки. Несмотря на то, что в опубликованном перечне

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект №1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности»), а также при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

коллекций Московской антропологической выставки 1879 г. значит, что экспонаты Барнаульского музея собраны В.В. Радловым, работа с документацией за XIX в. не подтверждает данную информацию [Фролов, 2003, с. 46]. Все предметы археологической коллекции Барнаульского музея были собраны еще до 1850-х гг. и в основном еще при П.К. Фролове. В.В. Радлов все находки, полученные в ходе раскопок по Открытым листам, обязан был передавать в археологическую комиссию. Нам не известно ни одного документа, свидетельствующего о том, что собранные случайные находки, которые В.В. Радлов покупал у местного населения, он передал в Барнаульский музей.

Археологические коллекции Барнаульского музея, за исключением изваяния барана тюркского времени, в собрании АГКМ не сохранились [Фролов, 2001а, с. 63, рис. 1–4]. В 1907 г. значительная часть экспонатов этнографических, биологических и археологических коллекций была передана в музей Томского университета (Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского), в том числе и два бронзовых котла [Фролов, 2001а, с. 63]. В 1911 г. из Барнаульского музея в музей Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) переданы библиотека и ряд коллекций. По сведениям Ю.А. Абрамовой [1999, с. 26], в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО поступили минералогическая и палеонтологическая коллекции, ряд моделей механизмов и некоторые археологические предметы.

Первые археологические экспонаты, относящиеся к скифскому времени, в АГКМ стали поступать после организации музея Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. Первые поступления археологических экспонатов зафиксированы в 1903 г. Это были случайные находки, передававшиеся членами Алтайского подотдела: С.П. Швецовым, Г.И. Биллем, Н.Н. Кокшаровым, А.П. Залесским и др. [Тишкина, 2004, с. 40].

Значительная часть экспонатов, относящихся к раннескифскому и скифскому времени, поступила в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО после раскопок и сборов Н.С. Гуляева на комплексе памятников Ближние Елбаны. Основу экспонатов, переданных Н.С. Гуляевым, составляют материалы его раскопок 1903 г., которые финансировались Алтайским подотделом ЗСО ИРГО [Тишкина, 2007, с. 154]. К рассматриваемому периоду относятся: коллекция керамики с поселения переходного времени от бронзы к железу Ближние Елбаны-1 и отдельные вещи из раскопанных Н.С. Гуляевым погребений или происходящие из сборов [Фролов, Папин, 1995, с. 88–91].

К сожалению, при составлении описей экспонатов Алтайского краеведческого музея в конце 1920–1940-х гг. информация о происхождении многих предметов археологии, поступивших до 1919 г., была искажена. Большинство этих предметов были записаны как происходящие из раскопок Н.С. Гуляева. Только по сохранившимся книгам поступлений предшествующего времени удастся частично восстановить легенду отдельных экспонатов [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42–44]. В частности, интересная коллекция предметов из сборов в 1918 г., вероятно, происходящая из разрушенных погребений могильника скифского времени Клепиково-1, была записана позднее как находки из раскопок Н.С. Гуляева в Горном Алтае в 1912 г. около с. Кумуртук (Балькса). Насколько нам известно, Н.С. Гуляев раскопки в Горном Алтае не проводил [Фролов, 2001б, с. 294].

В 1920 г. музеем была впервые организована экспедиция, целью которой являлся сбор экспонатов по археологии и этнографии. Возглавлял ее А.П. Киршевский [Тишкина, 2014, с. 218–219]. В ходе этих работ в районе с. Енисейское, Бехтимир, Мало-

Угреново, Фоминское собраны важные материалы, включавшие керамику бийского этапа большереченской культуры и отдельные изделия, относящиеся к раннескифскому и скифскому времени. Это бронзовые ножи, пряжки, пряслица, керамический сосуд кувшиновидной формы, украшенный валиком с насечками [АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42–44].

Серьезных поступлений в археологические фонды музея в 1920–1930-е гг. не было. Собрание по древней истории пополнялось отдельными случайными находками, передаваемыми населением [Тишкина, 2014, с. 221].

Впервые научные описи коллекций археологии в музее созданы в 1925 г. М.П. Грязновым [Тишкина, 2014, с. 221]. Им выполнено научное описание экспонатов коллекций АГКМ, в том числе и относящихся к раннему железному веку. Изучение этих коллекций музея и, в частности, керамики и костяных орудий, собранных местными жителями в районе Чудацкой Горы, послужило поводом проведения М.П. Грязновым на этом памятнике археологических раскопок, в ходе которых получена значительная коллекция материалов, относящихся к каменной и кулайской культурам [Кирюшин, Фролов, 2000, с. 46].

Из археологических работ, проводившихся сотрудниками музея, следует отметить раскопки в 1930 г. захоронений скифского времени на могильнике Большой Гляден (территория г. Барнаула) [Тишкина, 2014, с. 222]. Г.Д. Няшин исследовал погребения, составил планы; П.А. Казанский выполнял фотофиксацию работ. К сожалению, отсутствие опыта проведения археологических раскопок не позволило достаточно полно описать этот археологический памятник.

С 1955 по 1963 г. с Алтайским краевым краеведческим музеем активно сотрудничал А.П. Уманский, организовавший под эгидой музея несколько археологических экспедиций [Паршикова, 2013, с. 224; Демин, 2016, с. 202–203]. Материалы его работ на памятниках скифского времени стали первыми коллекциями с раскопанных профессиональными археологами памятников в собрании АГКМ. К эпохе раннего железа относятся находки с комплекса памятников в урочище Раздумье – могильников Раздумье-4, 5, 6 и городища Раздумье-1, которые были получены в ходе раскопок А.П. Уманского в 1961 г. [Уманский, 1993в, с. 83–99; АГКМ. ОФ 17421–17423]. Представительная коллекция поступила в фонды АГКМ после раскопок А.П. Уманским в 1960 г. первого в Кулунде памятника скифского времени – курганного могильника Кочки-1 [Уманский, 1993а, с. 210–219]. Это боченковидный сосуд, курильница и другие изделия [АГКМ. ОФ 14796]. А.П. Уманским в АГКМ переданы предметы из кургана каменной культуры, изученного им в 1962 г. у с. Гоньба [Уманский, 1993в, с. 17–19; АГКМ. ОФ 11879]. Кроме того, в музее хранятся обнаруженные в 1961 г. А.П. Уманским находки из разрушенного кургана у с. Новотроицкое (могильники Новотроицкое-1 и 2) [АГКМ. ОФ 11202] и погребения, раскопанного им в 1962 г. на станции Заринская [Уманский, 1995, с. 134–137; АГКМ. ОФ 11201].

Большая коллекция артефактов была сдана А.П. Уманским в фонды АГКМ после раскопок каменного поселения «Селище Елбан» [Уманский, 1970; АГКМ. ОФ 11249]. Материалы эпохи раннего железа имеются и в составе сборов А.П. Уманского, полученных в ходе изучения в 1956 г. памятников в районе с. Касмала и на Чудацкой Горе [АГКМ. ОФ 11195, 11196], а также комплекса памятников Киприно-1 в 1959 г. [АГКМ. ОФ 11204]. В фондах АГКМ хранятся поступившие в музей в 1962 г. с этого же памят-

ника (урочище «Борки» близ с. Киприно) сборы учителя средней школы с. Тюменцево Ю.С. Орлова [АГКМ. ОФ 11137], который в 1960-х гг. проводил разведки по Открытым листам в Тюменцевском, Шелаболихинском и Павловском районах.

Последней в 2012 г., уже после смерти А.П. Уманского, в АГКМ поступила коллекция золотых изделий, полученная им в ходе раскопок курганных могильников Новотроицкое-1, 2, Рогозиха-1, Камень-2 [АГКМ. ОФ 19242].

С середины 1960-х гг. сборы, а затем и раскопки на археологических памятниках проводила Э.М. Медникова – сотрудник отдела досоветской истории АГКМ, первый профессиональный археолог, работавшая в АГКМ.

В 1968–1969 гг. Э.М. Медникова провела раскопки на Бобровском могильнике, относящемся к переходному времени от эпохи бронзы к эпохе железа [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996; АГКМ. ОФ 12700, 12790, 12744]. Кроме значительной серии находок из погребений большереченской культуры переходного времени, в АГКМ поступили материалы из культурного слоя поселения Обские Плеса-1, перекрывающего более ранние захоронения [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, с. 85–86]. Значительные данные по раннескифскому и скифскому времени получены в ходе раскопок в 1968–1970 гг. Э.М. Медниковой на городище Елбанка [АГКМ. ОФ 12693, 12909]. Это один из важнейших памятников Верхнего Приобья, содержащий широкий спектр напластований культур эпохи раннего железа (большереченской, староалейской, каменной и кулайской) и более позднего времени [Абдулганеев, 2001].

Большой интерес представляют работы Э.М. Медниковой 1966–1967 гг. по сборам на памятниках вдоль ленточных боров в восточной зоне Кулунды. Материалы раннего железного века получены с разрушающихся объектов в районе сел Черная Курья, Боровское, Крестьянское, Зеркалы, Урлапово [Иванов, 1982, с. 51; 1993, с. 59–61; АГКМ. ОФ 12470, 12471, 12580, 12596, 13518]. Также в музее хранятся бронзовые ножи из сборов Г.Е. Иванова в районе Черной Курьи в 1968–1969 гг. [АГКМ. ОФ 13178].

Несколько поселений раннего железа Э.М. Медникова открыла в ходе разведки в Усть-Пристанском районе – поселения Усть-Пристань-1, Колово-1, Мокрушино, Коловый Мыс-1 [Фролов, 1999б, с. 13–15; АГКМ. ОФ 12699, 12694, 12695, 12996/1–3].

Именно Э.М. Медникова вместе с участниками возглавляемого ею археологического кружка (А. Кунгуровым, С. Гусевым и др.) провела первые сборы на ряде памятников Фирсовского археологического микрорайона. Первые находки «с бугра между сел Санниково и Фирсово» в музей поступили еще в 1970 г. [АГКМ. ОФ 12906]. В 1976 г. крупные сборы керамики, в том числе относящейся и к раннему железному веку, Э.М. Медникова и А. Кунгуров провели в районе с. Фирсово [АГКМ. ОФ 13531]. В 1975 г. один из членов археологического кружка АГКМ произвел сборы на разрушающемся в ходе строительных работ Бобровском поселении [АГКМ. ОФ 13460].

С 1971 по 1976 г. на Алтае работала Алейская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая В.А. Могильниковым [2002, с. 5]. Работы экспедиции в Алтайском крае осуществлялись при участии АГКМ. Именно с начала 1970-х гг. обозначилось сотрудничество В.А. Могильникова с музеем. В результате в 1970–1980-е гг. в музей переданы многочисленные археологические коллекции, полученные в ходе аварийных работ В.А. Могильникова в зоне строительства Алейской оросительной системы, Кулундинского канала и других объектов.

Материалы раннего железного века Алейской экспедиции из курганных могильников Карболиха-10, Гилево-9, 10 и 13, Павловка-2 были переданы в АГКМ [Могильников, 1990; 1991; АГКМ. ОФ 13615, 13265, 13733]. Следует отметить, что в археологические фонды АГКМ коллекции находок с этих памятников поступили не полностью, в их состав входят лишь некоторые изделия, полученные в ходе работ, полевая документация и отдельные отчеты о раскопках.

В обследовании зоны строительства Алейской оросительной системы и Кулундинского канала в 1972 г. принимал участие отдельный отряд Алейской экспедиции под руководством Г.Е. Иванова и В.Д. Лунева. Отряд обследовал памятники в Рубцовском, Новоогорьевском, Волчихинском, Пospелихинском, Мамонтовском, Новичихинском, Шипуновском, Алейском и Романовском районах Алтайского края [Иванов, 2005]. В результате в археологические фонды АГКМ, наряду с артефактами других периодов, поступили материалы раннего железного века со следующих памятников: поселение Моховое-1, поселения у дер. Долгая, Пospелихинского района, у с. Вальной Кордон, у с. Котово, с. Катаево и поселение Зотов Лог [АГКМ. ОФ 13106–13112, 13183].

В 1975 г. В.А. Могильниковым и Э.М. Медниковой проведена совместная разведка в Завьяловском районе, в ходе которой были сделаны сборы на поселениях эпохи бронзы и раннего железа [АГКМ. ОФ 13483]. В том же году Э.М. Медникова совместно с В.А. Могильниковым и сотрудниками Новоалтайского краеведческого музея раскопали на Новоалтайском могильнике, разрушенном во время строительства очистных сооружений, несколько погребений скифского времени. Они дали уникальные материалы ранней стадии каменной культуры, том числе и предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле [Фролов, 2006]. Кроме находок из этих погребений, в фонды АГКМ поступили и сборы с разрушенных в том же районе поселений [АГКМ. ОФ 13471, 13613, 1369].

В 1976 г. в АГКМ поступили коллекции, полученные в ходе разведочных работ В.А. Могильникова на месте строительства Сорочелогского и Правдинского водохранилищ. Керамика раннего железного века происходит с поселений Жилино-1, Чесноковка-1, 2, Сорочий Лог-3 [АГКМ. ОФ 13604].

Большой комплекс материалов передан в АГКМ В.А. Могильниковым после раскопок могильника Камень-2, ставшего базовым памятником для выделения каменной культуры. В музей поступили вещи и документация, полученные после работ на памятнике в 1976 г. [Могильников, Куйбышев, 1982; АГКМ. ОФ 13720, 14563].

В 1985 г. фонды музея пополнились серией керамических сосудов из раскопок некрополей скифского времени Масляха-1, Новотроицкое-1, Андроново-6, проводившихся В.А. Могильниковым и А.П. Уманским в 1970-е гг. [АГКМ. ОФ 14571].

В конце 1980-х и в начале 2000-х гг. в АГКМ поступало немного археологических коллекций. Можно отметить отдельные находки с памятников эпохи раннего железа, полученные от В.Б. Бородаева, который сдал в фонды музея находки с могильника Вяжино-1 (Усть-Иштовка), поселений Фирсово-10 и Утопша-1 [Бородаев, 1991; АГКМ. ОФ 14773, 15282, 16210].

В 1994 г. в АГКМ передана археологическая коллекция из ликвидированного музея краеведения Краевой станции юных туристов, куда входили материалы из раскопок А.Д. Сергеева, произведенных в 1950-х гг. на памятниках большереченской куль-

туры – поселения Мыльниково, Бобровском поселении и могильнике староалейской культуры Обские Плесы-2 [АГКМ. ОФ 16553].

В 1996 г. от А.И. Авраменко в музей поступили находки из разрушенного могильника эпохи раннего железа – Поселковая улица (г. Барнаул) [Авраменко, Фролов, 1997; АГКМ. ОФ 17139, НВФ 6388].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Я.В. Фролов передал в музей коллекции, включающие предметы эпохи раннего железа, которые были собраны на комплексах памятников Горелый Кордон и Вальной Кордон в Южной Кулунде, а также в ходе разведок в Усть-Пристанском районе Алтайского края [Фролов, 1995, 1999б, с. 8, 13–14; Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; АГКМ. ОФ 17603, НВФ 6289].

Значительное количество материалов эпохи раннего железа получено в ходе разведок Д.А. Пугачева в Солтонском [2003], Красногорском [2001, 2002], Первомайском и Калманском [1998] районах Алтайского края [НВФ 6377–79, 6382, 6389]. В фонды музея поступила коллекция артефактов с поселенческого комплекса скифского времени, полученная Д.А. Пугачевым в ходе работ 2004 г. на могильнике Барсучиха [АГКМ. ОФ 18054, НВФ 6684].

Кроме коллекций из целенаправленных работ археологов (разведок и раскопок) в 1950–2000-е гг. в АГКМ периодически передавались случайные находки, относящиеся к эпохе раннего железа. Из наиболее значимых следует упомянуть следующие: предметы из разрушенных могильников Кордон [Фролов, 1999а; АГКМ. ОФ 14794], Шадрино [АГКМ. ОФ 14781]; комплекс предметов, найденных у с. Новообинка [АГКМ. ОФ 13093а]; отдельные предметы вооружения: меч, найденный в окрестностях с. Ключи [АГКМ. ОФ 11885], кинжалы из окрестностей п. Укладочный [Фролов, 2006б; АГКМ. ОФ 13720], г. Барнаула, ул. Песчаная [АГКМ. ОФ 12601/2], с. Карпово [Шульга, Пугачев, Фролов, 1999, с. 94–95, рис. 2; АГКМ. ОФ 17195], бронзовый котел с ручками в виде стоящих лошадей, найденный около с. Серебrenиково [Фролов, 2006б; АГКМ. ОФ 12601/1], наверхия в виде фигур стоящих лосей, найденные у с. Штабка [Тишкин, Кушакова, 2008, АГКМ. ОФ 9555], и другие находки.

Активизация и приостановка пополнения археологических фондов музея связана с интенсивностью деятельности археологов, работавших в АГКМ или активно сотрудничавших с ним, которые проводили на его базе археологические экспедиции. В конце 1990–2000-е гг., с появлением среди работников фондов специалистов-археологов, в музей стали передаваться коллекции из других организаций, таких как Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края и Алтайский государственный университет.

На сегодняшний день коллекция Алтайского государственного краеведческого музея отражает все культурное разнообразие эпохи раннего железа лесостепного Алтая. Она представлена как яркими экспозиционными материалами, так и полными научно обработанными коллекциями. Данное собрание постоянно востребовано специалистами-археологами.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 6. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. С. 80–88.

Абрамова Ю.А. Музей общества любителей исследования Алтая (из истории АГКМ 1891–1920 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул : Алтай, 1999. С. 23–31.

Авраменко В.И., Фролов Я.В. Новые находки эпохи раннего железа с территории г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 181–184.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул ; Павловск : Изд-во БГПУ, 2000. С. 42–50.

Бородаев В.Б. Новые археологические материалы из окрестностей с. Бобровка Первомайского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул : Барн. гос. пед. ин-т, 1991. Вып. II. С. 50–52.

Демин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2. С. 200–205.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 34–52.

Иванов Г.Е. Археологические находки из Мамонтовского района в собрании АККМ (к атрибуции и датировке) // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул : Алтай, 1993. С. 59–69.

Иванов Г.Е. Разведочные работы 1972 г. в степном Алтае // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 52–55.

Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 89–95.

Могильников В.А. Археологические исследования на верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. Барнаул : Алт. от. Географ. общ-ва Союза ССР, 1972. С. 39–43.

Могильников В.А. Памятник эпохи раннего железа на верхнем Алее // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Вып. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 78–83.

Могильников В.А. Курганы раннего железного века Корболиха-Х // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. II. Барнаул : Барн. гос. пед. ин-т, 1991. С. 95–102.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.

Паршикова Т.С. Деятельность музеев Алтайского края в области археологии (1940–1960 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/2. С. 223–227.

Тишкин А.А., Кушакова Н.А. Бронзовые навершия из Штабки: технология изготовления, аналогии, датировка // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул : Барн. гос. пед. ун-т, 2008. С. 23–33.

Тишкина Т.В. Археологическое изучение Алтая сотрудниками Алтайского подотдела Западно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1902–1917 гг.) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. С. 38–41.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. 2007. №4/2. С. 152–156.

Тишкина Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/2. С. 217–223.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. С. 45–74.

Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 202–219.

Уманский А.П. Раскопки кургана раннежелезного века у села Гоньбы // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск : Б.и., 1993б. С. 17–19.

Уманский А.П. Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 году // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул : Алтай, 1993в. С. 83–99.

Уманский А.П. Погребение березовского этапа большереченской культуры на станции Заринская // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Ч. 2. Барнаул : Алтай, 1995. С. 134–137.

Фролов Я.В. Обследование современного состояния археологических памятников Усть-Пристанского района Алтайского края // Проблемы, охраны изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 102–105.

Фролов Я.В. Вещевой комплекс могильника раннего железного века Кордон // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999а. С. 169–171.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул ; Усть-Пристань : Комби-Принт, 1999б. С. 6–29.

Фролов Я.В. Археологическая и этнографическая коллекции Барнаульского музея в XIX в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул : Алтай, 2001а. С. 57–66.

Фролов Я.В. К вопросу об одной коллекции предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле из фондов Алтайского государственного краеведческого музея // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001б. С. 294–297.

Фролов Я.В. 125 лет со времени участия Барнаульского музея в Антропологической выставке в Москве // Барнаульский хронограф, 2004: Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул : Алтай, 2003. С. 44–47.

Фролов Я.В. Коллекция художественной металлопластики эпохи раннего железа из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Т. II. Барнаул : ООО ИД «Алтапресс», 2006а. С. 105–126.

Фролов Я.В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника // Современные проблемы археологии России (Материалы Всероссийского археологического съезда. 23–28 октября 2006 г. Новосибирск). Т. II. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006б. С. 63–66.

Фролов Я.В., Ведянин С.В., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений – Горелый Кордон // Михайловский район. Очерки истории и культуры. Барнаул : ООО «Некси» : ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1999. С. 66–69.

Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 88–91.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Шульга П.И., Пугачев Д.А., Фролов Я.В. По результатам инспекционной поездки в южные районы Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 93–98.

Ya.V. Frolov

THE HISTORY OF THE SCYTHIAN TIME COLLECTION FROM FOREST-STEPPE ALTAI IN THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL HISTORY

The composition of the archaeological collection of Altai State Museum of Local History includes collections belonging to the Scythian time compiled by professional archaeologists during excavations of ancient sites and a large number of accidental finds which were transferred to the museum for a long time. The archaeological collection of the museum has been formed by more than 100 years.

Prior to the 1950s the materials on archaeology museum came as random arrivals. The activities of professional archaeologists who worked in the museum or cooperated with it in the second half of the 20th century: A.P. Umansky, E.M. Mednikova, V.A. Mogilnikova allowed the museum to gather a representative and meaningful collection of the Scythian epoch on the territory of forest-steppe Altai.

The process and the break in the replenishment of funds in the archaeological museum its associated with the intensity of the activities of the archaeologists who performed archaeological expeditions on basis.

Today the collection of Altai State Regional Museum reflects the cultural diversity of early Iron on forest-steppe Altai. It is presented with vivid exposition materials and full scientifically processed collections. This collection is constantly in demand with the specialists-archaeologists.

Key words: Altai State Museum of Local Lore, Scythian time, archaeological collections, forest-steppe Altai.

References

Abdulganeev M.T. Kul'turno-hronologicheskie komplekсы gorodishha Elbanka [Cultural Chronological Complexes of the Elbanka Settlement]. *Drevnosti Altaja. Izvestija laboratorii arheologii* [Antiquities of Altai. News of the Archaeology Laboratory. Issue 6]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2001. Pp. 80–88.

Abramova Ju.A. Muzej obshhestva ljubitelej issledovanija Altaja (iz istorii AGKM 1891–1920 gg.) [Museum Of the Society of Altai Studies Lovers (from the history AGKM 1891–1920 gg.)]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes]. Issue 3. Barnaul : Altaj, 1999. Pp. 23–31.

Avramenko V.I., Frolov Ja.V. Novye nahodki jepohi rannego zheleza s territorii g. Barnaula [New Findings from the Early Iron Age from the Territory of the City of Barnaul]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja* [Conservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue VIII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. Pp. 181–184.

Kirjushin Ju.F., Frolov Ja.V. Pamjatniki skifskogo vremeni (VI–III vv. do n.je.) na territorii Pavlovskogo rajona [Scythian Time Monuments (6–3rd Centuries BC) in the Territory of the Pavlovsk District] // *Pavlovskij rajon: Oчерki istorii i kul'tury* [Pavlovsky District: Essays on History and Culture]. Barnaul ; Pavlovsk : Izd-vo BGPU, 2000. Pp. 42–50.

Borodaev V.B. Novye arheologicheskie materialy iz okrestnostej s. Bobrovka Pervomajskogo rajona [New Archaeological Materials from the Bobrovka Village, the Pervomajsky district]. *Ohrana i issledovanija arheologicheskikh pamjatnikov Altaja* [Conservation and Research of Archaeological Sites of Altai]. Issue II. Barnaul : Barn. gos. ped. in-t, 1991. Pp. 50–52.

Demin M.A. Arheologicheskie issledovanija A.P. Umanskogo na Altae (1956–1963 gg.) [Archaeological Research of A.P. Umansky in Altai (1956–1963)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. 2016. №2. Pp. 200–205.

Ivanov G.E. K arheologicheskoj karte verhov'ev rek Kasmaly i Barnaulki [On the Archaeological Map of the Headwaters of the Kasmala and the Barnaulka Rivers]. *Arheologija i jetnografija Altaja* [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1982. Pp. 34–52.

Ivanov G.E. Arheologicheskie nahodki iz Mamontovskogo rajona v sobranii AKKM (k atribucii i datirovke) [Archaeological Finds from the Mamontov District in the AKKM collection (about the Attribution and Dating)]. *Altajskij sbornik* [Altai Collection]. Issue 17. Barnaul : Altaj, 1993. Pp. 59–69.

Ivanov G.E. Razvedochnnye raboty 1972 g. v stepnom Altae [Exploration Work in 1972 in Steppe Altai]. *Barnaul na rubezhe vekov: itogi, problemy, perspektivy* [Barnaul at the Turn of the Century: Results, Problems and Prospects]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 52–55.

Mogil'nikov V.A. Arheologicheskie issledovanija na verhnem Alee [Archaeological Research on the Upper Alei River]. *Arheologija i kraevedenie Altaja* [Archaeology and Regional Studies of Altai]. Barnaul : Alt. ot. Geograf. obshh-va Sojuza SSR, 1972. Pp. 39–43.

Mogil'nikov V.A. Pamjatnik jepohi rannego zheleza na verhnem Alee [Monument of the Early Iron Age on the Upper Alei River]. *Ohrana i ispol'zovanie arheologicheskikh pamjatnikov Altaja* [Protection and Use of the Archaeological Sites of Altai]. Issue I. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 78–83.

Mogil'nikov V.A. Kurgany rannego zheleznogo veka Korboliha-X [Mounds of the Early Iron Age – Korboliha-X]. *Ohrana i issledovanija arheologicheskikh pamjatnikov Altaja* [Conservation and Research of Archaeological Sites of Altai]. Issue II. Barnaul : Barn. gos. ped. in-t, 1991. Pp. 95–102.

Mogil'nikov V.A. Kochevniki severo-zapadnyh predgorij Altaja v IX–XI vekah [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9–11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 p.

Mogil'nikov V.A., Kujbyshev A.V. Kurgany "Kamen' II" (Verhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. [Mounds "Stone II" (Upper Ob). The Excavation of 1976]. SA. 1982. №2. Pp. 113–134.

Parshikova T.S. Dejatel'nost' muzeev Altajskogo kraja v oblasti arheologii (1940–1960 gg.) [Activities of the Altai Territory in the Field of Archaeology Museums (1940–1960)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. 2013. №4/2. Pp. 223–227.

Tishkin A.A., Kushakova N.A. Bronzovye navershija iz Shtabki: tehnologija izgotovlenija, analogii, datirovka [Bronze Finials from Shtabka: Manufacturing Techniques, Analogies, Dating]. Voprosy arheologii i istorii Sibiri: Pamjati professora A.P. Umanskogo [Questions of Archaeology and History of Siberia: the Memory of Professor A.P. Umansky]. Barnaul : Barn. gos. ped. un-t, 2008. Pp. 23–33.

Tishkina T.V. Arheologicheskoe izuchenie Altaja sotrudnikami Altajskogo podotdela Zapadno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva (1902–1917 gg.) [Archaeological Study of Altai by the Altai Subdivision of West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society (1902–1917)]. Shestye istoricheskie chtenija pamjati Mihaila Petrovicha Grjaznova [Sixth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk : Oms. gos. un-t, 2004. Pp. 38–41.

Tishkina T.V. Arheologicheskie kolekcii N.S. Guljaeva v sobranijah muzeev Rossii [Archaeological Collections of N.S. Gulyaev in the Collections of Museums in Russia]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2007. №4/2. Pp. 152–156.

Tishkina T.V. Popolnenie v 1920-e gg. arheologicheskikh kolekcij v muzee Barnaula [Replenishment in 1920 of the Archaeological Collections at the Barnaul Museum]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2014. №4/2. Pp. 217–223.

Umanskij A.P. Arheologicheskie pamjatniki u s. Inja [Archaeological Sites in the Inya Village]. Izvestija Altajskogo otdela Geograficheskogo obshhestva Sojuza SSR [Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR]. Barnaul : Alt. kn. izd-vo, 1970. Issue 11. Pp. 45–74.

Umanskij A.P. Kurgany zheleznogo veka v Rodinskom rajone [Mounds of the Iron Age in Rodinsky District]. Kul'tura narodov Evrazijskikh stepej v drevnosti [Culture of the Peoples of Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993a. Pp. 202–219.

Umanskij A.P. Raskopki kurgana rannezheleznogo veka u sela Gon'by [The Excavation of the Mound near the Gonba Village of the Early Iron Age]. Goroda i sela Altajskogo kraja: istoricheskoe nasledie (Pavlovskij rajon) [Towns and Villages of the Altai Territory: Historical Heritage (the Pavlovsk District)]. Pavlovsk : B.i., 1993b. Pp. 17–19.

Umanskij A.P. Raskopki kurganov v urochishhe Razdum'e v 1961 godu [Excavations of Burial Mounds in the Razdumye tract in 1961]. Altajskij sbornik [Altai Collection]. Issue XVII. Barnaul : Altaj, 1993v. Pp. 83–99.

Umanskij A.P. Pogrebenie berezovskogo jetapa bol'sherechenskoj kul'tury na stancii Zarinskaja [The Burial of the Berezovsk Stage of Bolsherechye Culture at the Zarinskaya Station]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Conservation and Study of the Altai Cultural Heritage]. Part 2. Barnaul : Altaj, 1995. Pp. 134–137.

Frolov Ja.V. Obsledovanie sovremennogo sostojanija arheologicheskikh pamjatnikov Ust'-Pristanskogo rajona Altajskogo kraja [The Survey of the Current State of Archaeological Monuments in the Ust'-Pristan District of the Altai Territory]. Problemy, ohrany izuchenija i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija Altaja [Problems of Study and Protection of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. S. 102–105.

Frolov Ja.V. Veshhevoj kompleks mogil'nika rannego zheleznogo veka Kordon [The Storage Complex of the of the Early Iron Age Burial Ground]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja. Vyp. XI [Preservation and Study of Cultural Heritage of the Altai Territory]. Issue XI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999a. Pp. 169–171.

Frolov Ja.V. Drevnie pamjatniki Ust'-Pristanskogo rajona [Ancient Monuments of the Ust'-Pristan District]. Nizhnee Pricharysh'e: ocherki istorii i kul'tury [The Low Irtysh Region: Essays on History and Culture]. Barnaul ; Ust'-Pristan' : Kombi-Print, 1999b. Pp. 6–29.

Frolov Ja.V. Arheologicheskaja i jetnograficheskaja kolekcii Barnaul'skogo muzeja v XIX v. [Archaeological and Ethnographic Collection of the Museum of Barnaul in the 19th Century]. Kraevedcheskie zapiski [Local History Notes]. Issue 4. Barnaul : Altaj, 2001a. Pp. 57–66.

Frolov Ja.V. K voprosu ob odnoj kolekcii predmetov, vypolnennyh v skifo-sibirskom zverinom stile iz fondov Altajskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeja [On the Question of the Collection of Objects Made in Scythian Style of Art from the Collections of the Altai State Museum of Local Lore]. Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoj Azii: Itogi i perspektivy izuchenija na rubezhe tysjacheletij [Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Results and Prospects of Studying at the End of the Millennium]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001b. Pp. 294–297.

Frolov Ya.V. 125 let so vremeni uchastiya Barnaul'skogo muzeya v Antropologicheskoy vystavke v Moskve [125 Years since the Participation of the Barnaul Museum in the Anthropological Exhibition in Moscow]. Barnaul'skiy khronograf, 2004: Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat [Barnaul Chronograph 2004: Calendar of Significant and Memorable Dates]. Barnaul : Altay, 2003. Pp. 44–47.

Frolov Ja.V. Kollekcija hudozhestvennoj metalloplastiki jepohi rannego zheleza iz sobraniya Altaj'skogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeja [Collection of Artistic Metal Plastic of the Early Iron Age from the Collection of the Altai State Museum of Local Lore]. Trudy Altaj'skogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeja [Proceedings of the Altai State Museum of Local Lore]. Vol. II. Barnaul : OOO ID "Altapress", 2006a. Pp. 105–126.

Frolov Ja.V. Materialy skifskogo vremeni iz Novoaltaj'skogo mogil'nika [Materials of the Scythian Time Burial in Novoaltaisk]. Sovremennye problemy arheologii Rossii (Materialy Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. 23–28 oktjabrja 2006 g. Novosibirsk) [Modern Problems of Russian Archaeology (Materials of the All-Russian Archaeological Congress. 23–28 October 2006 Novosibirsk)]. Vol. II. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2006b. Pp. 63–66.

Frolov Ja.V., Vedjanin S.V., Izotkin S.L. Kompleks drevnih poselenij – Gorelyj Kordon [The Complex of the Gopely Kordon Ancient Settlements]. Mihajlovskij rajon. Oчерki istorii i kul'tury [Mikhailovsky District. Sketches of History and Culture]. Barnaul : OOO "Neksi" : OAO "Altaj'skij poligraficheskij kombinat", 1999. Pp. 66–69.

Frolov Ja.V., Papin D.V. Materialy perehodnogo vremeni ot pozdnej bronzy k rannemu zheleznomu veku iz kolekcii N.S. Guljaeva, sobrannoj u s. Bol'shaja Rechka v 1903 g., hranjashhiesja v AKKM [Materials of the Transitional Period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age Collection of N.S. Gulyaev collected from the Big River Village in 1903, Stored in AKKM]. Problemy ohrany, izuchenija i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija Altaja [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 88–91.

Shamshin A.B., Frolov Ja.V., Mednikova Je.M. Bobrovskij gruntovyj mogil'nik [The Bobrovsk Burial Ground]. Pogrebal'nyj obrjad drevnih plemen Altaja [The Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 69–88.

Shul'ga P.I., Pugachev D.A., Frolov Ja.V. Po rezul'tatam inspekcionnoj poezdki v juzhnye rajony Altaj'skogo kraja [According to the Results of the Inspection Visit to the Southern Regions of the Altai Territory]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altaj'skogo kraja. Vyp. X [Conservation and Study of Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. X. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 93–98.

УДК 902; 394

Н.А. Томилов¹, А.А. Тишкин², М.А. Корусенко³, К.Н. Тихомиров⁴, М.Н. Тихомирова⁵

^{1,3}Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

^{1,3-5}Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» 6–8 ОКТЯБРЯ 2015 г., БАРНАУЛ

В статье освещаются результаты XXI Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 200-летию со дня рождения А.Ф. Миддендорфа и 130-летию со дня рождения С.И. Руденко. Отмечены доклады по историографии, теории, источниковедению и методике этноархеологического научного направления, по изучению имеющихся материалов по кулайской историко-культурной общности, а также сообщения о практических достижениях в области интеграции археологии, этнографии, других гуманитарных и естественных наук. Симпозиум, проведенный в Барнауле на базе Алтайского государственного университета, продемонстрировал определенный уровень развития этноархеологического направления, способствовал систематическому взаимодействию в этой и других областях знаний. В обсуждениях были намечены пути дальнейшей научной деятельности и обозначены актуальные планы проведения следующих симпозиумов. Участники форума имели возможность посетить Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Ключевые слова: археология, этноархеология, этнография, интеграция наук, научный симпозиум, историко-культурная общность.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-12

На протяжении значительного периода отечественные исследователи в поисках новых теоретических и методических подходов в области исторических реконструкций развивают идею интеграции археологических и этнографических исследований. Одним из направлений и одновременно результатов многолетней деятельности омских этноархеологов стало проведение тематических всероссийских, а затем и международных научных форумов. История данных мероприятий начинается с 1993 г., когда в октябре в Омске состоялся I Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». Второй семинар прошел в ноябре 1994 г., третий – в ноябре 1995 г. (оба – в Омске), четвертый семинар был проведен в Новосибирске в ноябре 1996 г., пятый – в Уфе в июне 1997 г., шестой – в Санкт-Петербурге в октябре 1998 г., седьмой – в Москве в июне 1999 г., восьмой – во Владивостоке в сентябре 2000 г., девятый – в Нальчике в сентябре 2001 г., десятый – в Ханты-Мансийске в сентябре 2002 г., одиннадцатый – в Омске в июне 2003 г., двенадцатый – в Алматы в сентябре 2004 г., тринадцатый – в Омске в октябре 2004 г., четырнадцатый – в Красноярске в октябре 2006 г., пятнадцатый – уже в качестве Международного научного симпозиума в Одессе в мае 2007 г., шестнадцатый – в Новосибирске в октябре 2008 г., семнадцатый – в Омске в сентябре 2009 г., восемнадцатый – в Казани в октябре 2010 г., девятнадцатый – в Омске в сентябре 2011 г., двадцатый – в Иркутске в мае 2013 г. XXI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» реализован в Барнауле 6–8 октября 2015 г.

Все перечисленные научные форумы состоялись благодаря деятельности постоянных учредителей – Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Особенностью подготовки и проведения указанных мероприятий (практически сразу с 1994 г.) стало привлечение учреждений-партнеров для расширения круга потенциальных участников. В 2015 г. основным организатором симпозиума в Барнауле выступил Алтайский государственный университет, ученые которого принимали активное участие практически с самого начала проведения этого научного форума. Кроме них, в состав организаторов вошли Иркутский национальный исследовательский технический университет, Омский научный центр СО РАН, Нанкинский университет (Китай), Павлодарский государственный университет (Казахстан) и Ховдский государственный университет (Монголия). Симпозиум был проведен в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ*.

В бюро организационного комитета вошли его председатели – академик РАН А.П. Деревянко (Барнаул, Новосибирск) и профессор, доктор исторических наук Н.А. Томилов (Омск). Сопредседателями оргкомитета стали профессор, доктор исторических наук А.А. Тишкин (Барнаул) и кандидат исторических наук М.А. Корусенко (Омск). Обязанности заместителей председателей оргкомитета исполняли доцент, доктор исторических наук С.П. Грушин (Барнаул), кандидат исторических наук К.Н. Тихомиров (Омск). Учеными секретарями были кандидаты исторических наук Н.Н. Серегин (Барнаул) и М.Н. Тихомирова (Омск), а секретарем конференции – Т.С. Паршикова (Барнаул).

Сейчас, уже после проведения симпозиума, можно отметить, что форум вызвал большой интерес среди научной общественности. В нем пожелали участвовать в очной или заочной форме более 120 ученых из 33 городов России, а также из Казахстана, Китая, Монголии, Узбекистана и Украины. Для участия в симпозиуме оказались заявлены 113 докладов. К началу работы симпозиума был напечатан сборник научных трудов, состоящий из 104 статей**. Непосредственно в работе симпозиума приняли участие около 100 человек, были заслушаны и обсуждены 43 доклада.

На пленарном заседании собравшихся приветствовали: проректор по научному и инновационному развитию Алтайского госуниверситета (АГУ) А.А. Тишкин, который передал участникам симпозиума пожелание успешной работы ректора данного вуза, профессора, доктора юридических наук С.В. Землюкова; директор Омского филиала Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского госуниверситета (ОмГУ) им. Ф.М. Достоевского Н.А. Томилов; декан исторического факультета АГУ, профессор, доктор исторических наук Е.В. Демчик; заведующий сектором исторического музееведения Омского филиала ИАЭТ СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ М.А. Корусенко. Были озвучены приветствия в адрес симпозиума от председателя президиума Омского научного центра СО РАН, члена-корреспондента РАН В.А. Лихолобова и ректора ОмГУ, профессора А.В. Якуба.

* Проект №33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики этнокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках».

** Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. / гл. ред. Н.А. Томилов ; отв. ред. М.А. Корусенко, А.А. Тишкин, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Серегин. Барнаул ; Омск, 2015. 362 с.

Президиум симпозиума

Научное мероприятие по уже сложившейся традиции посвящается памяти ученых, внесших существенный вклад в археолого-этнографические исследования на территории Западной Сибири. В 2015 г. симпозиум был приурочен к двум юбилейным датам – 200-летию со дня рождения А.Ф. Миддендорфа и 130-летию со дня рождения С.И. Руденко.

В этой связи доклады, заслушанные на пленарном заседании, в основном носили мемориальный характер. Большая часть из них была посвящена личности и творческому наследию С.И. Руденко. В частности, А.А. Тишкин (Барнаул) в докладе «Личное дело студента С.И. Руденко в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга» ввел в научный оборот новые материалы о самом начале творческой биографии исследователя. Продолжили линию изучения научного наследия С.И. Руденко доклады С.М. Киреева (Горно-Алтайск) «Новые сведения о пребывании С.И. Руденко в Горном Алтае в 1924 году» и О.Г. Филипповой (Барнаул) «Археологические коллекции профессора С.И. Руденко в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки». Научной биографии А.Ф. Миддендорфа и его изучению Сибири посвятил свой доклад А.В. Жук (Омск), однако его выступление на пленарном заседании, к сожалению, не состоялось по причине болезни автора.

Мемориальная тематика была продолжена в выступлениях на секции «Историографические аспекты взаимодействия археологических и этнографических исследований: личности, авторские подходы, опыт и проблемы интеграции». Среди них отметим доклады А.А. Черновой (Барнаул) «Фольклорно-этнографическое наследие А.В. Анохина как составляющая изучения культуры населения Горного Алтая» и П.К. Дашковского (Барнаул) «Историко-этнографическое изучение мировоззрения тюркоязычных народов Центральной Азии в творчестве С.Г. Кляшторного». Известный томский археолог, доктор исторических наук Л.А. Чиндина выступила с сообщением на тему «Этнографо-археологический аспект в работах Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева». Вто-

рой ее доклад, состоявшийся сверх научной программы симпозиума, вызвал живой интерес у участников. Он касался известного в этнографии феномена «свадьбы мертвых» по материалам погребального обряда селькупов.

В плоскость рассмотрения авторских подходов к значимым историческим событиям внимание аудитории было переведено докладом С.Ф. Татаурова (Омск) «Археологические мифы по вопросу распространения ислама в Западной Сибири». В своем выступлении он полемизировал с рядом авторов, односторонне интерпретирующих археологические материалы и пытающихся доказать существование анклавов мусульманства на территории Западной Сибири в XIII–XIV вв.

Завершил пленарную часть заседания С.С. Тихонов (Омск), который выступил с докладом-отчетом по результатам организации и проведения предыдущего – XX Международного симпозиума по этноархеологии (Россия, Иркутск, май 2013 г.), подготовленным совместно с М.А. Корусенко и Н.А. Томиловым (Омск).

В первый день работы симпозиума заслушаны выступления приглашенных китайских коллег из Нанкинского университета. Доклады сделали Чжан Лянжэнь (Zhang Liangren) (Нанкин) «Prehistoric archaeology of the Turfan basin» («Доисторическая археология бассейна Турфана»), Ван Сяочи (Wang Xiaoqi) (Нанкин) «Early beads from China» («Ранний бисер из Китая»), Ма Джан (Ma Qiang) (Нанкин) «The Wangdahu cemetery of the Chunqiu-Zhanguo period in Ningxia» («Могильник Вондаху периода Чунцю-Чжаньго в Нинся»).

На секции «Этноархеологические исследования: источники, методика и теория» уже традиционно были представлены разработки в области теории комплексных археолого-этнографических исследований. Здесь необходимо отметить доклады Ю.В. Герасимова (Омск) «Погребальные комплексы развитого средневековья – нового времени в Тарском Прииртышье: преемственность и новации», А.М. Илюшина (Кемерово) «Социальные статусы индивида в пространстве жизни и смерти (по материалам раскопок погребальных памятников развитого средневековья Кузнецкой котловины)», В.М. Кимеева (Кемерово) «Опыт реконструкции мировоззрения на примере музеефицированных археологических памятников Притомья», совместный доклад М.А. Корусенко и А.В. Полеводова (Омск) «Предмет, объект, источник в концепции этнографо-археологического комплекса: к проблеме теоретических разработок в рамках научного направления», К.Н. Тихомирова (Омск) «Некоторые вопросы исследования динамики социокультурных систем археологическими методами», С.С. Тихонова (Омск) «Этнографо-археологические исследования и вопросы картографирования исторических объектов».

Центральное место в работе конференции заняла секция «Научные результаты практических работ в области интеграции археологии, этнографии, других гуманитарных и естественных наук». Доклады, которые были озвучены на ней, можно разделить на следующие тематические блоки.

Например, отдельно можно выделить доклады по хозяйству и материальной культуре. Это выступления А.Д. Таирова (Челябинск) «Хозяйство башкир лесостепи Южного Зауралья XVIII–XIX веков как модель хозяйства лесостепного зауральского населения раннего железного века», М.Н. Тихомировой (Омск) «Кухонная утварь из дерева и кожи у барабинских татар (обзорная характеристика)». Среди докладов этой группы отдельно хотелось бы выделить сообщения, касающиеся керамики – одного из важнейших источников в археологии. Некоторым подходам в ее интерпретации были

посвящены сообщения В.А. Борисова (Кемерово) «Технологические традиции в древнем гончарстве как этнокультурный признак», Н.Ф. Степановой, С.Ж. Рахимжановой, К.Ю. Кирюшина (Новосибирск, Барнаул) «Результаты предварительного изучения керамики поселения Новоильинка-III».

Зарубежные и российские участники на пленарном заседании

В ряде докладов, прозвучавших на секции, так или иначе затрагивались вопросы интерпретации следов погребальных практик на материалах археологических памятников. Этой проблематике посвящены выступления С.П. Грушина, А.В. Фролова, С.А. Пилипенко (Барнаул, Новосибирск) «Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха-3 (Верхнее Приобье)»,

Т.Б. Никитиной (Йошкар-Ола) «Жертвенные комплексы выжумского марийского могильника X – начала XII века (к вопросу о связи живых и мертвых)», Я.В. Фролова, С.П. Грушина (Барнаул) «Колчанный набор из монгольского погребения у д. Калистратиха (Верхнее Приобье)».

Доклады В.И. Семеновы (Тюмень) «Атрибуция рукоятей ножей с библейскими сюжетами (случайные находки с севера Тюменской области)», С.В. Сотниковой (Тюмень) «Изображение фантастической птицы на зеркале истяцкого “клада” в свете индоиранских параллелей», Л.М. Плетневой (Томск) «Бронзовая бляха из Тимирязевского поселения IV» были посвящены интерпретации и атрибуции археологических находок. Последнее выступление, кстати, вызвало немедленную дискуссию буквально по всем позициям авторского прочтения находки. И, как признали участники обсуждения, автор обращает ученых к глубокой проработке источника, сравнительно-историческим и историко-генетическим исследованиям.

В ряде выступлений апробировались результаты междисциплинарных исследований. Здесь можно выделить сообщение А.А. Тишкина и О.С. Мамонтовой (Барнаул) «Использование рентгенофлюоресцентного спектрометра при изучении марийских украшений из собрания Алтайского государственного краеведческого музея», а также доклад С.А. Федоровой, написанный ею вместе с другими авторами: А.Н. Алексеевым, Э.К. Хуснутдиновой, А.Д. Степановым (Якутск, Уфа) «История заселения человеком северо-востока Евразии: молекулярно-генетические реконструкции».

Уже во второй раз (первый раз – в 2013 г.) в рамках симпозиума работала секция «Проблемы исследования кулайской историко-культурной общности Западной Сибири». Организаторы форума пошли на продолжение сотрудничества с учеными, пожелавшими обсудить вопросы истории, генезиса и культуры этой историко-культурной общности раннего железного века, хотя, казалось бы, данная проблематика выбивается из направлений работы научного форума. Но если взглянуть на проблему шире, то ничего странного здесь нет. Ведь проблематика культурогенеза таежного и южнотаежного населения в эпоху раннего железного века, сыгравшего важнейшую роль в этнической истории населения Западной Сибири, позволяет рассматривать и теоретические вопросы, и их практическое применение, что позволяет шире взглянуть и на различные аспекты археолого-этнографических исследований. В рамках этой секции состоялись 8 из заявленных 15 докладов – это выступления С.Н. Паниной (Екатеринбург) «“Мир перевертышей”: полиморфические фигуры в бинарной оппозиции в иткульском и кулайском культурном литье», Д.Ю. Рыбакова (Северск) «Культурные особенности Томского Приобья в конце IV – II веке до н.э.», Ю.П. Чемякина (Екатеринбург) «Усть-Полуй: городище, святилище, культура», И.Ю. Чикуновой (Тюмень) «К вопросу о формировании средневековых культур Северного Приобья», А.И. Бобровой (Томск) «Городища раннего железного века Верхней Кети», Л.А. Чиндиной (Томск) «Кулайская культура и кулайская общность в контексте пространства и времени», Ю.В. Ширинина (Новокузнецк) «Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности». Итоги работы данной секции в развернутом выступлении подвела Л.А. Чиндина (Томск).

На заключительном заседании симпозиума (07.10.2015) обсуждены результаты работы форума. Высказывались предложения усилить на следующих симпозиумах историко-этнографическое и теоретическое направления и с этой целью ввести практику заказных

докладов ведущих ученых, в том числе с использованием новейших информационных технологий (видеоконференции, телемосты и т.д.). Решено обратиться к руководству Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук с рекомендацией опубликовать рукопись неизданной монографии С.И. Руденко о работах на Нижней Оби и сделать это с участием сотрудников Алтайского государственного университета. Участники симпозиума обратились также с просьбой к ученым этого вуза завершить работу по подготовке монографии о жизни и деятельности выдающегося археолога, этнографа и историка С.И. Руденко. Были обсуждены и возможные варианты проведения следующего симпозиума. Обозначен год проведения следующего (XXII) научного форума – 2017 г., а вот с его местом организационный комитет пока не определился.

Коллективное фотографирование участников симпозиума
(снимок сделан Л.В. Татауровой)

Собравшиеся дали положительную оценку работе прошедшего симпозиума и выразили искреннюю благодарность ее организаторам, отметив высокую эффективность работы сайта симпозиума, своевременную публикацию сборника его научных трудов, который вместе с фото- и видеотчетами о конференции доступен в сети Интернет*.

Завершилась работа научного форума экскурсией в г. Горно-Алтайск с посещением Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, где участникам продемонстрирована археологическая и этнографическая экспозиции, развернутые в новом здании музея. Экскурсию провел один из участников симпозиума, старший научный сотрудник отдела фондов музея С.М. Киреев.

В целом прошедший в Барнауле XXI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований», по мнению его участников, безусловно, способствовал достижению определенного уровня дисциплинарной организации этноархеологического научного направления и систематического взаимодействия между учеными в этой области знаний.

* <http://conf.nsc.ru/integr-2015/proceedings;jsessionid=4B0F1DA77E7946DB0E5A107B98DA74E5>;
<http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1377>

N.A. Tomilov, A.A. Tishkin, M.A. Korusenko, K.N. Tikhomirov, M.N. Tikhomirova

XXI INTERNATIONAL SCIENTIFIC SYMPOSIUM

**“INTEGRATION OF ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHICAL RESEARCH”**

6–8 OCTOBER, 2015 BARNAUL

The article highlights the results of the XXI International Scientific Symposium “Integration of Archeological and Ethnographic Research” devoted to the 200th anniversary of the birth of A.F. Middendorf and the 130th anniversary of the birth of S.I. Rudenko. The emphasis is made on the reports on historiography, theory, source and methods of ethno-archaeological scientific direction to study materials available on Kulai historical and cultural community, as well as reports on the practical achievements in the field of integration of Archaeology, Ethnography, and other arts and sciences. The symposium, held in Barnaul on the basis of Altai State University, demonstrated a certain level of development of ethnoarchaeological field, systematically promoted cooperation in this and other fields of knowledge. The discussions outlined the ways to promote scientific activity and marked current plans for the workshops. Forum participants had the opportunity to visit Anokhin National Museum of the Altai Republic in Gorno-Altai.

Key words: archaeology, ethnoarchaeology, ethnography, the integration of science, scientific symposium, historical and cultural community.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АГУ – Алтайский государственный университет.
АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БНЦ – Бурятский научный центр.
БСЭ – Большая Советская энциклопедия.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ДНУ – Донецкий национальный университет.
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия).
НВФ – научно-вспомогательный фонд.
НИЦ – Национальный исследовательский центр.
НПЦ МК РБ – Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры Республики Башкортостан.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ОФ – основной фонд.
РАН – Российская академия наук.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции.
УрО – Уральское отделение.
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования.
ФГОУ ВПО ВАГС – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградская академия государственной службы».
ЮНЕСКО – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гайдученко Леонид Леонидович, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, биолог Научно-образовательного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета; 456501, Челябинская обл., Сосновский р-н, дер. Малиновка, ул. Мира, д. 9; volin-va@list.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Грешников Эдуард Аркадьевич, научный сотрудник Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»; levkon1963@yandex.ru

Гринько Александра Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН; 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; tikal@yandex.ru

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; gsp142@mail.ru

Дэвлет Екатерина Георгиевна, доктор исторических наук, руководитель Центра палеоискусства Института археологии РАН; 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; eketek@yandex.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 506; kirill-kirushin@mail.ru

Корусенко Михаил Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН; 644024, Омск, пр-т Карла Маркса, 15/1; otto.link@gmail.com

Леванова Елена Сергеевна, научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН; 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; maraveriza@gmail.com

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета; 100028, Республика Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 2; Lvvg7@mail.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; marsadolov@hermitage.ru

Мерц Виктор Карлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, директор Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана; 140008, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Ломова, 64; vmertz@mail.ru

Нечвалода Алексей Иванович, младший научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация); striwolf@mail.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; papindv@mail.ru

Пахунув Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН; 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; science@pakhunov.com

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук; профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань, Российская Федерация); murzih@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; nstepanova10@mail.ru

Тихомиров Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН; 644024, Омск, пр-т Карла Маркса, 15/1, ktikhomirov@gmail.com

Тихомирова Марина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН; 644024, Омск, пр-т Карла Маркса, 15/1; marinat24@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Томилов Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Дом. адрес: 644077, пр-т Мира 55-в, кв. 57; n.a.tomilov@gmail.com

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; fedorukas@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 321a; frolov_jar@mail.ru

Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор Нанкинского университета Китая; Китайская Народная Республика, г. Нанкин, 22 Ханкоу улица, район Гулуа; zhlf@nju.edu.cn

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№3 (15) • 2016

Редактор: Е.М. Федяева

Редактирование текстов на английском языке и References: Е.А. Воронцова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 30.09.2016. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,67. Тираж 500 экз. Заказ №255.